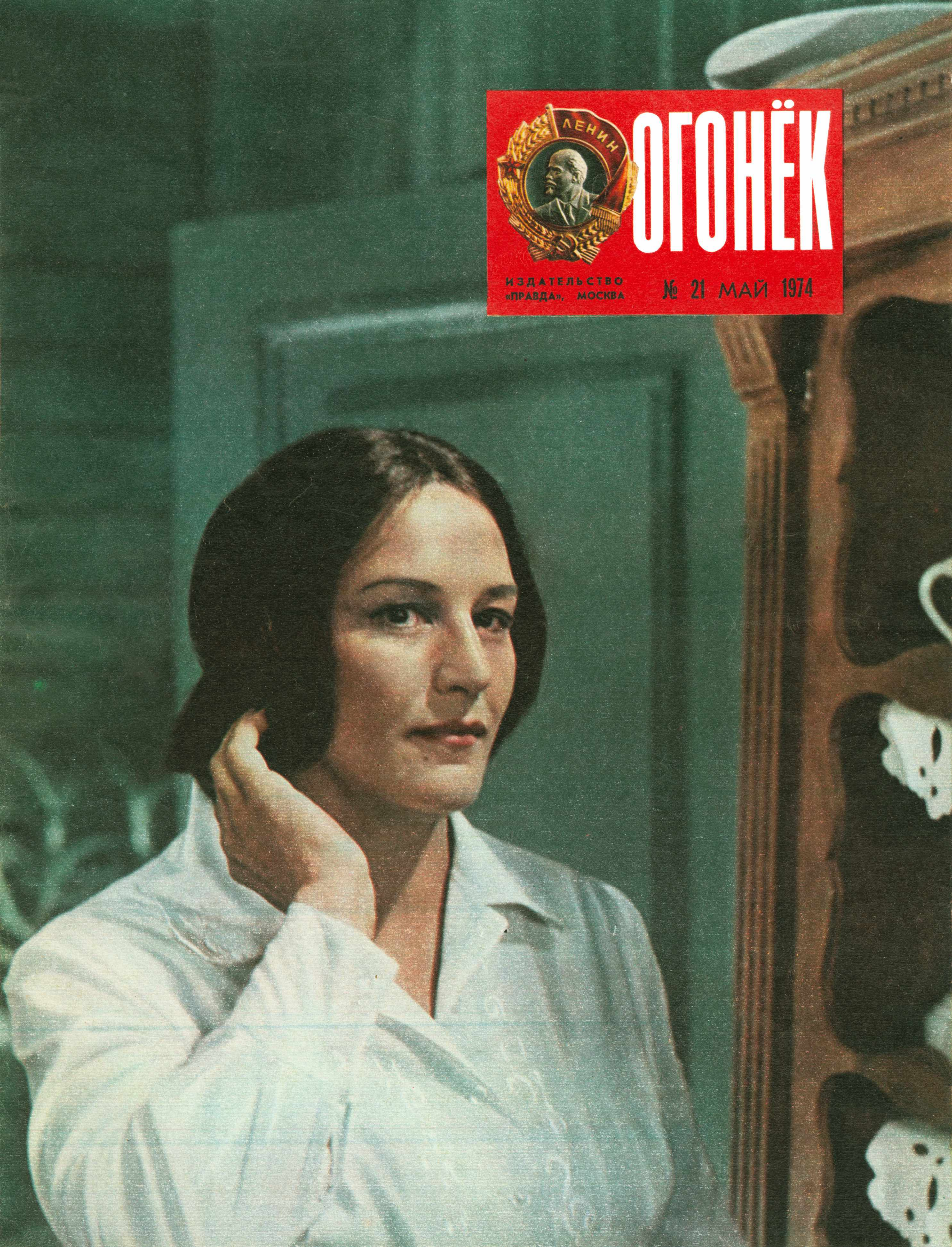

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 21 МАЙ 1974

МОСКВА, 9 М

АЯ 1974 ГОДА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 21 (2446)

18 МАЯ 1974

МОСКВА, 9 МАЯ 1974 ГОДА.

У могилы Неизвестного солдата.

Фоторепортаж А. ГОСТЕВА.

ЕДИНСТВО ВЗГЛЯДОВ

Политическая жизнь в Португалии вступает в важный этап — идет подготовка к созданию временного правительства, которое будет управлять страной до проведения всеобщих выборов. Во многих городах проходят митинги и демонстрации.

На снимке: демонстрация жителей Лиссабона.

Фото АФП — ТАСС.

ТЕРРОР В УРУГВАЕ

Телеграф из Монтевидео сообщил об аресте Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Уругвая товарища Роднея Арисменди. Вместе с ним в военные казематы брошены другие видные уругвайские коммунисты. Как и в Чили, здесь царит произвол реакции, узурпировавшей власть 27 июня 1973 года. Уругвайские «гориллы» запретили деятельность Компартии Уругвая, социалистической партии, Союза коммунистической молодежи, а также других 11 политических партий и организаций.

Коммунистическая партия Уругвая ушла в подполье. Руководство ее смелой, патриотической деятельностью осуществлял видный деятель международного коммунистического и рабочего движения, несгибаемый борец за счастье и свободу своего народа товарищ Родней Арисменди. Родней Арисменди, выступая на XXIV съезде КПСС, взволнованно и убежденно говорил: «Уругвайский народ идет к победе. Эта победа, может быть, уже совсем близка, может быть, она придет позднее, но теперь уже совершенно ясно, что она неизбежно придет».

Уругвайская реакция так же, как и чилийская, которая сейчас готовит расправу над Луисом Корваланом, стремится остановить поступательный, неизбежный ход общественного развития. Но никакой террор, никакие репрессии им не помогут!

Известие об аресте Роднея Арисменди вызвало гневный протест всего прогрессивного человечества. «Свободу товарищу Роднею Арисменди!» — эти слова звучат сегодня на всех языках нашей планеты.

На снимке: товарищ Родней Арисменди.

8 мая в Москве находились с кратковременным дружеским визитом Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков и член Политбюро ЦК БКП, Председатель Совета Министров НРБ С. Тодоров. В ходе визита между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и товарищами Т. Живковым и С. Тодоровым состоялись беседы, прошедшие в обстановке традиционной братской дружбы и сердечности.

Советские и болгарские руководители рассмотрели ключевые направления дальнейшего углубления взаимодействия между КПСС и БКП, СССР и НРБ. Было с удовлетворением констатировано, что эффективность братских связей между Советским Союзом и Болгарией неизменно повышается.

Значительное внимание советские и болгарские руководители уделили перспективным вопросам сотрудничества обеих стран в экономической сфере.

Советские и болгарские руководители обменялись мнениями по актуальным международным вопросам, уделив особое внимание задачам подготовки заключительного этапа общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству.

Беседы советских и болгарских руководителей подтвердили полное единство взглядов по всем обсуждавшимся вопросам.

На снимке: перед началом беседы.
Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

ПРИМЕТЫ РАЗРЯДКИ

Сергей ВИШНЕВСКИЙ

Минуло два года после московской советско-американской встречи на высшем уровне. Жизнь на многочисленных веских примерах подтвердила историческое значение коренного поворота в советско-американских отношениях, начавшегося той знаменательной весной. Важный комплекс соглашений, заключенных тогда и год спустя во время визита Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в США, создал прочную основу для нормализации связей двух стран. В чем жизненность этих соглашений? В том, что они исходят из единственно разумного принципа отношений между странами с различным социальным строем — принципа мирного сосуществования. Документ «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки» зафиксировал торжественное обязательство обеих сторон «исходить из общей убежденности в том, что в ядерный век не существует иной основы для поддержания отношений между ними, кроме мирного сосуществования».

Для советских людей ленинский принцип мирного сосуществования двух систем с различным социальным строем всегда, с первых дней Великого Октября, был одним из краеугольных камней внешней политики. Но понимание того, что сосуществование единственно разумная альтернатива разрушительной войне, не сразу пришло к руководящим американским деятелям. Многие десятилетия им застилал глаза туман воинствующего антикоммунизма.

Не так давно я побывал в США и провел много часов и дней на Капитолийском холме. Былых погромных призывов там уже не услышишь. И не столько потому, что изменились их идейные воззрения. Консервативный сенатор-республиканец от штата Юта Уоллес Беннет, например, как был, так и остался идеологическим антикоммунистом. Но я слышу от него весьма толковые рассуждения об огромных всеобъемлющих переменах в мире, о том, что у Америки есть только два главных выбора — или научиться жить в мире с коммунистами, или опасная конфронтация. А экспансивный невадец сенатор Говард Кэннон восклицает: «Сосуществование? Конечно же!»

Новые беседы с именитыми вашингтонцами дают все больше свидетельств того, что правящие круги США взяли курс на разрядку не из-за чьих-то благих намерений, а под воздействием мощных объективных факторов и прежде всего роста могущества социалистического содружества, последовательного динамичного претворения в жизнь советской Программы мира.

...Осенью 1967 года меня пригласил к себе на беседу тогдашний государственный секретарь Дин Раск. После часового разговора я вышел из его кабинета с тяжелым ощущением, что руководители внешней политики США того времени не видели иной перспективы, кроме непрерывной вереницы конфронтаций.

Трижды в минувшие месяцы мне доводилось видеть и слушать нового руководителя внешнеполитического ведомства США — Генри Киссинджера. Голубоглазый коренастый дипломат с манерами университетского профессора (он и есть крупный ученый-международник) внушительно подчеркивал:

— Соединенные Штаты и Советский Союз осознают общность своих интересов в деле предотвращения ядерной катастрофы и в создании широкой сети конструктивного сотрудничества.

Порой я слышу злонамеренные шепоты противников разрядки: в нормализации советско-американских отношений заинтересована, дескать, только республиканская администрация. Но вот передо мной записи бесед с видными деятелями оппозиционной демократической партии, бывшими министрами и советниками администраций Кеннеди и Джонсона — Робертом Макнамарой, Пьером Сэлинджером, Сарджентом Шривером, Джоном К. Гэлбрейтом, «молодой восходящей звездой партии демократов» Уолтером Мондейлом. Все они единодушно говорили мне о необходимости долгосрочного мирного взаимовыгодного сотрудничества с Советским Союзом. А вот публичное заявление, сделанное в эти майские дни сенатором-демократом Эдвардом Кеннеди, самым популярным в стране деятелем (так гласят опросы общественного мнения). Отметив «чрезвычайно важный прогресс» в развитии советско-американских отношений в последнее время, сенатор подчеркнул: «Этот прогресс действительно отражает мнение основного потока в демократической и республиканской партии... Американцы хотят разрядки напряженности...»

Говоря о все более активных выступлениях рядовых американцев в пользу оздоровления советско-американских отношений, Генеральный секретарь Компартии США Гэс Холл отметил на днях: есть объективные факторы в мире и в Соединенных Штатах, которые действуют в пользу разрядки напряженности и ускоряют этот процесс.

За два минувших года позитивные сдвиги в советско-американских отношениях привели к ряду конкретных практических акций. Важнейшие среди них — Соглашение о предотвращении ядерной войны, переговоры об ограничении стратегических вооружений, ознаменовавшие крупные шаги к предотвращению опасности ракетно-ядерной войны. Расширился взаимовыгодный товарооборот двух стран. Развивается полезное сотрудничество наших государств в самых различных сферах жизни.

Но это — только начало. Впереди еще много сложных нерешенных проблем. Не складывают оружия влиятельные силы реакции — военно-промышленный комплекс, ультра-мракобесы, сионисты. Они уже не атакуют идею сосуществования в лоб, но пытаются исподтишка затормозить процесс нормализации и сотрудничества. Однако им противодействует нарастающая тенденция в пользу разрядки.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

К НЕМУ ШЛИ ЛЮДИ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ШАЛВЫ ДАДИАНИ

Мы все помним высокого, широкоплечего, красивого мужчину с белой, как снег, пышной гривой густых волос, с длинными седыми усами и всегда приветливо улыбающимся лицом. Это был любимый миллионами читателей и зрителей грузинский писатель и драматург, артист и режиссер Шалва Дадиани. Ему в эти дни исполнилось бы сто лет, а помнят его даже сегодняшние юноши.

Бывает во внешности человека что-то такое, что определяет его духовную сущность, даже его профессию. Кто бы ни посмотрел на Шалву Николаевича, обязательно подумал бы: «Это, наверно, писатель или поэт, словом — художник!»

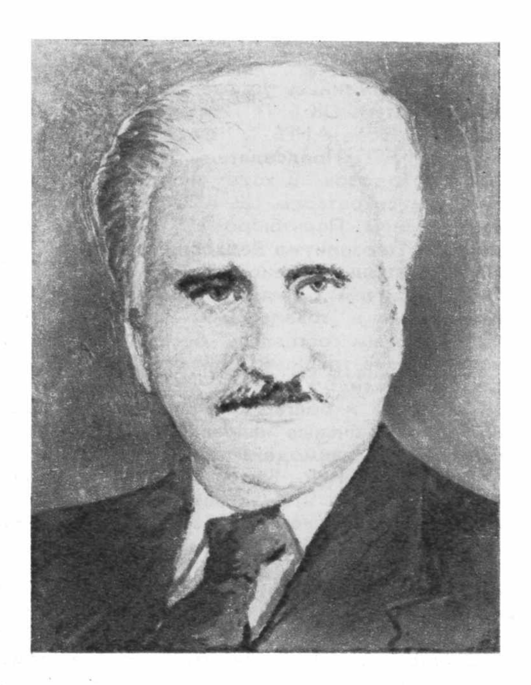
Шалва Дадиани был истинно народным талантом, в нем сочетались все лучшие качества человеческого рода.

Дадиани в дни Октябрьской революции было уже сорок три года, после революции он прожил яркой творческой жизнью еще почти полвека.

Нет зрителя грузинского театра, который не видел бы острые, бытовые комедии и пьесы драматурга Дадиани. Комедийный дар писателя восхищает остроумием и сложностью поставленных проблем. Его дореволюционное творчество — это творчество писателя критического реализма. В своих комедиях Дадиани жестоко расправляется с грузинским дворянством. Сам выходец из дворянства, писатель прекрасно знал психологию представителей деградирующего класса, и яркие комедийные образы, созданные им, стали нарицательными в народе.

В советский период еще плодотворнее развивается и обретает иную мудрость талант и творчество Дадиани. Его романы, пьесы, новеллы, очерки помогают строить новую жизнь. Особенно большой успех, успех всенародный и всесоюзный, получила его пьеса «Из искры» — о коммунистах. Пьеса эта была переведена почти на все языки народов СССР и ставилась многими театрами Советского Союза.

Шалва Николаевич Дадиани был удивительно легким в общении с людьми. Он мгновенно привораживал к себе всех, кто только знакомился с ним, он сразу становился очень своим и близким. И поэтому к нему часто обращались за помощью совершенно разные люди, и он никому не отказывал. Когда друзья спрашивали, знает ли он, кто к нему пришел с просьбой, Шалва Николаевич, улыбаясь, говорил: «Раз человек обращается, а тем более к незнакомому,— значит он очень нуждается в помощи!» И Дадиани помогал! Он был истинным слугой народа. И люди шли к нему не только как к депутату Верховного Совета СССР, но и как к большому писателю и отзывчивому человеку.

Шалва Дадиани живет в созданных им произведениях. Живет в нашей памяти этот прекрасный и благородный человек, который так красиво прожил свою жизнь.

Георгий МДИВАНИ

ПОДОЖДЕМ ДО ОСЕНИ

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Да, недолго пришлось ждать Виктору Корчному. Когда, победив Тиграна Петросяна, он вернулся в Ленинград, Спасский и Карпов сыграли десятую партию, после которой счет матча не изменился, но в следующей партии Карпов поставил наконец точку над «и» и обеспечил себе место в финале. Так узнал Корчной, с кем ему придется встретиться осенью.

Не прошло еще и года с того момента, когда на крупном межзональном турнире в Ленинграде первые два места поделили Карпов и Корчной, и вот теперь они оказались сильнейшими в пульке восьми претендентов на звание чемпиона мира. Напомним коротко, какие барьеры взяли Анатолий Карпов и Виктор Корчной на пути к финалу.

Карпов удивительно легко (3 : 0) выиграл у Льва Полугаевского, гроссмейстера с весьма высоким коэффициентом в мировой табели о рангах, а это ведь был первый матч в практике молодого гроссмейстера. (Полугаевский тогда очень удивился и расстроился, но, полагаем, что сегодня, после победы Карпова над Спасским, понимает, кто у него выиграл.) Корчной за океаном, в США, в напряженной борьбе нарушил планы бразильца Э. Мекинга, который на весь мир объявил, что именно он встретится с Фишером. И вот теперь уже стали историей два последующих матча, которые провели Карпов и Корчной.

Почти все знатоки отдавали предпочтение их старшим по рангу соперникам — экс-чемпионам мира Б. Спасскому и Т. Петросяну, но полуфиналы еще раз показали, как трудно сегодня делать какие-либо прогнозы. Победы добились Корчной и Карпов, опрокинув все предсказания знатоков. И вот теперь им двоим предстоит сесть за один столик и решить, кто же из них будет оспаривать у Фишера шахматную корону.

После неудачных прогнозов перед полуфинальными встречами, конечно, сейчас вряд ли кто-либо решится предсказывать, как закончится финальная встреча, но все же надо учесть, что Виктор Корчной не впервые участвовал в четвертьфинале, не впервые попал в полуфинал и даже в финале он выступает не в первый раз. Но вместе с тем из истории первенств мира нам известно, что можно выиграть матч-реванш в пятьдесят лет (М. Ботвинник у М. Таля), но в сорок три года пока еще никому не удавалось завоевать титул чемпиона. И все же, несмотря на это, Корчной хочет доказать, что и в его годы время еще не просрочено.

Хочется более подробно остановиться на достижениях Анатолия Карпова. Его успехи просто фантастические, небывалые. Не буду скрывать, что я тоже верил в успех Спасского, считая, что у Карпова недостаточный матчевый опыт, но не учел, что если человек хорошо, даже потрясающе хорошо играет в шахматы, то он будет играть сильно и в турнире и в матче, словом, где хотите и с кем хотите. Что Анатолий Карпов шахматист исключительной силы и таланта, давно известно, но что он способен в буквальном смысле этого слова разгромить Спасского, не мог предвидеть ни один человек.

Чем же можно объяснить такой исход матча? Спасскому раньше обычно удавалось навязывать сопернику свою игру, свою волю. Но на этот раз у него ничего не получилось. Тон задавал Карпов, превосходно подготовленный к борьбе таким великолепным тренером, как С. Фурман. Наблюдая за игрой Карпова, изучая его партии последних лет и особенно последние, проведенные в борьбе со Спасским, можно сделать такой вывод: наш молодой гроссмейстер играет почти безошибочно и растет буквально на глазах, с каждым часом.

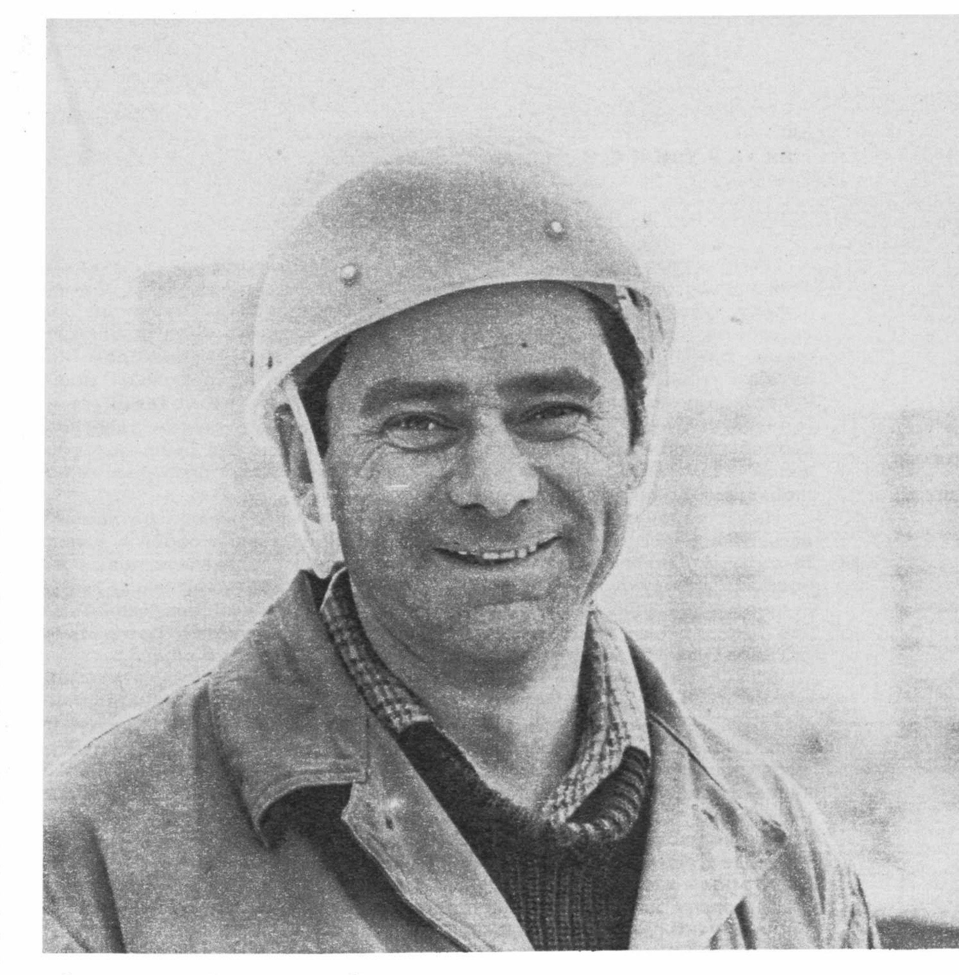
С кем можно сравнить Карпова? Пожалуй, лишь с Михаилом Талем и Робертом Фишером, которые в юности также поразили нас стремительным ростом своего мастерства. Теперь ему предстоит сделать следующий шаг: добиться права на встречу с чемпионом мира. Но для этого Карпову надо победить в финале такого замечательного шахматиста, такого опытного бойца, как Корчной!

Виктор Корчной заявил, что самым увлекательным матчем будет его матч с Фишером, в то время как Карпов в начале борьбы за шахматную корону считал, что этот цикл еще не его. Но, может быть, после победы над Спасским Карпов изменил свою точку зрения? Чтобы получить ответ на этот вопрос, надо подождать до осени.

СТРОИТЕЛЬ

Светлана БЕРЕЗНИЦКАЯ

Имя московского строителя, депутата Верховного Совета СССР В. Е. Копелева сегодня известно всей стране. Бригада, которой он руководит, считается лучшей в Российской Федерации. Жилой 9-этажный дом бригада сооружает за 25 дней. Владимир Ефимович недавно удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев поздравил бригаду с замечательными трудовыми успехами. Заслуженный строитель РСФСР В. Е. Копелев снова выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

Владимир Ефимович Копелев.

Фото А. Ковтун. ТАСС.

Владимир Копелев строил 82-этажный оффис в Чикаго. Впрочем, трудовой вклад его в сооружение гигантского здания невелик. Но американским строителям москвич запомнился. И не только как прекрасный мастер своего дела. Больше всего поразило чикагских монтажников другое: новичок неожиданно для них оказался... конгрессменом. Так им перевели: «депутат Верховного Совета СССР». Говорили, будто прибыл мистер Копелев любоваться красотами Ниагарского водопада и Диснейленда и вдруг запросился на стройку.

В США Копелев почти неделю полностью отдал стройке. И не жалеет. Когда еще узнаешь, как строят небоскребы?

Владимир Ефимович Копелев — строитель по призванию. Стройка для него — мир, который заполняет его существо целиком. Собирание домов не только работа, это — подлинное увлечение.

«Вы, наверное, с юношеских лет мечтали стать строителем?»—спросила я Копелева. И в ответ услышала: «Ничего подобного, случайно вышло. Хотел летчиком быть».

Однако жизнь распорядилась посвоему. Погиб на фронте отец. Жилось трудно. В шестнадцать лет пошел на завод, стал токарем. И хотя работал хорошо, токарным делом не увлекся. Когда в Москве стали сооружать высотные дома, появилась новая профессия: монтажник-верхолаз. Она сразу же привлекла Володю своей необычностью.

В юности решения принимаются быстро. Стал монтажником. Потом пришло очарование высотой. Впрочем, не только высотой — Володю поразила причастность к необыкновенному: вместе с другими он теперь поднимал к небу здания. И когда им был построен первый дом и зажглись в нем вечерние огни, Володю охватило волнение: неизвестно на сколько — на сто лет или двести — поставлен над землей этот дом, в котором воплотился и его труд.

Копелев давно руководит бригадой. Кто-то подсчитал — с его участием построено домов столько, сколько их, например, в областном центре. Тысячи домов, в которых живут сотни тысяч людей, не знающих имени того, кто дал им радость новоселья.

Я смотрела, как строится дом на окраине столицы — в Новогирееве. Все шло заведенным порядком. Четко, строго по графику прибывали панелевозы. И как раз в тот момент, когда освобождалась стрела крана, готова была для подъема на этаж очередная плита. Кропотливо вылизывали стены штукатуры, сыпали снопы искр сварщики. Не чувствовалось ни спешки, ни суеты. Никто не бегал, не сердился. Видно было, что здесь всем по сердцу, люди улыбались, шутили. Копелев был везде. Я едва поспевала за ним.

...Пятнадцать минут назад закончилась работа. Копелев провел летучку с вечерней сменой, переоделся. Надо было торопиться — сегодня занятия в Высшей партийной школе. Нам по пути, и похоже, что Копелев сам собирается брать интервью: «А когда пишется лучше, утром, днем или вечером?..» Я, в свою очередь, прошу его побольше рассказать о своей жизни.

— Ну, раз нужно... Только вы, кажется, уже про меня все знаете. Учился — учусь, работал — работаю.

— Вот уж и вывод напрашивается: последовательный характер.

— Это не только от характера — жизнь заставляет быть последовательным. В нашем деле без характера нельзя.

— А какие черты вы больше всего цените в других?

— Доброту. С добрым человеком любое дело не в тягость. Даже самое нелегкое.

— Ну, раз вы человек последовательный, то у вас, вероятно, есть четко сформулированное жизненное кредо?

— А как же! Я когда-то вычитал слова: «При постройке здания нужно подумать о трех вещах: чтобы оно находилось на правильном месте, чтобы стояло на прочном фундаменте и чтобы было построено как можно лучше». Они и стали для меня своего рода принципом.

— Владимир Ефимович, после того, как вас поздравил Леонид Ильич Брежнев, вы, наверное, много писем стали получать?

— Много! Да и каждому ответить надо, и по существу. А вопросы нелегкие попадаются. Большинство просит рассказать в мельчайших подробностях об опыте работы нашей бригады, спрашивают, нельзя ли поступить к нам? Так что я стараюсь использовать с этой целью каждую возможность выступить в печати.

— А насчет «на работу поступить»?

— Тут, знаете, сложнее. Уже несколько лет мы работаем по-злобински. По-хозяйски относимся к каждой мелочи. Стараемся любой резерв использовать. Вот хотя бы такой пример. По штатному расписанию в бригаде должно быть пятьдесят два человека. А у нас — сорок шесть. И не потому, что не хватает людей, принимать мы могли бы, наверное, даже по конкурсу,— пойдут с охотой. Но опыт показал: можно так организовать дело, чтобы обходиться меньшим числом людей. Естественно, это сложнее, но когда рабочий процесс хорошо налажен, то и производительность труда повышается. Потому-то у нас и наивысшая выработка на человека по всей России. Конечно, не последнее дело, что костяк бригады существует уже с десяток лет. И заметьте: в последние четыре года никто из бригады не ушел. Каждый крепко сроднился с коллективом. Знаем друг о друге, можно сказать, все. И выручить можем, случись что, и отпраздновать, коли повод есть.

Чем интересуется Копелев, кроме работы, учебы? Легче было бы сказать, чем не интересуется. Любит цветы — дома у него вся стена в прихожей заросла вьюном, цветы стоят в горшках и срезанные в вазах. Увлекается живописью, музыкой, собрал большую коллекцию деревянных масок. А вот спортом теперь почти не занимается. Времени не хватает. Если же выкраивает свободное время, любит ходить пешком, с сыном Мишкой погулять...

...Таков он, государственный человек, депутат Верховного Совета СССР, московский строитель Копелев.

ТВОРЧЕСТВО — ЛЮДЯМ!

Ник. КРУЖКОВ

Никто из родных Тансыкбаева не предполагал, что он, этот казахский юноша по имени Урал, сын рабочего, станет художником. Откуда взяться художнику в семье казаха-мусульманина: ведь закон корана строго запретил изображать человека. Но мальчик умел наблюдать жизнь, различать переливы красок на воде, рожденные восходом или закатом солнца, игру контрастных теней в зелени придорожной рощи, у него замирало сердце при виде горных вершин, громоздящихся на горизонте. С помощью цветных карандашей, которые чудом удавалось раздобыть, он пытался изобразить то, что видел, но это было нелегким делом. Однако терпение у молодого парнишки было огромным — полюбившееся занятие он не оставлял.

Над страной шумели ветры революции. Старая жизнь разламывалась. Ташкент, где с малых лет жил Урал, представлял собой в начале 20-х годов кипящий котел: рушились традиции, создавались новые отношения между людьми, невозможное становилось возможным, недоступное — доступным. Открывался новый, пленительный, невиданный ранее мир, полный яркого света. Урал Тансыкбаев широко раскрытыми глазами смотрел вокруг себя. Люди менялись, менялся и он.

В 1923 году винодельческий завод, где тогда работал Урал Тансыкбаев, послал его по делам в городок Ура-Тюбе. Девятнадцатилетний Урал был восхищен старинным городком, расположенным в цветущей долине. Буйство красок узбекской природы, радушие людей, окружавших молодого парня, разожгли в нем жажду творчества. Несколько месяцев прожил он в Ура-Тюбе и привез оттуда добрый десяток этюдов, написанных масляными красками. О своих первых живописных опытах Урал Тансыкбаев впоследствии вспоминал со снисходительной улыбкой, но тогда отчетливо почувствовал, что перейден какой-то важный рубеж. Свои этюды он показал товарищам по работе. Они, разумеется, не были знатоками живописного мастерства, но отнеслись с пониманием. «Тебе надо учиться»,— сказали ему.

При Ташкентском музее искусств как раз в это время открыл студию художник Н. В. Розанов, ученик Репина. Он внимательно ознакомился с этюдами Тансыкбаева, поговорил с ним, оценил его горячее стремление и принял в студию. Это окончательно решило дальнейшую судьбу Урала.

За четыре года учения в студии молодой художник овладел первоначальными навыками профессионального мастерства. В это время он не только много рисовал, но и много читал. Книга стала его другом. И чем больше узнавал, тем лучше понимал, что границы искусства беспредельны и надо упорно, постоянно совершенствовать творческие возможности.

После ташкентской студии Урал уехал по совету своих учителей в Пензу и поступил прямо на четвертый курс Пензенского художественного училища: Ташкент дал ему хорошую подготовку. Училищем в ту пору руководил И. С. Горюшкин-Сорокопудов, а непосредственным преподавателем Тансыкбаева стал Н. Ф. Петров. Это были люди, преданные искусству. Они много дали Уралу, живо интересовались его талантом, прививали ему любовь к русской и зарубежной классической живописи. Молодой человек уехал из Ташкента учеником, подававшим надежды, а вернулся туда мастером, многое познавшим и многое умеющим. Впоследствии, вспоминая своих учителей, художник с благодарностью скажет: «Они развили и укрепили мою любовь к искусству».

О себе он говорил: «Случилось так, что я родился пейзажистом». Природа никогда не оставляла его равнодушным, зелень свежего листа восхищала, раскиданные на поляне цветы будили в душе чувства глубокие и нежные. Река, пробивающаяся сквозь теснины, казалась мечом богатыря, разрубившего скалу. Среди зубчатых горных вершин виделись сказочные замки. Встречи с картинами крупных мастеров пейзажа наполняли душу радостным изумлением. Работы Левитана, по его словам, возбуждали «страстное желание воспевать свой край». Тщательность кисти Шишкина учила трудолюбию. Но, любуясь мастерством классиков, Урал не чувствовал желания быть их копиистом, искал свой путь. «Встречи с творчеством мастеров пейзажа всегда были для меня особой тревогой, надеждой, беспокойством и счастьем»,— признавался он. Итак, учиться, но не идти по проторенным дорогам; постигать метод искусства, но уклоняться от подражания.

Уже в зрелых годах Тансыкбаев говорил: «Для живописца очень важно найти свою тему. А мне не пришлось искать: тему мне подсказала родная земля. Сначала моя песня была только о красоте родного края. Потом, когда мой народ начал изменять облик пустыни, строить новые города, родилась и главная тема — рассказ о колхозном и индустриальном строительстве, о нашей удивительной современности, которую живописцы прошлого почли бы сказкой».

Не найдешь художника, творческий путь которого представлял бы собой ровную восходящую линию. Скорее всего этот путь можно сравнить с лестницей, каждая ступень которой преодолевается с трудом; важно, чтобы восхождение было непрерывным. Кисть Урала Тансыкбаева постепенно мужала, крепла, росла идейность произведений.

Под рукой истинного мастера пейзаж не остается бесстрастным изображением окружающей природы, он пробуждает душевное волнение зрителей. Развивая свой талант, художник добился эмоциональности и выразительности, которые присущи лучшим его работам.

Но иногда он уходил от любимого им жанра. В 1938 году Тансыкбаев оформил первый национальный казахский балет «Калкаман и Мамыр», создав красочные, сочные декорации и костюмы, возникшие как яркие иллюстрации к национальному эпосу. В 1952—1954 годах вместе с М. Арининым и К. Чепраковым выполнил живописные работы в павильоне Узбекской ССР на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. А через несколько лет в составе той же группы расписал залы Ташкентского театра оперы и балета великолепными панно.

Во время войны живописец едет на фронт. В результате этой поездки возникла серия волнующих полотен под названием «Фронтовые этюды».

Подлинный талант проявляется во всем, за что берется истинный творец,— это отчетливо видно на примере Тансыкбаева. И все же вспомним слова, сказанные им о самом себе: «Я родился пейзажистом». Именно картины родной природы создали немеркнущую славу этого крупного мастера советской живописи.

В 1957 году на Всесоюзной художественной выставке всеобщее внимание привлекло произведение «Утро Кайрак-Кумской ГЭС». Возле этого, казалось бы, обычного индустриального пейзажа собирались толпы людей. Что же так пленило их? Нежный свет начинающегося утра художник столкнул с грубыми красками взрытой земли, с ярким блеском голубой воды на горизонте; пределы картины он замкнул острием мыса, срастающегося с далекими горами, передав нам зримое представление об огромных размерах стройки и свое глубоко лирическое видение того, что здесь происходит. Люди почти неприметны, но ощущается движение на мосту плотины. Труд человеческий меняет облик древней земли, и живительная вода — мечта десятков поколений тружеников — вот-вот ринется в пустыню, чтобы дать плодородие иссохшей почве.

Индустриальная тема порой рождает суховатость и сдержанность исполнения. Но в творчестве Урала Тансыкбаева издержки этой важной и ответственной темы отсутствуют: его язык красочен, кисть вдохновенна, и все, что он изображает, наполняется поэтическим содержанием. Каждый его пейзаж — как песня. Взгляните на картины «Чирчик у Ходжикента», «Пяндж вечером», «Река Гунт». Вы услышите грохот буйных рек, разрывающих каменные узы, вам захочется лучше разглядеть облака, громоздящиеся на вершинах гор, и войти в эти страшные теснины, чтобы понять музыку пейзажа — величественную и прекрасную. Творческая взволнованность художника передается зрителям, как бы переливается в нас — вот сила настоящего искусства.

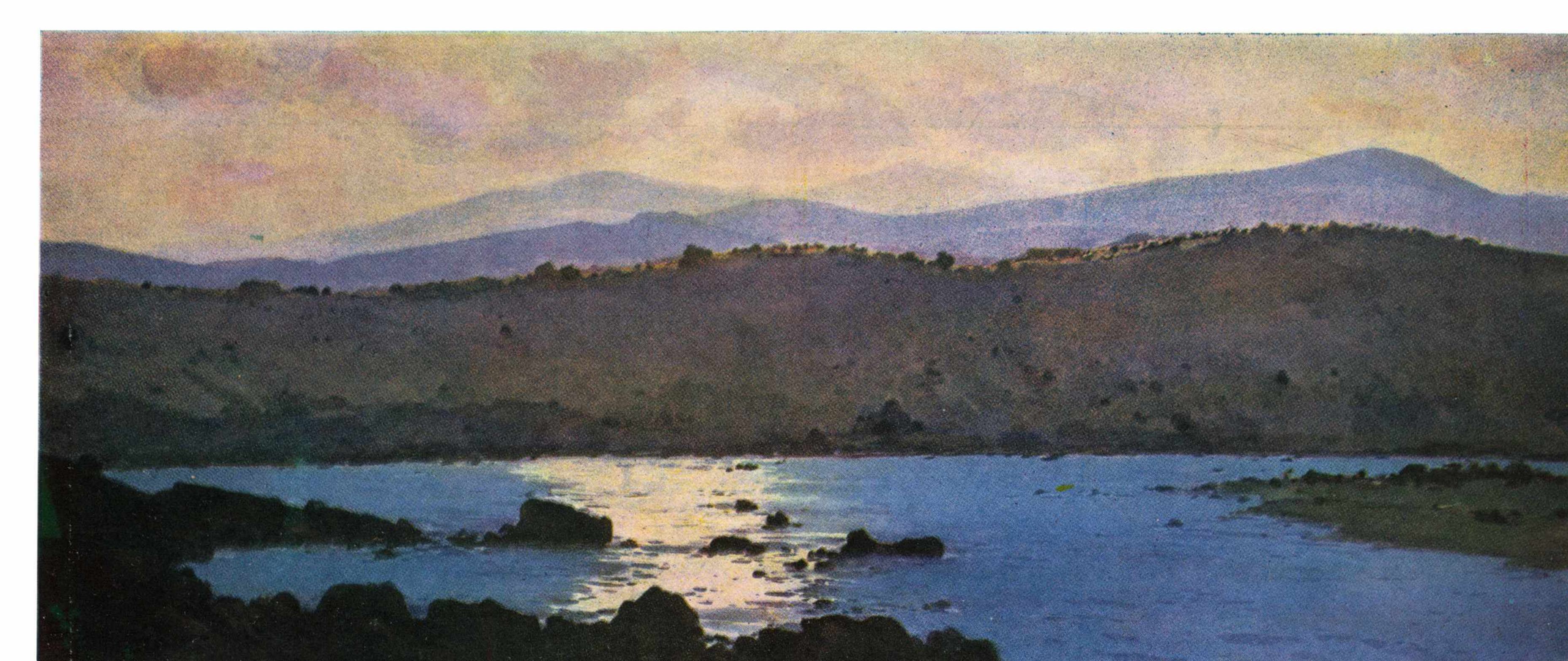
В 1958 году он, народный художник Узбекской ССР, был избран действительным членом Академии художеств Советского Союза. Его искусство — яркое, оптимистическое, глубоко связанное с национальными художественными традициями родного народа, получило высокую оценку Советского правительства: замечательный мастер был награжден орденом Ленина и тремя орденами Трудового Красного Знамени.

Недавно Урал Тансыкбаев скончался. Вспоминаются его слова: «Чтобы быть достойным высокого звания художника, нужно служить людям, отдавая им все, чем владеешь».

Именно так он поступал всю свою жизнь.

У. Тансыкбаев. УТРО КАЙРАК-КУМСКОЙ ГЭС.

ЧИРЧИК У ХОДЖИКЕНТА.

У. Тансыкбаев. ПЯНДЖ ВЕЧЕРОМ.

ПЕРЕД ЭКРАНОМ

Лазарь КАРЕЛИН

Рассказ

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

Он почти всегда останавливался в гостинице «Москва». Даже когда был безвестным актериком, театральным актериком, ходившим в кепочке финского образца и в продувном пальтеце, будь то ростепель или стужа. Так повелось, что ему почти всегда давали номер в этой первостатейной гостинице, хотя никакой, конечно, брони у него не было. А что было? А была улыбка — его, Сереги Чуклинова, улыбка, от уха до уха, знаменитейшая его улыбка, простецкая, доверчивая, от души, которая безотказно добывала ему роли «друзей первых героев» и всех этих заводил на стройке, на лесоповале и прокладке газовых магистралей, когда убийственный хлад или убийственный зной. А улыбаться надобно — роль велит — вот именно от уха до уха. А говорить ничего не надобно. Разве что одну какую-нибудь залихватскую фразочку, одну-единственную на весь спектакль. Что-нибудь вроде «Ух ты!» или «Ох ты!». Или еще: «Ну, девчата, крепись! Мороз-воевода дозором...» И все. Вся роль. И так год за годом, с той поры, как был взят в театр по окончании театрального училища. Не какого-нибудь там, а Щепкинского. Вот судьба.

Но номер в гостинице «Москва», номер на одного, ему почти всегда давали. И это было доброй приметой на земле Московской, это всегда выправляло его настроение, в какой бы хмури он ни приезжал в Москву. А он приезжал в столицу довольно часто. Все для того же, чтобы улыбнуться в каком-нибудь фильме от уха до уха, по-простецки эдак, по-свойски, и чтобы вымолвить одну-другую репличку на весь сценарий: «А ну, девчата!..» Или там: «Во дает, во наяривает — мороз... жара... пурга... сушь...» Стихия определялась в зависимости от времени года, от выбора натуры.

Да, номер давали. Если, конечно, не было сессии или уж очень представительного симпозиума. Тогда давали койку. Ему, безвестному, в утлом пальтишке, ему на дверь не указывали, почти никогда не знал он тут отказа. Уважали? А за что? Жалели? Да не может быть! Даже в пот бросало от этой мысли. Привыкли? Улыбка покоряла? Эта простота в ней, бесшабашность, бесхитростность?

Как бы там ни было, за то ли, за иное ли, но номер давали. А вот сегодня он встретил отказ. И даже в койке отказали. И даже не обнадежили. А ведь в городе не было ни сессии, ни симпозиума, гостиница вовсе не трещала по швам.

Сергей Чуклинов не сразу признал себя побежденным. Он решил, что администраторша не разглядела его. И он наклонился к окошечку и улыбнулся ей. Он улыбнулся даже не просто там своей обычной улыбкой, он весь выложился, он в роль себя ввел, в ту самую, из многосерийного фильма, после которого он «проснулся знаменитым». Не приятеля героя играл он в том прогремевшем фильме, а самого героя. Нашелся наконец умный режиссер, догадливый. И пришла слава. Узнавать стали на улицах. Завалили письмами. По гостям затаскали. Открыли актера. Открыли, что эта простецкая улыбка его от уха до уха вовсе не помеха, чтобы играть разных нонешних высоколобых героев. Напротив, как раз по методу контраста, как раз вопреки всем установлениям. Простецкий малый — и вот вам, играет молодого доктора наук или молодого партийного работника, на плечах у которого целый город. И не поверишь, что он доктор наук, а он — доктор, и не подумаешь, что английский и французский ему ведом, а он взял да и заговорил. Пусть с произношением российским, не совсем бойко, а все-таки. Угадали парня, угадали актера, вытолкнули вперед. И уже пошла, поперла удача. И уже не в пальтеце и кепочке стоит он перед гостиничной администраторшей, а в замшевом дорогом распашливом пальто, а в шапочке — куда там боярину. Стоит, улыбается, мерцая взглядом, совсем так, как в том фильме, когда надобно было дать понять человеку, что прост-то он прост, а строг его спрос. И что же? Глядит на него пожилая, полная администраторша, ответно улыбается, а головой — нет и нет. Не узнала. Что же, в телевизор не заглядывает, в кино не ходит? Он назвался ей. Скромненько так, понизив голос, чтобы вокруг не услышали. К чему это афиширование? Еще за автографами полезут. Он назвался, он даже удостоверение свое актерское на мрамор выложил. И — ничего. Улыбается администраторша, смотрит на него, а головой — нет и нет.

— Но, может быть, койка? До завтра, когда мне оформят броню? — Не ждал, не гадал, что придется дойти до такого унижения, что станет просить о койке в гостиничном общежитии.

Но и койки не оказалось.

Разгневанный, он кинулся к главному администратору. Распахнув пальто, позабыв о своей улыбке, помня разве что, как кричал — когда это? А, в третьей серии! — на нерадивого прораба, он принялся кричать на главного администратора, требуя номер, требуя к себе уважения.

Администратор, вышколенный на своей работе, не вспылил ответно, но в номере отказал и в койке отказал. Похоже было, что он тоже не заглядывает в телевизор и не ходит в кино.

Что было делать? Сергей Чуклинов, подхватив свой элегантный чемоданчик по прозвищу «дипломат», злой, потный, выскочил из гостиничных дверей и очутился на улице Горького. Туннелем пройти — и еще одна перед ним гостиница. Но он вдруг пал духом. Устал вдруг, будто две смены перед аппаратом отработал, со многими дублями, с частыми окриками режиссера: «Не то! Не так!»

Он пал духом и не пошел в другую гостиницу, страшась, что снова натолкнется на отказ. Он побрел по улице Горького, суматошной в этот вечерний час и совершенно безразличной к нему, к знаменитому артисту, которому отказали в номере и даже в койке. Что было делать? Он брел, брел и все более падал духом. Да и холодно ему стало в этом замшевом пальто с меховыми отворотами, хуже, чем в том своем продувном пальтеце. Сиро ему стало и одиноко. И тут вспомнилась ему его родная по отцу тетка. Так уж мы устроены все. Как обидят нас, как замерзнем, как растеряемся, так сразу и вспоминаем о каком-нибудь родном человеке, о котором до этой минуты и год, а то и десять лет ни разу не напомнит память. И вдруг — вот оно спасение, участливое слово, теплый угол, пирожки с капустой. Какие еще пирожки? А те самые, что пекла всегда тетя Ксана, тогда, еще в студенчестве его, когда навещал он ее, учась в Щепкинском. Забежит, отогреется, поест, вывалит свои обиды — и прощай, тетя Ксана, прощай на месяц, а то и на год. Как уж получится.

Вспомнилась тетка, тепло ее комнатки, в ноздрях вдруг пирожковый запах шевельнулся, и наш Сергей просто кинулся на этот зов, к этой памятью отысканной обители.

Повезло ему: схватил сразу такси. Повезло и потом, когда в знакомой кондитерской, неподалеку от теткиного дома, почти не оказалось народа, и молоденькая продавщица, узнав его — вот уж она-то узнала,— обомлев и даже зардевшись, помогла ему набрать самых лучших, самых модных конфет.

— Девушке? — едва обрела она дар речи.

— Тетушке.— И он улыбнулся ей так, как умел, самозабвенно, зная, что загубил ее душевный покой.

Тетка встретила его в дверях и не удивилась.

— Ты? Пожаловал?! Ну, хорош!

Потеснившись, она пропустила его в коридор громадной квартиры, где, как и много лет назад — сколько же он тут не был, года три, четыре? — тускло горела под потолком голая, пыльная лампочка.

На тетке все та же была кофточка, какого-то неустойчивого коричневого цвета, с большими старинными пуговицами, и одной пуговицы не хватало. Он был памятлив на то, кто во что одет, как причесан, как ходит, как слова молвит. Это было от профессии у него, от выучки: «Наблюдать! Наблюдать! Наблюдать!»

— А я так и знала, что явишься,— сказала тетка.— Пришло время.

Притворив тяжелую дверь с бронзовой витой ручкой — цены теперь нет такой ручке,— тетушка привстала на цыпочки, положила Сергею руки на плечи, будто собираясь поцеловать его. Но нет, она только приблизила к его лицу свое, чтобы всмотреться получше.

— Пришло время, пришло время. А?

Она очень постарела, сдала, еще меньше стала. Но глаза у нее светились, зоркость в них не отхлынула, и даже усмешечка в них жила, все та же, с колючими лучиками вокруг зрачков.

— Фу ты, как разоделся! — Она ладонями отодвинула его от себя, разглядывая теперь в общем и в целом.— Благополучен?

Сдернув шапочку, Сергей наклонился, чтобы поцеловать тетке руку.

— Ого! И манеры! — Она с интересом посматривала, как он целует ее руку. Посмеиваясь, похвалила: — Обучился. Обтесали парня.— И вдруг рассердилась:

— Да ты не на сцене ли себя мыслишь? Прославленный племянник и старая, отживающая тетка! Ага, вот и кулек с конфетами. Самые дорогие? Ну, как же, как же. А я кисленькие, дружок, люблю, дешевенькие, которые по карману.

— Так и будем стоять в коридоре? — спросил Сергей.

— Устал?

— В коридоре стоять?

— Нет, вообще?

— Устал.

— Я и вижу. Ну, входи, дружок, рада тебе.

Распрямившись, повыгнав из глаз колкие в них лучики, мигом подобрев и постарев, тетушка засеменила перед племянником, ведя его по изгибам бесконечного коридора, плотно заставленного старыми вещами.

— Не ушибись, Сергей. Вот тут коварный угол. Не споткнись, паркет повыщерблен. Дай руку.

Он протянул ей руку, и маленькая, сохлая ее рука изумила его, как бы к сердцу притронулась, такая она была слабенькая.

— А ты как, тетя Ксана? — спросил он, все сразу поняв, угадав. И что одиноко ей, и что пенсии не хватает, и что силы на исходе.

— Я-то?..— Она плечиком отворила дверь в свою комнату.— Входи, Сережа, входи. Правду сказать, заждалась я тебя.

В ее комнате мало что изменилось. Как ни напрягай свою наблюдательность, а перемен почти нет. Те же серенькие обои, едва видные в узких просветах между книжными полками. И те же книги, выстроившиеся вдоль стен и чуть не до самого потолка. Ни одной случайной книжки, только любимые, читанные-перечитанные. А над тахтой, застланной все тем же текинским ковриком, повытертым и покладистым, на полке в изголовье — книги-новинки, с яркими еще обложками. На этой полке книги не задерживаются. Эту полку здесь именуют «карантином». Разве что пяток всего книжек из сотни благополучно минуют этот «карантин», водружаются, и уже навсегда, на книжные полки. А остальным заказан туда вход. Не прошли испытания, за порог их, обратно в магазин, хоть за бесценок.

Узкая да еще и зауженная книжными полками теткина комната могла показаться совсем никудышной, если бы не окно в ней, с таким простором, с таким оглядом, что сразу, ступив в комнату, уже и очутился у окна. И смотришь, смотришь. От Новодевичьего до Кудринки все видать. А в погожий день...

Сергей так прямо в пальто с чемоданчиком в руке и придвинулся к окну. Это окно — оно ведь тоже его сюда подманивало. А он и в мыслях не имел, что здесь очутится. Дали бы номер, и не вспомнил бы про тетку. А, оказывается, вот что ему было нужно. Эта старушка маленькая нужна была, ее комната в книгах, ее окно в Москву. Может, он и рванул нынче в Москву лишь затем, чтобы побывать здесь? Да, полно! Расчувствовался! Он этого и в мыслях не имел. Поехал, потому что заглавная ролька начинает вытанцовываться в новом большом фильме. Пустился в путь, чтобы напомнить о себе в столице, повращаться, перекинуться парой фраз с режиссером, ненароком, на проходе, так сказать, застолбить в его памяти свой образ. Пробы начнутся, а его уже до проб выбрали. Вот затем и приехал.

Сергей обернулся к тетке.

— А меня, знаешь ли, не поселили в гостинице,— сказал он, хотя вовсе не собирался признаваться ей в своем поражении.

— Я так и подумала. Да ты сними пальто, присядь. Что там, за окном что померещилось?

— Люди, люди. Огоньки...

— Да, и мы свой затеплим.— Тетка подошла к двери и щелкнула выключателем.

Все тот же абажур висел у нее над круглым столом, выцветший абажур над старым столом. Все то же круглое пятно света легло на стол, как бы качнув его на единственной разлапистой ножке. И пятно это легло, как и прежде, не прицельно, не ровно, оставляя край стола в тени.

— Тетя Ксана, ты все та же, такая же,— сказал Сергей.— Даже тени у тебя все те же.— Он снял пальто, пошел к двери к вешалке.

— Старый человек не любит перемен, Сергей. А тень — это очень важная подробность. Помнишь Шамиссо, повесть его о человеке, запродавшем свою тень?

— Помню,— неуверенно кивнул Сергей.

— Ой ли? А как называлась эта повесть, дружок? — учительским голосом спросила тетя Ксана.

Сергей и задумываться не стал, он не помнил этой повести. Он широко развел руки и улыбнулся, от всей души и чистосердечно признаваясь в своем невежестве. Совсем так, наверное, вел он себя на уроках, у доски, перед учителями своими, когда не знал ответа. Совсем так разводил руки, улыбался, испрашивая этой всепокоряющей улыбкой прощения себе и хотя бы троечку.

— Ах, Сережа, Сергуня, Сергунок,— сказала, вздохнув, тетя Ксана.— И не улыбайся, пожалуйста, не подлизывайся. Артист, интеллигент, а не знаешь Шамиссо, одного из видных представителей немецкого романтизма, ведать не ведаешь о его Петере Шлемиле, «человеке без тени».

— Вот теперь вспомнил! — вскинулся Сергей.— Ей-богу!

— Не божись попусту. Ладно, ступай. Так уж и быть, три в табель.

— Что и требовалось! — просиял от уха до уха Сергей.

Он кинулся к тетке, обнял ее. И тут они поцеловались, как и должно родным людям после долгой разлуки, и притихли на миг, вслушиваясь друг в друга. От старушки пахло чистотой, волосы у нее были легкие, слабые, почти уже не живые. Слабенькой была у нее и шея с чуть подрагивающей жилкой. И бедная эта кофточка, штопанная по вороту. Снова будто кто дотронулся рукой до Серегиного сердца, и сердце его сжалось и обмерло.

— Притих? Жалеешь? Вот уж не по адресу! — И тетка оттолкнула его от себя потвердевшими кулачками.— Сядь напротив. Докладывай.

Садясь, Сергей оглянулся на телевизор, стародавний ящик с еще бронзовыми украшениями, будто из прошлого века вещь, хотя телевизионный-то век и четверти своей не отшагал.

Тетка перехватила его взгляд.

— Да, слежу, слежу за тобой. А как же!

— И что же, этот саркофаг еще дышит? — осторожно спросил Сергей.

— Отличным образом. Кинескопы, разумеется, я время от времени меняю, а вот ящик сменить никак не решусь. Привыкли мы друг к дружке, вместе и состарились.

— Тетя Ксана, хочешь, я подарю тебе новый телевизор? — вырвалось у Сергея, и он даже привстал, будто вот прямо сейчас готовый кинуться в магазин.

— Разбогател? Впрочем, это хорошо, что ты не скупой. Нет, дружок, мне ничего от тебя не нужно. Открыточку разве что к Новому году. Но ведь это трудно, не правда ли, открыточку тетке начертать?

— Виноват, виноват. Прости.

— Я так и решила, что виноват. Отцу-то в Ключевой пишешь? Или опять — виноват?

— Пишу. Не часто, но пишу. Собираюсь даже навестить. Звал его к себе, а он к себе. Пожалуй, вырвусь на недельку.

— Вырвись, Сергей, вырвись. Ведь ты там родился, в этом Ключевом. Помнишь ли?

— Конечно.

— А что помнишь?

Сергей задумался.

— Ну, нашу Ключевку, с завертями, с омутами... Маму... Ну, ребят помню по школе... Не всех, некоторых... Многое помню. Морозы наши... Как на лыжах с обрыва раз съехал...

— Удержался?

— Удержался!

— Вот потому и помнишь. А я все по мостику в памяти иду. Помнишь, деревянный мостик у базарной площади? Иду и иду по нему, иду и иду. Ему бы давно кончиться, а я все иду. И знакомые навстречу. Их уже нет в живых, а они навстречу. Думается мне, что как дойду до конца этого мостика, так и жизни моей конец. Вот ведь всю почти жизнь прожила в Москве, а по ночам по Ключевому брожу. Ну, когда не спится. И все, знаешь ли, выпытываю сама у себя про собственную жизнь. Так ли шла? Туда ли? И спрос этот мой к себе из того городка нашего уральского, из детства, из юности. Мостик — что! Голоса слышу. Расспрашивают меня мои товарки умершие, выпытывают. Так ли, Ксана, жизнь прожила в Москве-то своей? По совести ли? Подруги да друзья мои из юности — о, они совестливыми были, строгими. Перед ними ответ держать нелегко.

— Да, да, так, так,— сочувственно покивал тетке Сергей и снова покосился на телевизор, ибо нуждался нынче в похвале себе, в поддержке, а кто, как не родной человек, и может похвалить да поддержать в трудную минуту.

— Женился? — вдруг спросила тетка.

— Уже развелся. В незадачливую для себя пору.

— Бросила тебя?

— Пожалуй. Хотя считается, что у нас совпало. И мы даже друзья с ней. И, знаешь...— Сергей самолюбиво выпрямился на стуле.

— Что, просится назад?

— Да.

— Не бери. Предала. Тебе устанавливаться надо было, путь выбирать, а она — за порог. Небось, деньжонок мало приносил, неудачником от тебя повеяло, так?

— Так. Да, знать, ошиблась, просчиталась...

— Не бери. Нет ничего страшнее на земле, чем предательство.

— Я понимаю.

— Все ли? Огорчаешь ты меня, Сергей. Смотрю я на тебя в этот ящик и слезы лью.

— Тетя Ксана, да отчего же!? — изумился Сергей.— Да я же!.. Вы мой последний фильм смотрели?

— Видела. О нем и речь. Всей квартирой смотрели. Четыре подряд вечера. И все по своим комнатам. У нас тут семь комнат, и в каждой по телевизору. Вот все, всей квартирой и уселись смотреть. А на кухне — обсуждение. Спорили, спорили и даже перессорились. Все — за, я — против.

— Ты?

— Так ведь им что, ты им чужой, позабавил — и ладно. А я тебе родная.— Тетка поднялась.— Пойду, поставлю чайник. Пресненьких испеку. Ты посиди пока, полистай книжечки. А хочешь, приляг с дороги.

— Какая дорога? Час в воздухе.

— Ну, я быстро.— И она ушла, легко просеменив к двери, оставив своего племянника в полнейшем недоумении. Как так: все — за, а она — против? Но почему, почему?!

В поисках ответа Сергей всем телом повернулся к телевизору, крутанув под собой стул.

— Почему?!..

Безмолвствовал древний ящик. Бронзовые завитушки, крепившие его углы, какие-то скверные корчили сейчас рожи. Одной отливки они были, а казались разными, разные корчили рожи. И по-разному подмигивали, но дружные в одном, в сочувствии к нему. Это с чего бы? Он в сочувствии не нуждался. Он был доволен собой. Ну, не всем собой и далеко не всей своей жизнью, но уж фильмом последним он наверняка был доволен. А рожи подмигивали, сочувствовали. Того и жди, протянется от этого ящика морщинистая, крюкастая рука и похлопает его по плечу. Не унывай, мол, с кем не случается...

А, черт с ними, с этими рожами! С этим насупленным ящиком из времен египетских фараонов. Он потому насупленный, потому и рожи корчит, что услышал, как Сергей вызвался купить тетке новый телевизор.

— Что, старый, обиделся? — пригнулся к ящику Сергей. Его обрадовала собственная непосредственность, миг этот, когда он чуть ли не всерьез всматривался в телевизор, поверив, что это живое перед ним существо. И гримасничающее и рассерженное. Поверить и в небылицу, заговорить с зеркалом или там со шкафом, обидеться на кухонную плиту, подружиться с цветочной корзиной — разве это все было не от таланта в нем, не от актера? А «Синяя птица», где он исполнял роль Сахара, и где всему верил, и даже всерьез страшился, что растает, прилипнет к полу,— разве это не о том же самом свидетельствует, не подтверждает, что он актер божьей милостью?

А вот тетя Ксана сказала, что из-за него слезы льет, что все — за, а она — против.

Он попытался понять ее, угадать причину, он попытался представить себя на ее месте, когда она смотрела фильм. Представил, что вот сидит она в своем креслице, вот в том, в чехле, сидит, поджав ноги, подперев рукой подбородок, и смотрит, смотрит. И кофточка на ней эта штопаная, и одиноко ей. Ага, вот причина: одиночество! А на экране жизнь бьет ключом. И он там, на экране, без устали мотается по запани, по лесопунктам, и все на людях, на людях. «Что ж ты, племянничек,— небось, подумала,— что ж ты к родной-то тетке не заглянешь?..» Ага, вот она причина: на экране, мол, один, а в жизни другой. Но, тетя Ксана, тетя Ксана, нельзя же так примитивно мыслить. Ведь ты вон сколько книжечек прочла, учительницей была, статьи писала по литературе. Так неужели ж ты не понимаешь, что человек в искусстве и человек в жизни, ну, не всегда, что ли, однозначны? Понимаешь? Конечно же. Так отчего слезы твои? Закрутился, передохнуть было некогда. Прости. А вот сегодня — вот я и здесь, у тебя.

Он продолжал смотреть в безмолвствующий, померклый ящик. Он смотрел потому, что не все еще сам себе сумел объяснить. Нет, еще не все. И он уперся глазами в этот ящик, снова представив, как смотрит его фильм тетя Ксана. Ведь она справедливой у него была. И

личное она бы сумела отвести рукой. Ну, забыл ее племянник, а ведь играет-то хорошо. И она бы порадовалась за него. Он так и надеялся, что обрадует ее своей ролью в этом фильме. Главная роль в большом фильме. Куда лучшето? И он надеялся, что обрадует и отца, и тетю Ксану, и всех своих друзей школьных. О друзьях институтских он как-то меньше думал. Тут все запутано. Кто позавидует, а кто и польстит. Тут было, как всегда в их кругу, все чуть-чуть в туманце, чуть-чуть в обманце, в лукавом слове, в чрезмерном жесте. Но тетя Ксана, отец, школьные товарищи... Да, а не странно ли, отец почти ничего не написал ему о фильме. Только сейчас вдруг пришла ему эта мысль. Отец почти ничего не написал, не высказал своего мнения, хотя и приметил, что сплавной рейд, на котором его сын в фильме работал главным инженером, уж очень, вроде бы, аккуратный какой-то, вычерченный. (Ему старику, а он у Камы живет, у Вишеры, такие рейды, такие запани на глаза не попадались. Может, в Сибири такие есть? Этого он не ведает, возможно, и есть.) Вот и все, что написал отец, старый речник, капитан, о фильме сына. Лишь сейчас подумалось: и отцу что-то не понравилось в картине. Что? Почему? Да бог с ней, с этой запанью, с этой техникой без меры, которую натаскали на съемочную площадку режиссер с оператором. Разве в этом суть? Играл, как он в фильме играл,— вот в чем суть?! А про игру сына и отец не написал ни слова. Ни слова! Тоже слезы лил? Они с сестрой, Чуклиновы эти, они одинаковые. Уральцы, вот уж уральцы-то! Если уж что им втемяшится... А что, а что им втемяшилось?

Сергей снова уперся глазами в блеклый экран. Так уперся, поширив глаза, что в них радужные круги заходили и экран будто ожил. И все вспомнилось, весь фильм этот длинный, громадная его в этом фильме роль. Все вспомнилось и мигом промелькнуло. Куда там скорость звука, скорость света! Вон она где, скорость — в памяти нашей. И что же осталось? Сергей принялся из этого промелька вытаскивать назад то одно, то другое, как вещь какую из сундука. Вытаскивал и рассматривал. То, что поинтереснее, чем гордился. И рассматривал. Не своими глазами. Свои у него на сей миг вышли из доверия. Он теткиными глазами рассматривал, а стало быть, и отцовыми. Ну-ка, нука...

Вот на катере он. «Ходу! Ходу!» Крутая волна на реке. И река, даром что река, а от одного берега до другого взгляд не перекинуть. Бьет волна, ветер на реке. А ему, Главному, все нипочем. «Ходу! Ходу!» Смел! Удал! Герой! Это в фильме. А как бы ты повел себя, парень, в жизни? Ну зачем гнать катер в такую волну? Скажем, тебе жизнь не дорога, а мотористу, штурвальному, капитану? Есть ли в том необходимость, чтобы так выставляться? Слово-то какое скверное: выставляться. А иного и не найти. Он тогда на том катере выставлялся, смелость свою выказывал, удаль. Так не он же не он, а по сценарию. Не важно, что по сценарию. Спрос нынче с него, с Сергея Чуклинова. На него смотрят, ему либо верят, либо нет. Этой его улыбочке от уха до уха. А уж он ее в том фильме не жалел, демонстрировал вовсю.

Ладно, в сторону этот катер! Не велик эпизод. В громадном фильме он и затеряться свободно может, как платок какой-нибудь в бабушкином сундуке. Ладно, вот что, добудем-ка другой эпизодик... Этот вот, верняковый, в котором он, как актер, просто купался в роли. «Купался в роли» — фразочка-то какая низкопробная. А ведь она бытует в их среде, бытует. Ну-ка, в чем ты там искупался, друг?

А вот, когда вломился в комнату, где остановилась девушка одна, приехавшая к ним в командировку. Приглянулась, вишь, она ему. И он, не раздумывая, даже словом-другим с ней не перемолвившись, ворвался к ней, заломил руки, запрокинул лицо, впился губами в ее губы. «Мы — сибиряки! Мы — такие!»

Господи, да нет же, нет, не такие! Он даже съежился на своем стуле, так стыдно ему сейчас стало за тот эпизод, за нахрап этот его тогда, за наглость. Не такие, в том-то и дело, что не такие,— ни сибиряки, ни уральцы, а он — уралец, а ведь он-то сам — уралец. Как же он забыл тогда, откуда он, кто он? Нахрап, наглость — это не сибирской, не уральской души суть. Там так любовь не добывается, в родных его краях. Там год и другой человек о своем чувстве не смеет сказать. Во всем смел, а тут робок. Но зато и верен. Отец его был однолюбом. Мать умерла двадцать лет назад, а он, хоть и молодым еще был, не женился на другой, всю свою потом жизнь переладив на одинокий лад. И дед был однолюб. Рассказывали Сергею, как ушли в революцию дед и бабка и как расстреляли колчаковцы его бабушку, а ей и тридцати тогда не было. И дед с тех пор жил бобылем. Сергей помнил деда, сурового, молчаливого. Фотография деда есть в городском музее, в том ряду, где и другие помещены фотографии первых коммунистов города Ключевого. Дед в пулеметных лентах, молоденький, востроглазый. И застенчивый. Дерзкий и застенчивый. Смелый и робкий. Как же ты забыл о них — об отце, о деде, когда «купался» — вот гадость-то! — «купался» в том эпизоде, в том своем нахрапе?!

Пугливо оглянулся Сергей на теткино кресло, вжал голову в плечи, стыдясь и винясь.

Но он еще не сдался, нет, не сдался. В сторону этот постыдный эпизод, на дно его! Иное надобно сыскать в фильме-сундуке, настоящее, удачное. А что? Он порылся в памяти. Память, как этот древний ящик, сейчас безмолвствовала. Память растерялась, должно быть. Ведь еще минуту назад ему нравилось все то, что теперь, когда глянул как бы со стороны, теткиными как бы глазами, до боли в сердце, до оторопи вдруг разонравилось. Так что же тогда добывать должна ему память? Что надобно ей считать удачным? Растерялась память, замерла на месте. А он торопил ее, подгонял. «Ну же! Ну!» Ему важно было спасительный какой-нибудь сыскать эпизод в том фильме, как бревно на воде ищет утопающий, чтобы ухватиться за него, навалиться, выплыть. Сжалилась память, двинулась в путь, замелькала снова картина перед глазами. Длинна, длинна. Нет, теперь в один промельк ее не вместить. Все тянется, тянется. И все говорит он в этом фильме и все куда-то спешит, а кажется, что стоит на месте. И кричит, руками размахивает, а кажется, что его не слышат. И улыбка эта надоедливая его все мелькает, мелькает, то издали надвигаясь, то во весь почти экран оскаливаясь. Смотреть просто больно, а честно сказать, и противно. «Чего это я? Зачем? Ведь кругом люди, а я все выставляюсь, красуюсь, покрикиваю да похохатываю». Нет, не помогла память, хоть и пыталась помочь. Нет, не порадовала. Разве что этот эпизод?.. Стоп! Этот, кажется, по сердцу. Вечер... Спит поселок... И идет главный инженер вдоль берега реки. Идет, никуда не торопится, слушает реку. А она разговаривает, река-то. Подогнали, помнится, тогда тонваген и повели его следом за Сергеем. И что услышал он, то и тонваген записал. А услышал он реку, голоса на ней и ее собственный голос. Жизнь услышал. Вдруг вспомнился — он помнит, как вспомнился тогда,— его родной Ключевой, маленький город на реке Ключевке в километре от Камы. Почти такой же город, как и этот поселок, угодивший в фильм. Вспомнилось, все вдруг тогда вспомнилось. И слезы стали в глазах. А приметливый оператор — тут как тут — эти слезы снял. Настоящее, честное вступило на экран. Да жаль, короток был тот миг, те слезы. Да жаль, вспомнилось все, да скоро и забылось, отодвинулось в суете, ушло. Эх, память, что же это ты? Уж очень ты, гляжу, забывчивая. Напомнила — и мимо. А ты бы должна была все возвращаться да возвращаться к тому проходу вдоль реки, к тем голосам из жизни, к тем слезам от сердца. Лучше бы тогда, по правде бы тогда и дальше бы у него все в фильме пошло. Сценарий не тот? Режиссер из ремесленников? А сам-то? Или ты всего только кукла с этой вот знаменитой своей улыбочкой? Без души, без сердца, без памяти своей, без корней? Оплошал ты, Серега. Вот что я тебе скажу: оплошал ты, Чуклинов Сергей, уральский паренек. Стыдно!

Вошла тетка, неся чайник и на тарелке гору домашнего печенья, в котором не вкус даже важен, а запах. Все вдруг опять вспомнилось от этого запаха Сергею. Детство все, Ключевка, мама, когда была молодой, ребята из школы, пихтарниковые овраги, лыжня в лесу, мороз, кедры на опушке, пароходик в разливе Камы. Все, все вернулось, встало в глазах, в сердце, рукой провело по волосам.

Он вскочил, кинулся к тетке, замер перед ней, уронив руки.

— Да очень уж себя не казни,— сказала она ему, ставя чайник и печенье на стол.— Ты не старик, выправишься. А талант в тебе есть. Знаешь, те маленькие твои роли в фильмах тебе хорошо удавались. Ты ими не брезгуй. Добрый ты там. Естественный. С людьми, а не сам по себе. Ты это обдумай...

— Да, да, так, так.— Он покивал ей, заглядывая в ее родное, честное лицо. Он был безутешен.

РЕПОРТАЖ БЕЗ ВОСКЛ

Юрий Петрович Земцов.

Олег **ШМЕЛЕВ**

Их разделяет время — всего восемьдесят лет, одна человеческая жизнь,— но объединяет местонахождение: город Рязань. Малозначительные сами по себе и каждый в отдельности, эти два листка обретают значительность исторических документов, когда лежат рядом друг с другом.

...Под конец марта 1890 года в присутственных местах и на стенах рязанских домов появились маленькие афиши, сообщавшие о том, что 3 апреля в зале благородного собрания состоится вечер литературного фонда в память Н. Д. Хвощинской. Надежда Дмитриевна Хвощинская была одной из первых в России женщин-писательниц, получивших широкое признание. Ее повести и романы высоко ставил Салтыков-Щедрин, она печаталась в «Отечественных записках». В Санкт-Петербурге вышло собрание ее сочинений. Правда, по обычаю того времени, зная, что женские писания читающая публика всерьез не принимает, Надежда Дмитриевна подписывала свои произведения мужским именем: ее псевдоним — В. Крестовский.

Она родилась в Рязанской губернии, и, естественно, земляки из просвещенных боготворили ее. Упомянутый вечер состоялся через год после смерти Надежды Дмитриевны. Надо полагать, были сказаны приличествующие случаю слова, добром помянута светлая душа, защитница страдающих и страждущих. И все-таки земляки невольно оскорбили память писательницы. На афишке выделялись строки, набранные одинаковым шрифтом. Первая: «В память Н. Д. Хвощинской». Вторая, неизвестно по какому поводу: «Рояль фабрики Шредера». И обе фамилии напечатаны одинаково жирно.

Афишку можно считать беспристрастной, предельно объективной печатной характеристикой дореволюционного рязанского бытия. Эпоха вместе с этим документом, ее характеризующим, как говорится, давно сдана в музей.

Чтобы сказать о другом листке, понадобятся слова сухие и невыразительные. Его составила, напечатала и выдала большая электронно-вычислительная машина семейства «Минск», работающая в информационно-вычислительном центре Рязанского завода счетно-аналитических машин. Это сводка, показывающая, как заводские цеха — а их без малого три десятка — выполняют дневной план. Я видел ее на столе у директора завода Юрия Петровича Земцова.

Спору нет — невкусно это, не прожуешь. То ли дело — поговорить о светлых лесах под Рязанью или о рдяной ягоде рябине, о грибах и грибниках, обо всех оттенках желтого и красного на лесных опушках, о вальдшнепиной тяге в прозрачных холодных сумерках. Еще лучше самому постоять на тяге.

А тут что? Станки, конвейер, прессы, штампы. Строг и металлически тяжел профессиональный заводской язык, да куда деваться? Не хлебом единым жив человек. Это верно, но все-таки жив он хлебом.

Завод счетно-аналитических машин в просторечии называют коротко: САМ. «Где работаешь?» «На САМе». «САМ» — написано на маршрутных табличках рязанских автобусов и троллейбусов. Эти броские буквы каждый день видят миллионы граждан Советского Союза. Видят, но, вероятно, не замечают: примелькалась. Буквы «САМ» стоят на кассовых аппаратах во всех магазинах, универмагах, столовых и ресторанах нашей страны.

Марка эта удобна также и для составления незатейливых каламбуров. Словечко «сам» просто само напрашивается на обыгрывание, тут всякому доступно проявить остроумие. Кстати, один из не очень остроумных каламбуров заключает в себе такой глубокий смысл, так четко и исчерпывающе выражает особенности заводской производственной структуры и экономики, что о нем стоит поговорить отдельно. Но об этом несколько позже. Сначала познакомимся с заводом и его директором.

Есть испытанные временем литературные приемы, с помощью которых можно легче всего — но не лучше — обрисовать личность и деятельность определенного человека. Например, если необходимо подчеркнуть скромность, достаточно сказать, что человек охотно рассказывает о своих сослуживцах, а о себе говорить не хочет. Если нужно показать его чрезмерную занятость на работе, следует как бы невзначай вздохнуть о том, что он уже месяц не разговаривал со своими детьми: когда приходит с работы, они уже спят, когда уходит на работу, они еще не вставали.

Приемы избитые и малопочтенные. Но что поделаешь, когда решительно все, с кем довелось встречаться, неизменно говорили: «Не любит он этого»,— имея в виду, что Юрий Петрович Земцов не захочет, чтобы о нем писали. И что поделаешь, если на работе у него с восьми часов утра до шести-семи часов вечера нет ни минуты свободного времени для посторонних разговоров и если еще учесть нередкие вызовы в Москву, в министерство, депутатские дела, партийные дела?

Биография Земцова укладывается в несколько строк. Окончив в 1949 году факультет точной механики Пензенского политехнического института (тогда он назывался индустриальным), Земцов приехал в Рязань и поступил на САМ мастером. В 1957 году, когда он был уже начальником отдела технического контроля, ему предложили занять должность главного инженера на другом рязанском заводе. В 1962 году его назначили директором этого завода. А в октябре 1968 года он стал директором САМа. И не по случайному стечению обстоятельств, конечно. Завод тогда был в прорыве, прежний руководитель с делом не справлялся, и когда встал вопрос о смене директора, мнения сошлись на Земцове: он ведь раньше восемь лет проработал на САМе, производственный процесс знает досконально, а на директорском посту доказал, что руководить умеет.

Дома у Юрия Петровича по поводу его нового назначения шутили, что снова произошло воссоединение четы Земцовых по производственному принципу. Дело в том, что Лидия Эриховна, жена Земцова, окончила тот же Пензенский индустриальный, они поженились, еще будучи студентами, вместе приехали в Рязань и вместе поступили на САМ. Потом Юрий Петрович перешел на другой завод, а Лидия Эриховна никуда с САМа не уходила и уже двадцать пятый год работает здесь — сейчас она ведущий инженер конструкторского бюро.

Земцов отлично представлял себе все трудности, ждавшие его на новом месте, но отказываться не привык. Он по натуре из тех, кто при неудаче не ищет объективных оправдывающих причин, а предпочитает найти собственную субъективную ошибку, с тем чтобы не повторять ее в будущем.

Чтобы не говорить лишних слов, достаточно привести несколько характерных цифр, убедительно показывающих, чего достиг САМ при Земцове. Например, себестоимость билетнопечатающей машины в 1966 году составила 2 478 рублей, а в 1972 году — 519 рублей. За тот же период поощрительные фонды выросли с 896 тысяч рублей до 3 миллионов 618 тысяч, а общая прибыль завода — с 2 миллионов 538 тысяч до 8 миллионов 282 тысяч рублей.

Министерство приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР, в чьем подчинении находится САМ, перешло на новую систему планирования и экономического стимулирования, его предприятия работают на хозрасчете. Многоступенчатость системы, как известно, не способствует эффективности управления, и министерство, ликвидировав главки, создало всесоюзные промышленные объединения. Это сразу сделало всю систему более гибкой, позволило широко применять принципы кооперирования.

Однако рязанский завод САМ гораздо меньше других родственных предприятий может пользоваться всеми выгодами этих благотворных перемен. Дело в том, что почти вся его продукция уникальна. САМ все делает для себя сам — в этом примитивном каламбуре и заключается особенность завода.

Кассовый аппарат по нынешним понятиям машина несложная, но все же она состоит из десятка тысяч деталей. И все детали делаются в цехах завода. САМ получает от поставщиков различные материалы — стали, пластмассы, сплавы — в различных видах — лист, ленту, прут и т. д. Обрабатывающие цеха металл греют, охлаждают, режут, точат, штампуют, фрезеруют. Сборочные соединяют тысячи полученных деталей, иные из которых измеряются микронами и миллиграммами, и в результате получается целый спектр счетных машин — кассовые, фактурные, суммирующие, электронные фактурно-бухгалтерские... Да к этому надо прибавить интегратор 2-ИГЛ-1-6-2, который выпускает только САМ (разработанный доктором технических наук В. С. Лукьяновым, этот прибор сделал расчеты для плотин Куйбышевской и Асуанской ГЭС), да шрифты для пишущих машинок, да товары народного потребления...

Что там говорить, когда одних только штампов и приспособлений, сконструированных и сделанных на САМе, 28 тысяч штук.

Не нужно быть экономически образованным человеком, чтобы понять, какой тяжелой гирей висит эта уникальность на себестоимости заводской продукции. На каждом кассовом аппарате САМ получает прибыли всего каких-нибудь десять рублей, а общая-то прибыль, несмотря ни на что, исчисляется миллионами и продолжает расти. И добиться этого можно было лишь

ИЦАТЕЛЬНЫХ ЗНАКОВ

одним путем — повышением производительности труда. А если уж разматывать всю длинную цепочку причин и следствий, то надо будет сказать о проводимой заводом реконструкции старых заводских зданий и о появившихся в цехах аквариумах, о жилых новостройках и о пансионате в селе Семкине, о школах коммунистического труда и о подлинной гласности во всем — касается ли это чьего-то успеха или провала; надо сказать о ведущей роли партийной организации завода, в которой состоят 930 коммунистов; о наставниках, воспитывающих молодых рабочих, и о многотиражке «Машиностроитель», трехтысячный тираж которой весь расходится по подписке.

Между прочим, редактор Валентина Георгиевна Гильденскиольд упомянула, что очень популярную среди рабочих колонку в газете под рубрикой «Заводская неделя» посоветовал завести Юрий Петрович.

Каждодневная жизнь завода — это, выражаясь языком военных, оперативный уровень. Но есть еще и стратегический. И в нем — основа деятельности директора. От решений именно на этом уровне зависят все без исключения оперативные причины и следствия.

Тут время послушать Юрия Петровича Земцова:

— Для нынешнего руководителя любого крупного предприятия вопрос стоит совершенно ясно: он должен понимать, что новые методы хозяйствования — не чей-то каприз, не преходящая мода, а объективная потребность. Можно сформулировать и так: для него хозрасчет, хорошо рассчитанный заводской план и автоматизированная система управления должны стать осознанной необходимостью.

Любое неправильное решение на высшем заводском уровне в конечном итоге может породить неразбериху и хаос. Тут как в горах — с вершины падает маленький камушек, а к подножию уже скатывается целая лавина.

Электронно-вычислительная техника придумана как раз для того, чтобы избавить нас от ошибок.

Когда мы ввели в действие большую электронно-вычислительную машину «Минск», стиль работы стал строгим. Машина беспристрастна и не терпит приблизительности. Ей нельзя втереть очки. Если среди заложенных в нее многочисленных данных, фиксирующих результаты работы всех взаимосвязанных звеньев производства, окажется липовая цифра, машина обнаружит и отметит неувязку.

Каждодневные машинные планирование и учет позволяют видеть правдивую картину работы завода, а значит, вовремя принимать необходимые меры. Однако контроль и учет — это лишь малая часть преимуществ, которые дал нам «Минск».

Основа всякого производства — план. Но если заводской план составлен на базе искаженных исходных данных, он не более чем фикция, а с государственной точки зрения такой план надо рассматривать как фактор, подрывающий саму идею планирования.

Исходные материалы, вычисленные и выданные машиной, исключают человеческий произвол. И только на их основе мы можем создавать правильно рассчитанный, оптимальный план. Лишним было бы доказывать, какое большое значение имеет автоматизированная система управления производством для всей нашей промышленности, для всей экономики.

Мы у себя сейчас заняты монтажом второй машины «Минск», скоро она начнет действовать. В своей электронной памяти она будет держать оптимальный заводской план, рассчитанный ею же в паре с другим «Минском», и ежедневно сравнивать результаты работы цехов с заданиями плана. Более того, мы заложим в машину такую программу, что она, машина, сумеет заранее предупреждать о назревающей нехватке любой из двадцати тысяч деталей, потребных для сборки выпускаемых нами машин.

Словом, техника — великая вещь, но мы с вами не сделаем открытия, если скажем, что сами по себе ЭВМ, пусть даже наиболее совершенные, не могут заменить творческого, созидательного труда наших людей.

Принцип материального стимулирования — могучий рычаг для повышения производительности труда, это бесспорно. Но при соблюдении определенных условий, например, чтобы не допускалось уравниловки.

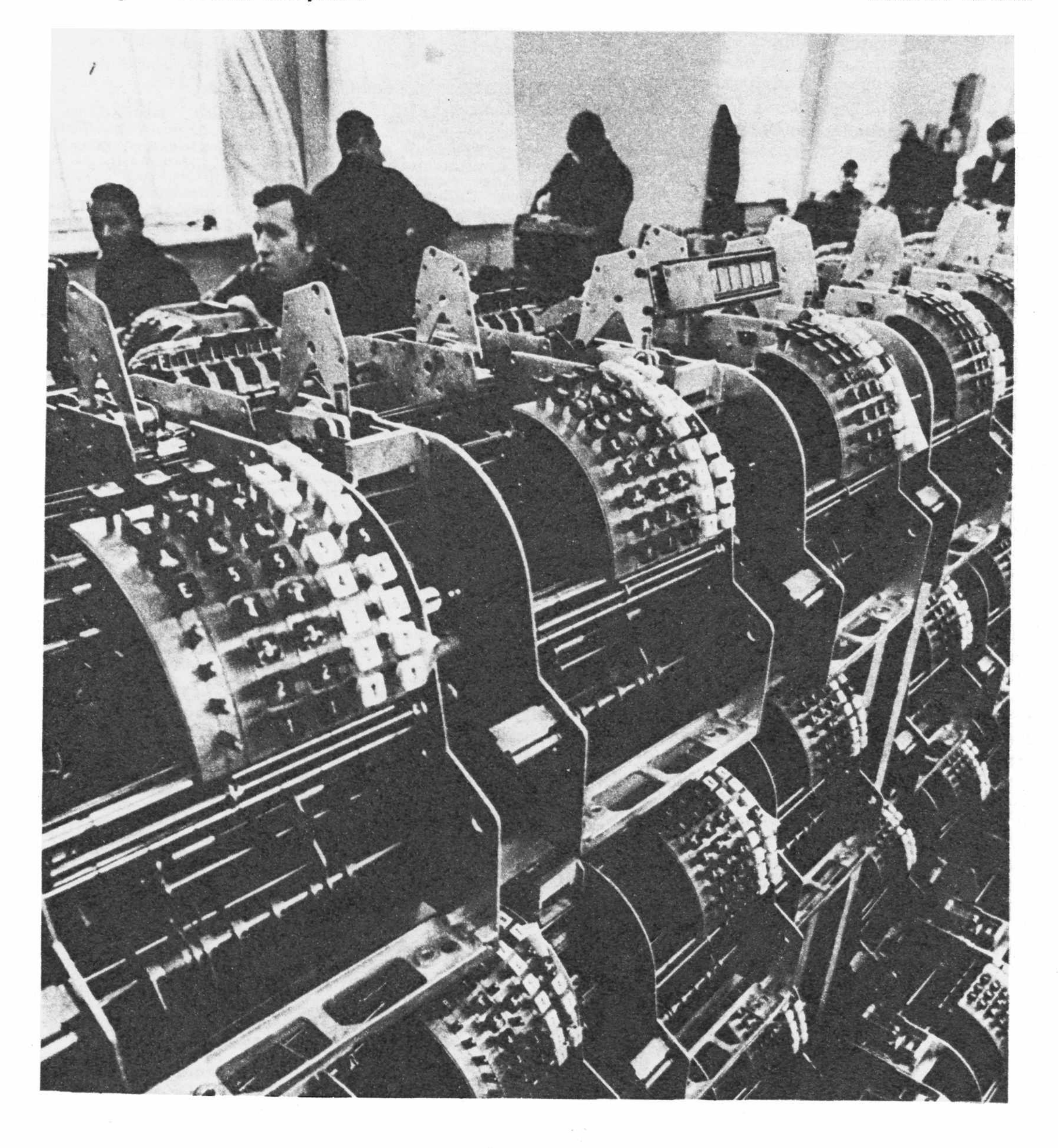
Вот, скажем, у нас делаются шрифты для пишущих машинок. Что легче отгравировать — пуансон [1] для буквы «щ» или для восклицательного знака? Наивный вопрос. А между тем случается же в жизни, что за букву и за восклицательный знак поощряют одинаково. Я, конечно, говорю не о конкретном случае, а в фигуральном смысле... Материальное стимулирование должно носить характер воспитательный, а не быть просто денежным вознаграждением за добросовестный труд — только тогда оно даст наивысший результат.

«Хорошее, справедливое отношение к работнику,— сказал Леонид Ильич Брежнев,— это, пожалуй, лучший стимул в работе. Но нельзя забывать и о требовательности».

Не знаю, как других директоров, а меня больше всего заставляет задумываться именно воспитание настоящих кадровых рабочих. А ключевым вопросом в этом деле я считаю дисциплину. Нет, не ту дисциплину, которая имеет в виду своевременный приход на рабочее место — без нее вообще никакое производство просто не могло бы существовать. Пришел вовремя — это не подвиг, даже не свидетельство дисциплинированности.

Ведь как бывает иногда в нашем многотысячном коллективе?

На сборке кассовых аппаратов. Фото М. Савина.

[1] Часть штампа.

Вот случай со слесарем цеха № 1 Николаем Ивановичем Алешиным. Попивал он, но ему прощали, потому что у него всегда наготове было оправдание: в чем дело, я же пришел в положенный час. Того, что человек с похмелья — плохой работник, в расчет не брали. И в один злополучный день он так же вот точно в урочное время, без опоздания явился на работу, а спустя час его нашли в раздевалке с бутылкой в руке.

Как прикажете относиться к такому, с позволения сказать, работнику, к такому пониманию дисциплины? Судили его товарищеским судом.

Хочется мне сказать еще вот о чем.

Мы часто склонны в разболтанности некоторых молодых людей винить и школу, и родителей, и улицу, а когда они становятся рабочими — комсомольскую организацию, профсоюз, милицию, в общем, кого угодно, только не самого разгильдяя. Но ответьте мне, пожалуйста, на такой вопрос. Вот есть у нас, например, Анатолий Медведев — слесарь цеха № 1 и есть ученик токаря цеха № 2 Александр Сажин. Медведев недавно заслужил звание лучшего молодого рабочего своей профессии, а Сажин уже в четвертый раз нарушил в городе общественный порядок. Значит, что же — Сажин воспитывался в детстве и юности и трудится сейчас в каком-то другом обществе, не в том, где рос и теперь работает Медведев? Значит, Сажин портит жизнь себе и другим только потому, что общество недостаточно внимания уделяло ему? Рассуждать так — значит снимать с самого члена общества всякую ответственность. Чего не хватает такому Сажину?

В идеале необходимо стремиться, чтобы каждого можно было причислить к той высокой категории, которую мы называем кадровым костяком заводского коллектива, к которой по праву принадлежат такие наши товарищи, как Герой Социалистического Труда слесарь-инструментальщик Л. К. Богдановский, делегат XXIV съезда КПСС токарь Валентина Антошина, литейщик Николай Яковлевич Фетисов, десятки и сотни рабочих и работниц, чьим трудом завод поддерживает свою трудовую честь.

Короче говоря, под дисциплиной я понимаю сознательное отношение человека к себе и к обществу. Когда человек работает с таким настроением и с таким сознанием, что вроде вот оставь он на десять минут свой станок, или пресс, или штамп — и все замрет, весь завод станет. Сознавать себя незаменимой живой клеткой огромного живого организма — вот как я понимаю дисциплину в ее высшем выражении. Такая дисциплина предполагает самоотверженную отдачу своему делу. Так учит нас партия.

В это понятие надо включить еще одно непременное слагаемое. Поясню примером.

Прошлым годом один наш работник, О. Снегирев, был в Киеве, зашел как-то в магазин и увидел картину: у кассы стоит длиннейшая очередь, люди нервничают, поругивают кассиршу, молодую девчонку, дескать, посадили растяпу. А она чуть не плачет. В чем дело? Подошел Снегирев ближе, видит — кассирша не работает, а буквально ведет с аппаратом кулачный бой. Чтобы получить чек, ей приходится бить по клавише со всей силы кулаком. Ну, он не утерпел, вмешался — машина-то в кассе наша стоит, марка «САМ» на ней. Объяснил заведующему, что так, дескать, и так, этот кассовый аппарат сделан на моем родном заводе, давайте я вас научу, как с ним обращаться. Сел, поманипулировал клавишами, нажал на рычаг — никакого впечатления. Он думал, в неумелом обращении молоденькой кассирши дело, а оказалось — в нашем браке. Пришлось ему разобрать аппарат, полтора часа возился, пока не нашел этот брак. Шестеренка была виновата. Он ее на один зуб переставил — заработала касса. Директор ему «спасибо» сказал, а он от этого «спасибо» бежал красный, как рак. Стыдно было за свой завод.

Вот когда каждый из многотысячного заводского коллектива станет так болеть за честь своей марки — это и будет Дисциплина с большой буквы. А значит, можно говорить и о настоящем, сознательном отношении к труду, короче — о коммунистическом труде.

В кабинет заглянула Лидия Павловна, секретарь Земцова.

— Юрий Петрович, итоги...

— Пусть заходят,— сказал он низким, прокуренным голосом.

«Итоги» — это ежедневное короткое совещание. Начальники отделов и служб заводоуправления вместе с директором подводят баланс прошедшим суткам — какой цех как работал, кому что мешало, у кого какие претензии. И тут же принимаются меры по устранению ошибок и недоделок.

К этому часу на столе у Юрия Петровича уже лежит выданная электронной машиной сводка. Все в сборе, садятся кто за длинный стол, стоящий впритык к директорскому (традиционная буква Т), кто на стулья у окна, кто — у противоположной стены.

...Проходит несколько минут, и кабинет пустеет. Секретарь парткома Дрючин тоже идет к двери, но Земцов его останавливает:

— Валентин Петрович, задержись. Как там наши?

Он имеет в виду рабочих завода, которые уехали поработать в колхоз. В первый день, как они явились в деревню, хозяева встретили их не очень-то гостеприимно, о ночлеге не побеспокоились. Ну и само собой приезжие запоптали. Секретарь парткома ездил туда разбираться.

— Ничего, наладилось,— мягко, спокойно отвечает Валентин Петрович.

— Ну и хорошо...

Прощаясь со мной, Земцов в первый раз за все время пошутил. Оказалось, у него та приятная манера шутить, когда в однозначных, недвусмысленных словах содержится иносказание.

— У вас в редакции, конечно, есть пишущие машинки? — спросил он, пожав мне руку.

— Ну как же...

— Шрифты, наверное, наши стоят?

— Если только вы их и делаете...

— На правах производителя шрифтов могу я попросить об одном одолжении?

— Будем рады...

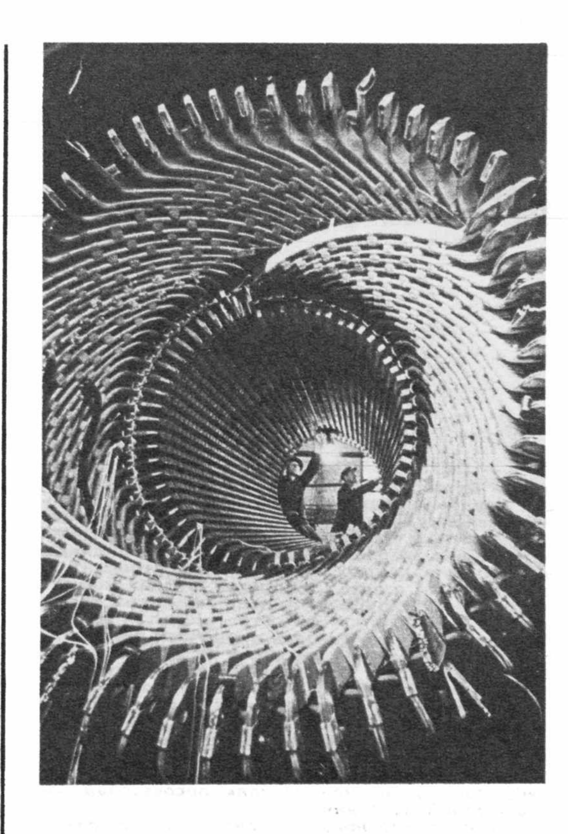
— Попросите машинистку, пусть она, когда вашу статью печатать будет, на восклицательный знак пореже нажимает. А лучше совсем без него. Мы в пути...

Земцов и в шутке остался верен своей деловой натуре.

Вся суть, все содержание его жизни, все огорчения и радости — в заводе. Для так называемого досуга времени остается очень мало. Надо ведь, кроме всего прочего, следить за новинками в технической литературе. Что касается вальдшнепиной тяги, то у Юрия Петровича и ружье есть, отличного боя. А когда последний раз охотился? Можно подсчитать без электронной машины. Сейчас ему сорок семь. Директором он уже двенадцатый год. Значит, ходил на охоту, когда было тридцать пять...

А при чем тут маленькая афиша, сообщавшая о вечере в память рязанской писательницы? В общем-то, скажут, можно было бы обойтись и без нее. Но для чего же тогда в наших городских музеях хранятся сохи и прялки — приметы совсем не такого уж далекого прошлого? Наверное, не зря. Чтобы иметь правильное представление о пройденном пути, идущему необходимо время от времени оглядываться назад. На такие, например, вехи: в девяностых годах прошлого века, когда был дан вечер в память Хвощинской, в Рязани самыми крупными «предприятиями» были три свечных завода и один винокуренный, а рабочих во всем городе насчитывалось ровным счетом 532 человека — сейчас столько работает в одном цехе не самого большого из многочисленных рязанских заводов.

Просьбу же Земцова мы исполнили: ни одного восклицательного знака в этом репортаже нет...

МАШИНЫ САМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

...Сибирская бригада спешила. Необходимо было собрать и испытать гидрогенераторы ГЭС на Евфрате до наступления зимнего паводка. Сирийцы назначили, по их собственным понятиям, фантастический срок — к первому декабря. Сибиряки предложили встречный план — работы закончить к пятнадцатому ноября. Точно в назначенный сибирянами срок все три гидрогенератора были собраны, испытаны и приняты авторитетной комиссией.

На новосибирском заводе «Сибэлектротяжмаш» мне много рассказывали о тех днях. Я спросил главного конструктора завода К. Н. Масленникова, руководившего заводской делегацией в Сирии, и одного из лучших сборщиков, С. А. Харькина:

— Почему вы там, на Евфрате, были так уверены в себе?

— А без уверенности не стоило бы и ехать,— ответил главный конструктор.— Наш научно-исследовательский институт при заводе уже проектировал подобные генераторы и даже гораздо большей мощности для крупнейших гидроэлектростанций страны. А завод воплощал в жизнь идеи конструкторов. Правда, в сирийских генераторах есть одна особенность — условия требовали специального тропического исполнения, но и тут мы не новички. Мы и в Индию отправляли генераторы и в другие жаркие страны. И были уверены в высоком качестве наших машин, а значит, и в людях, которые их делают. Машины ведь сами не рождаются.

— Понимаете, это как в хоре,— сказал Харькин,— нужна полная слаженность. Вот, например, из цеха изолировки мы получаем пластины для сборки. И если получаем их, допустим, с участка Валентины Комаровой, то уж знаем, что изоляция отменного качества. И нам, сборщикам, работать хуже просто нельзя.

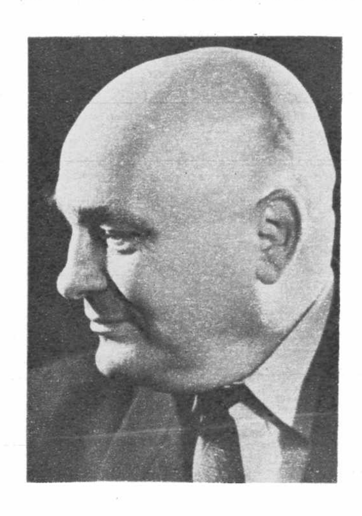
— Проблема качества для нас сейчас самая главная,— добавил Масленников.— Мы делаем, например, турбогенератор ТВМ-300 мощностью в триста тысяч киловатт, где впервые в мире применена дешевая и надежная водо-масляная система охлаждения и бумажно-масляная изоляция. И уже сейчас приступаем к расчетам турбогенератора в один миллион двести тысяч киловатт. Представляете, если эта махина будет ненадежна? К слову, ТВМ-300 и еще двум десяткам наших изделий присвоен государственный Знак качества. Не случайно же их покупают сорок пять стран мира.

Я вспомнил этот разговор, проходя по цеху сборки. Тут сразу чувствовалась та слаженность, о которой говорил Харькин. Здесь опережают время. А строгие девочки из ОТК не находят в генераторах никаких изъянов. И довольные сборщики шутят: «Бросайте-ка, девочки, свою работу, она тут лишняя...»

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»
Фото автора.

ПАМЯТЬ ЖИВЕТ

Валдис ЛУКС

ПОЭМА

Героической Советской Армии посвящаю

1.
Из дивизии
осталось нас семеро.
Кто — с юга, кто — с севера.
А прежде...

Как черные кроты,
в драной одежде
мы вгрызались в каждую пядь
Сталинграда —
ползли в лабиринтах
земного ада.
Столкнешься с гитлеровцем —
грудь в грудь,
когда уже поздно
курок рвануть...
Задачи ясны и прямы:
они — или мы!..
Они — на втором этаже,
мы — на первом.
Близость, как ток —
по душе, по нервам...
Они зарылись на Тракторном.
10 метров — до них...
Вот так-то.
Задачи ясны и прямы:
они — или мы.
И на Курской дуге
притерпелись к огню:
сквозь рурскую
танковую броню,
словно сквозь стены,
мы пробивались
и в серый комок
свивались,
скатывались, сбивались,—
кровью своей омывались...
Смешались танки,
орудия
и люди...
И люди!..
Задачи ясны и прямы:
они — или мы.
Или — они,
или — мы.
А потом: перед первым
германским мостом —
квадрат черной земли,
которую жгли и долбили,
долбили и жгли
бомбы, снаряды, мины.
(А у нас за спиной —
Висла и бой ночной —
переправиться
посчастливилось
ночью...)
А впереди — воочью —
фашисты в звериной
агонии.
И — страх перед нами.
И — ненависть к нам.
И лютый огонь...
Огонь...
Огонь...
Цели ясны,
задачи прямы:
или — они,
или — мы.
Из дивизии
осталось нас семеро.
Кто — с юга, кто — с севера.
Но на пузатых колоннах
рейхстага
мы оставили росписи,
как присягу
Жизни и Тишине.
Мы, сто лет прошагавшие
по войне.
Мы, пришедшие с миром
в чужую страну.
Мы, растоптавшие в прах
войну.

2.
Чтоб ночами
ногти не грызть,
чтоб волком не выть,—
до ста считаю...
До ты-ся-чи!..
Будто листаю
листки невидимого
календаря...
(Кто отдых мне даст?
Заря?!)
Мне ничего не забыть,
сердцу ничем не помочь...
Дни фронтовые считаю...
И голосом маятника
вторит мне ночь...

20 миллионов матерей
с глазами,
выжженными слезами —
здесь, в тишине ночной.
20 миллионов погибших
сквозь пространство
и время
говорят,
как судьи,
со мной.
Пылаю и тлею я:
в чем-то повинен я,
в чем-то ошибся я,—
струсил,
смолчал, где надо уметь
правде в глаза смотреть.
А когда говорил
(что может быть гаже?),
было слово — паркета глаже...
Едва ли поймешь:
ложь иль не ложь...
Среди 20 миллионов могил —
моей нет.
А коричневая чума — жива!..
Среди 20 миллионов могил —
моей нет.
А фашистские оборотни
обретают людские права.
В боннах, римах, чикагах —
полисмен в лакированных
крагах —
убийца.
Такого не кормят
задаром!..
Жандарм,
как клещ,
вершит свое дело,
впиваясь в людскую душу
и тело.
И, как шакалы,
шпики впотьмах,
в хрестоматийных
своих котелках...
Клубится скопище газа.
В колбах — чумная зараза...
Новые Аудрини.
Новые Лидицы.
(Или в бреду
мне такое видится?)
О, это уже не бред,
не игра —
слишком надежные вести...
Пора
за ворот схватить
«белокурую бестию»!

3.
Сколько лет,
сколько осеней,
сколько зим и весен
рождаются и вырастают
люди,
и жизнью овладевают
люди.
И спрашивает
махонький человек:
«Дядя,
почему у тебя голова,
как снег?
Почему хромая нога?
Почему?
А рубцы и морщины,
они к чему?
И кого ты так громко
зовешь во сне?..»
Прошло столько лет,
а забвенья нет.
А пулю изъяли —
зачем она в теле?
Осколки вытащили,
чтоб не ржавели...
Но соседу не улыбнулась
удача —
так и ходит,
пустым рукавом маяча.
Но лишь залетят
недобрые вести
в гости,
снова ноют мои
продрогшие
в нарвских болотах
кости.
Сдирали мы с тела,
как рваные клочья кожи,
и ожог застарелый
и следы своей крови тоже.
И горькую соль
фронтового пота.
(От войны отмыться —
тоже работа!)
Ил речной с себя соскоблили.
Стерли корку
блиденской глины.
Но корочку хлеба
(объедки, сор)
мы, голодавшие в топях
Руссы,
лелеем в ладонищах
до сих пор,
как нежную бабочку,
посланницу Музы.

Как вечер придет,
тоска по убитым друзьям
усталую душу гложет:
память,
как старая рана,
тревожит.
Сколько их —
сентябрей, октябрей,
а не залили память
дождями;
сколько их —
январей, февралей —
не засыпали память
снегами...
Черной вдовой
мое сердце
слезу
у могил
утирает...
Но слез не хватает...
Даже слез не хватает! —
дорога гвардейцев, она
бесконечно длинна...
Я сегодня услышал от внука:
«Почему у большого
мужчины —
седина, рубцы и морщины?»
Ах ты, милый мой
«Почему-ка»!
Потому, что живем любя
этот солнечный, синий век.
Потому, что любим тебя,
будущий человек!

Перевела с латышского Мара Гриезане.

А. ЩЕРБАКОВ

Фото М. САВИНА.

— Научимся делать ткань тонкую и нежную... Чтоб блузка или сорочка из нее сквозь обручальное колечко продевались...

Так закончил рассказ о будущем сооружавшейся тогда третьей очереди Оршанского льнокомбината его директор Георгий Васильевич Семенов. Это было несколько лет назад. И вот снова поездка в Оршу.

Третья очередь пущена. Решающий год пятилетки был для нее первым годом в строю. Как же он прожит?

Письма. И несколько слов директора в дополнение к ним

Письма идут отовсюду: из Казахстана, из Донбасса, с Северного Кавказа, из Сибири, из Центральной России. Пишут об одном: «Делаете вы, оршанцы, превосходные вещи, делайте же побольше, потому что хорошего у нас должно быть вволю, а ваши ткани в магазинах нарасхват...»

Новый директор комбината (Георгий Васильевич, отдавший предприятию чуть ли не всю жизнь, теперь на пенсии) Владимир Петрович Лахтин говорит по поводу писем:

— Они нас, конечно, радуют, подтверждая добротность наших изделий. Но и думать, действовать заставляют еще больше, активней. Что значит делать много и хорошо? Непрерывно искать, совершенствоваться, все время смотреть вперед. Между прочим, комбинат, если можно так сказать, вроде зеркала, где во весь рост отражена эволюция наших возможностей, запросов, оценок. И письма это убедительно подтверждают. Ведь первая очередь не могла осилить ничего, кроме мешковины,— не позволяли ни сырье, ни техника, ни уровень технологии, ни подготовленность кадров. Вторая — развивавшаяся уже в послевоенные годы — подняла пряжу до высоких сравнительно номеров — до двадцать второго, а делать из нее стали скатерти, покрывала, портьеры, салфетки... Третья поднялась еще выше, до сорок второго — шестидесятого номеров пряжи (кроме нас, никто из льноперерабатывающих предприятий в стране такого пока не достиг!) и выпускает костюмные, плательные ткани.

Третья очередь по основным показателям в прошлом году вышла на проектную мощность. В семьдесят четвертом взялись повысить производительность труда почти на восемь процентов и дать дополнительно к плану на миллионы рублей тканей. Это очень большой шаг, если учесть, что все резервы у нас в деле, а под ногами — чтоб нагнуться, поднять — ничего. Однако беремся. Беремся, потому что на людей надеемся крепко.

Люди. Разговор с Мейером

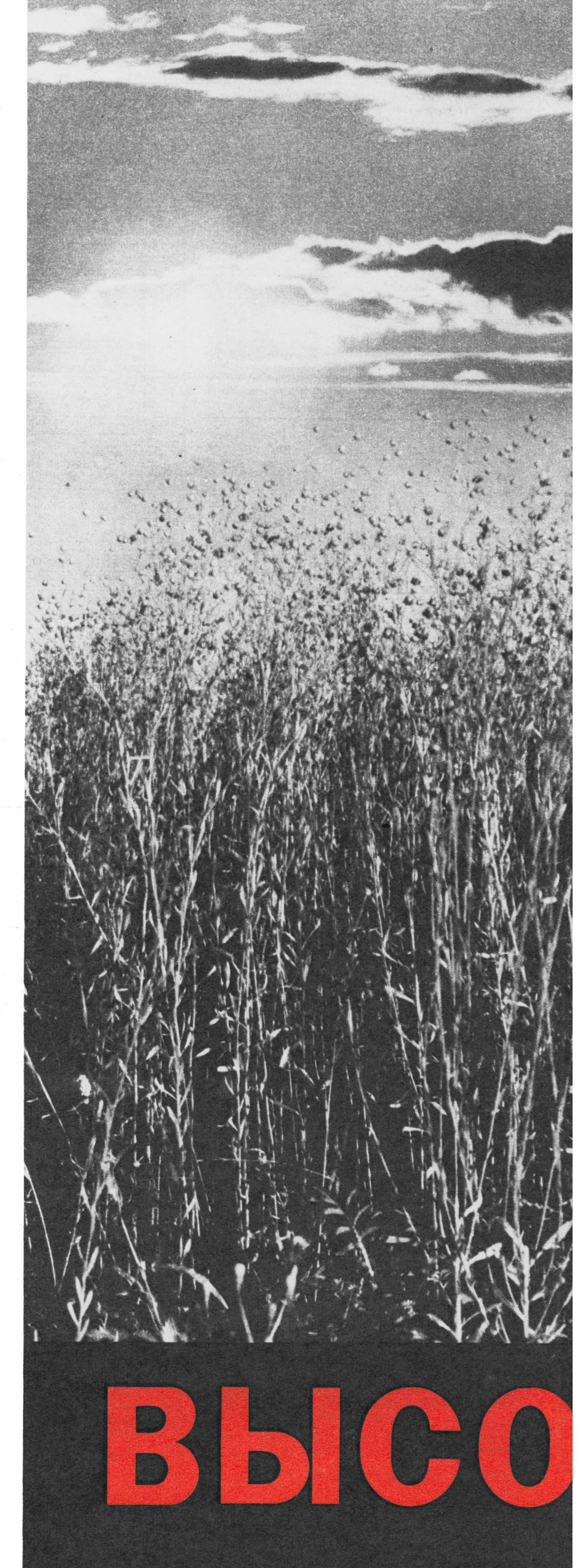
— Их всего четверо. А сила какая! Лучшая бригада на производстве. Роман Мисюкевич — бригадир и три ткачихи — Галя Кобрусева, Лида Шмугурова и Надя Алданова. Что они особенные какие-то, не скажу. Опытом других не обогнали — все почти одновременно начали учиться, вот энтузиазма и настойчивости у них, пожалуй, побольше, чем у остальных... Сразу после пуска третьей очереди они заявили о своем обязательстве освоить дело за половину планового срока. Рассчитали, обосновали... И всех вокруг всколыхнули.

Начальник ткацкого производства Виктор Владимирович Мейер вспоминает об инициативе бригады Мисюкевича:

— Понимаете, с самого начала атмосферу такую создали...

Он говорит «создали», но не упоминает, что одним из главных «создателей» был сам. Еще задолго до пуска он все продумал: как быстрее освоить новые станки «СТБ-175», как не теряя времени включить всех в производственный процесс. Сам учил ткачих в цехах второй очереди, где поставили для этой цели несколько новых станков. Когда начался монтаж оборудования, он взял на монтаж всех помощников мастеров — они же наладчики: пусть своими руками все потрогают, покрутят...

— Она, та атмосфера, и подняла людей. Народ-то у нас в основном молодой, горячий, задорный. И самолюбивый. Никто не хочет позади других идти. Но бригада Романа доказала, что у нее на это самые большие права. Да... Вот еще почему: грамотность... У Мисюкевича — техникум, у Кобрусевой — среднее, а Шмугурова и Алданова школу рабочей молодежи оканчивают. Между прочим, у нас на производстве нет ни одного помощника мастера, чтоб ниже техникума образование

Разноцветен мир текстильщицы Нины Кочкаевой.

На развороте вкладки:

Быть нарядным тканям!

Ударница коммунистического труда ткачиха Галя Мисник.

В текстильном городке звучат скрипки.

Из рук Надежды Таханской перфокарта пойдет в станок.

Новая карта — новый рисунок.

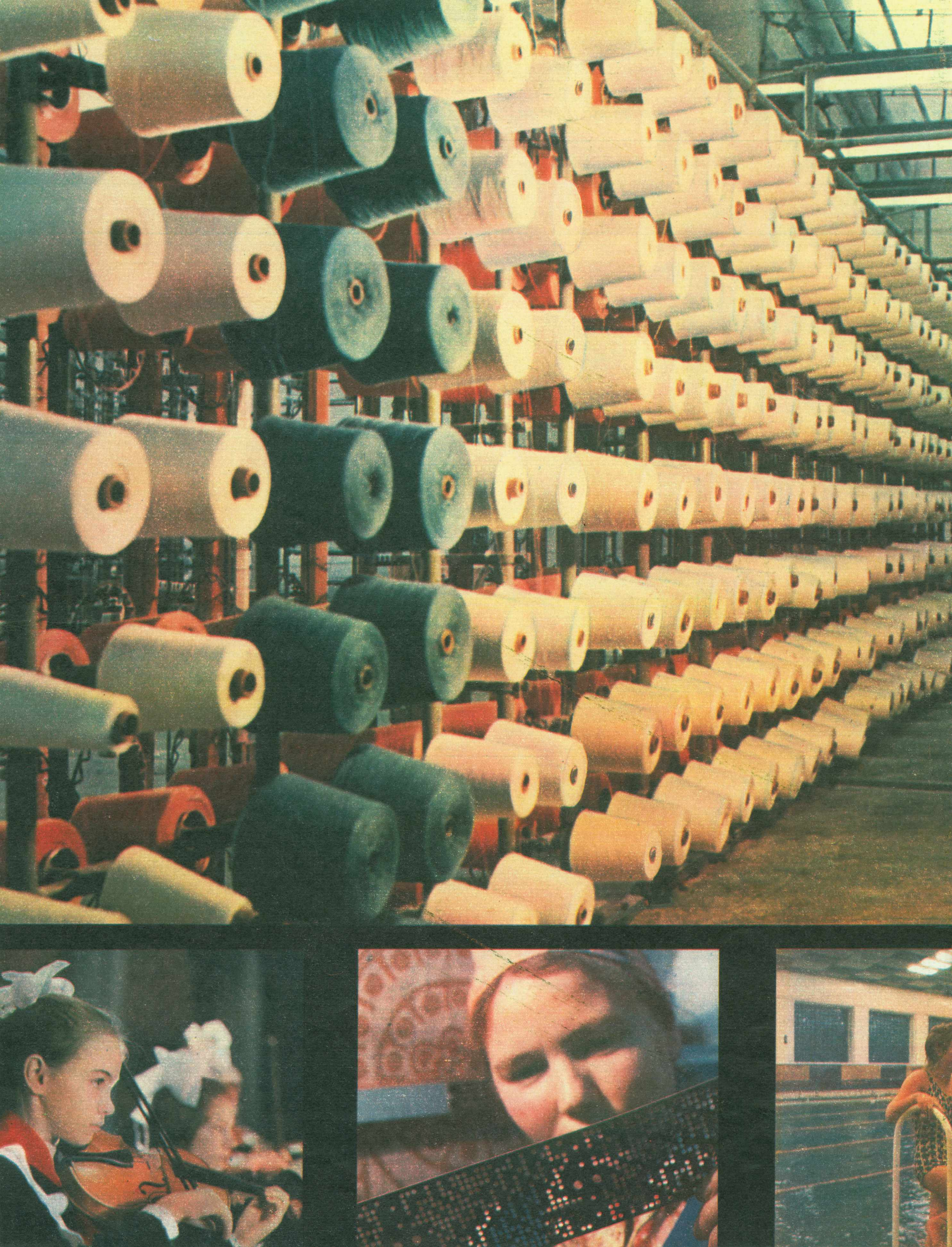
У текстильщиков свой плавательный бассейн.

Знатная ткачиха Зинаида Бирюкова (справа) дает урок Тане Якушевой.

Работница Галя Калиновская — солистка вокально-инструментального ансамбля.

КИЙ НОМЕР

имел. Насколько мне известно, в льняной промышленности ни у кого в стране еще такого уровня нет... У нас уже все ткачихи с четырех станков на шесть перешли. Около десяти человек в каждой смене высвободилось. Почти двадцать пять тысяч рублей до конца года за счет этого сэкономили. И качество обеспечили.

Мейер посмотрел на стоящего рядом начальника прядильного производства Ивана Степановича Лукьянова и продолжал:

— Если о качестве речь вести, то надо с них, с прядильщиков, начинать. Они нас отличнейшей пряжей обеспечивают. И не только потому, что свое производство ладно настроили и без задержки ввели, а потому еще, что самую современную технологию освоили. Хлоритная отбелка ровницы до сих пор у нас не применялась. Учиться негде было. Так они сами: Иван Степанович, Альмина Ивановна Мухина — начальник цеха, сотрудники научно-исследовательской лаборатории комбината, технологи, механики — установку смонтировали, а самое главное, оптимальный вариант нашли. Пряжа отменная пошла, и мы почти сто процентов продукции выдаем высшей и первой категорией.

Технический прогресс. Его смысл и отдача, по мнению главного инженера

— Хочешь успевать за техническим прогрессом, учись сочетать риск и расчет.

Василий Яковлевич Мельников, главный инженер комбината, по привычке берет лист бумаги и чертит какую-то схему.

— Кажется, зачем риск и какое ему оправдание, если все выверено вот так, с карандашом в руках? Нужен, представьте себе! Потому что расчетом никогда всего не охватишь, и, наверное, еще потому, что за расчетом всегда спрятаться удобно. А кто спрятался, тот уже без движения... Риск умный всегда оправдан. Появился на свет прекрасный ткацкий станок «СТБ». Мы, естественно, на него нацелились. Но рисковали, потому что до сих пор он на переработке шерсти и хлопка использовался, и специалисты категорически утверждали, что лен на «СТБ» не пойдет. А мы взяли. Собрали инженеров, техников, опытных ткачих и приноровили станок к нашему сырью. Вторая очередь реконструируется, и там «СТБ» ставим. И первую обновляем на современной основе. Безровничное прядение внедряем, производительность возрастает примерно на тридцать шесть процентов. О качестве не перестаем заботиться. Ведь покупатель намного строже ГОСТа спрашивает. В частности, сетовали, что ткани садятся после стирки. Прогресс и тут нам помог: приобрели тканеусадочные машины. Сняли проблему. Ждем от станкостроителей машин совершеннее нынешних. От химиков ждем красителей более стойких и более нарядных. Хотим, чтобы марка оршанская ценилась все выше.

Будущие мастерицы.

Перед началом рабочей смены.

КИНО

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ АНТОНИНЫ КАШИРИНОЙ

Антонина то вдруг запевала песню, то обрывала ее, и песня глухо затихала в заросшем саду над Доном. Да и с чего ей звенеть, если на душе так тяжело, хоть волком вой. Казалось, жизнь замерла, разрушилась, распалась. Сын единственный Григорий уехал из станицы надолго, может быть, насовсем. Не сложилась жизнь его с Ириной. Муж Антонины, Николай Никитин, увлекся Ириной, женой Григория, своего пасынка. И у Ирины зарождается ответное чувство к Никитину...

Все это видит Антонина. И не сказав никому ни слова упрека, переселяется в старый дом на Красном яру, где она прятала когда-то в войну, у обрыва, в яме, раненого лейтенанта Никитина от немцев, претерпев ради него столько мук...

С крепко стиснутыми губами — только слезы изредка набегают — закапывает она ту яму; и в упорстве героини чувствуется, что возродится еще Антонина к жизни.

Это заключительные кадры новой картины «Возврата нет», поставленной на «Мосфильме» Алексеем Салтыковым по одноименной повести Анатолия Калинина.

Нонна Мордюкова в главной роли с первых же кадров убеждает, что ее Антонина — натура цельная, страстная, волевая.

Неспешно раскрывает Н. Мордюкова характер героини. Вроде бы и сразу его угадываешь, но потом все время убеждаешься, что он тебе не совсем знаком, потому что кадр за кадром актриса высвечивает все новые и новые его грани. И какую же душевную глубину и красоту удалось вскрыть актрисе в этом образе, с какой искренностью и правдивостью доносит она прелесть его до зрителя!

Тонко подает актерский квартет (Н. Мордюкова, В. Дворжецкий, О. Прохорова, Н. Еременко) сцены, полные драматизма, хотя иные немногословны, а то и вовсе безмолвны. Глубокое проникновение актеров в психологию героев, высокое мастерство помогают сделать все эти сцены достоверными и убедительными.

Никитин Владислава Дворжецкого энергичен, деятелен, целеустремлен, но, безусловно, эгоистичен. Ирина же в исполнении молодой актрисы Ольги Прохоровой — человек незаурядный: в ней живут силы, до поры скрытые. Григорий Николая Еременко — безвольный и слабый человек, нет у него той необходимой гордости, без которой не полна личность... С достоинством «развязывает» Антонина тугой узел, уходит, никого не осудив, не затаив обиды: такое уж сердце у нее — великодушное, все понимающее.

Частная жизнь Антонины — в центре нашего внимания, и это закономерно. Ведь ее история рассказывает о том, как характер, пройдя все испытания, выстоял и закалился. Безоговорочно верим мы, что «одного человека такое убивает, а другого... может и возвысить».

Бережное режиссерское прочтение повести Анатолия Калинина, творческий «пересказ» ее языком кино, на редкость удачная трактовка главной женской роли, подобранный актерский ансамбль, ненавязчиво «вписанная» в фильм музыка Андрея Эшпая, яркая операторская работа Бориса Брожовского делают фильм «Возврата нет» заметным явлением советского кинематографа.

Л. НАТОЧАННАЯ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Дорогая редакция. Я хочу передать артистке Нонне Мордюковой наше большое крестьянское спасибо. Недавно я смотрела кинокартину «Русское поле». Как же она понравилась мне своей жизненной правдивостью! Мне кажется, что я всю историю этой жизни знаю. И в нашем селе много таких матерей. Все фильмы, где снимается актриса, смотрятся с удовольствием. Она играет всегда сильных женщин, которых ничто не сломит, и за это мы ей благодарны.

Я читала в «Огоньке» повесть «Возврата нет» и с нетерпением жду теперь появления на экране Н. Мордюковой в этой картине.

Еще раз прошу передать ей наше большое крестьянское спасибо.

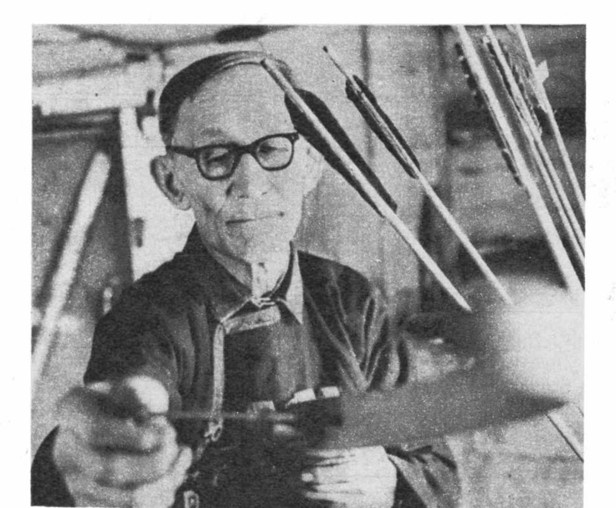
Е. ТОРАЩУК

Черновицкая область.

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

АГИНСКОЕ

МЕТКИЕ СТРЕЛЫ

Когда агинские степи покрываются ярким ковром цветов, приходит большой и веселый праздник Сур-харбан. Под открытым небом состязаются поэты, танцоры, джигиты, борцы и, конечно же, лучники. Их стрелы без промаха поражают цель. В Агинском Бурятском национальном округе есть три школы по стрельбе из лука, где юные Робин Гуды под руководством опытных тренеров готовятся к соревнованиям. В одной из этих школ начали свой спортивный путь чемпионка Советского Союза по стрельбе из лука учительница Галина Архипова и чемпион РСФСР врач Мэлс Дабаев.

Большинство спортсменов стреляют из спортивных луков, но старики предпочитают национальные. Делает их известный мастер-дархан Дагба Чимитов. Его очень уважают в округе: в годы коллективизации он одним из первых в агинских степях сел на трактор. Двумя орденами отмечен его боевой путь во время войны. Недавно семидесятилетний колхозник ушел на пенсию, но продолжает заниматься любимым делом: делает прекрасные луки и обучает искусству меткого выстрела будущих чемпионов.

Л. МОНЧИНСКИЙ

На снимке: Дагба Чимитов в своей мастерской. Фото автора.

БАКУ

СКОЛЬКО ВАС, ЗОЛОТЫЕ РЫБЫ?

Сколько в Каспии красной рыбы — севрюги, белуги, осетра и лосося? Вопросу этому, далеко не праздному, ученые уделяют большое внимание. Для чего это нужно, спросите вы. В первую очередь для статистики воспроизводства рыбных запасов и регулирования стабильного промысла.

Раз в четыре года на Каспии проходит рыбья перепись. Специалисты из Азербайджанского отделения Центрального научно-исследовательского института осетрового хозяйства СССР на судне «Биолог» выходят на стационарные точки, которыми на 250 квадратов условно расчленено советское побережье моря. С глубин, не превышающих ста метров, ведется стандартная съемка, или, проще говоря, тридцатиминутные сеансы отлова красной рыбы. Три четверти улова выпускается обратно в Каспий, а четверть подвергается биологическому анализу. Ученые определяют пол, состояние зрелости, возраст, режим питания и повадки обитателей моря. Любопытная деталь: возраст красной рыбы определяется по концентрическим кругам (как у деревьев). В среднем рыбы живут пятьдесят лет, причем отдельные экземпляры достигают рекордного веса — 500 килограммов.

Последняя перепись, завершившаяся в 1973 году, установила, что ныне в Каспии (без учета запасов соседнего Ирана) обитает почти 200 миллионов экземпляров красной рыбы в возрасте от одного года. Это число имеет тенденцию к росту: ежегодно семейство красной рыбы пополняется молодью, выращенной в рыбопитомниках.

Г. ПОГОСОВ

Юр. ЗУБКОВ

ЭКЗАМЕН

Есть среди театров страны прочно сложившиеся, пользующиеся устойчивой, доброй репутацией коллективы, имеющие творческое лицо, заметное и в репертуаре и в сценическом воплощении. Как правило, спектакли здесь живут долгие годы, не утрачивая художественной свежести, а значит, и зрительского к ним интереса. Именно таковы драматические театры Ростова-на-Дону и Краснодара.

Конечно, становление, творческое развитие этих театров в большой степени связано со своеобразием таланта, с мастерством режиссеров, возглавляющих коллективы. В Краснодаре это М. Куликовский; в Ростове — Я. Цициновский. Разумеется, столь же важен и уровень мастерства актеров, составляющих ядро труппы, цементирующих ее, определяющих стиль исполнения. Н. Провоторов, А. Бездаренко и В. Казачек, М. Полетаева и И. Макаревич в Краснодаре; П. Лобода и В. Шатуновский, М. Бушнов и С. Хлытчиев, А. Чупрунова и А. Кржечковская в Ростове — это все крупные, яркие индивидуальности. Именно они, их творческие возможности обозначают высоту критериев, по которым живет труппа.

И вот еще что интересно. Даже очень талантливый актер, приходя в новый для себя коллектив, так сказать, ассимилируется в нем: некоторые черты его дарования как бы отходят тут на второй план, а другие, напротив, получают новое, более четкое и сильное выражение. К примеру, Н. Провоторов в спектаклях краснодарцев как актер несколько иной, чем был на ростовской сцене: укрупненность человеческих чувств и страстей, отличающая спектакли Краснодарского театра, вовлекла его в свою стихию. Она близка оказалась и В. Казачку, пришедшему сюда из Красноярска, только краски этого актера здесь стали несколько мягче, сдержаннее...

Показательно, что наиболее серьезные победы одерживаются обоими театрами при встрече с русской классикой.

Классика — всегда экзамен на творческую зрелость для любого коллектива. «Каждая новая постановка классического произведения,— писала великая советская актриса Е. Д. Турчанинова,— налагает огромную ответственность на театр, потому что театр должен раскрыть на сцене всю глубину, все богатство его содержания...»

Краснодарцы и ростовчане помнят об этой ответственности. Они не рассматривают классику как нечто окостеневшее, а берут ее как явление динамическое, чрезвычайно восприимчивое к движению исторического процесса, и открывают в классических произведениях новые, ранее незнакомые нам грани.

Год назад Ростовский театр поставил к 150-летию со дня рождения А. Н. Островского одно из самых любимых произведений самого писателя — «Трудовой хлеб».

Постановщик Я. Цициновский проявил смелость уже выбором пьесы: за сто лет она почти не имела сценической истории. Смелость режиссера сказалась и в самом подходе к пьесе, к ее трактовке. Театр с полным на то основанием обнаружил в произведении Островского словно бы горьковские мотивы, социальный оптимизм, горьковскую веру в неизбежность обновления жизни. Я. Цициновский ставил спектакль не для того, чтобы зрители горевали по поводу трудных судеб героев произведения, а для того, чтобы усилить гордость за Человека, веру в его душевную крепость и достоинство, способность противостоять жизненным невзгодам.

Пожалуй, лишь трактовка Копрова, как отпетого хлыща, невольно компрометирующая полюбившую его Наташу (по словам самого

Краснодар. Девица — И. Макаревич и Н. Провоторов в роли Старика.

Островского, Копров «очень приличен и красив; одет безукоризненно, манеры изящны»), да еще придуманный режиссером «роман» Копрова с Поликсеной Потроховой, женой разбогатевшего чиновника, вызывают возражения. В остальном театр не только верен замыслу автора, но выявляет и укрупняет именно те стороны этого замысла, которые были рождены раздумьями Островского о будущем, обращены в будущее.

Дух неукротимого жизнелюбия, готовность схватиться с несправедливой и жестокой, рабской действительностью сообщают многим образам спектакля мажорное, жизнеутверждающее звучание. Главный же успех спектакля связан с чрезвычайно крупным, объемным, глубоким сценическим решением роли учителя Корпелова (фамилия-то одна у Островского чего стоит!) артистом М. Бушновым, передавшим внутренние связи своего героя с горьковским Перчихиным.

В письме к актеру Ф. Бурдину драматург однажды писал, что роль Корпелова «требует особой подвижности: нужно петь, плясать, гримасничать»... Все это отлично схвачено и передано М. Бушновым. Его Корпелов — лицедей преотменный! Но лицедейство для него — лишь способ противостоять действительности, постоянно унижающей его, способ не пасть духом. Истинный жизнелюб, он неистощим на выдумки, радость, веселье... Главное же в нем — огромное человеческое достоинство; его не могут сломить никакие испытания.

В сцене у Потрохова, который подпоил и хотел унизить Корпелова, своего бывшего одноклассника по гимназии, М. Бушнов — Корпелов с огромной силой раскрывает нравственное превосходство героя над теми, кто живет праздной и нечистой жизнью.

В совершенно ином качестве видим мы того же актера в горьковской пьесе «Дети солнца», также поставленной Я. Цициновским и уже на протяжении ряда лет не сходящей с афиши театра.

Органический сплав драматического и комедийного пронизывает тут образ Протасова, который и велик в своей одержимости высокой научной идеей и смешон в своем непреходящем эгоцентризме, в своей оторванности от жизни, от людей... Но, разумеется, все тут иное — самый подход актера к роли, самый способ жизни в ней, краски, избираемые для характеристики героя.

Играя Корпелова, М. Бушнов обнаруживает в нем сквозь униженность и паясничество истинно гордого человека. Играя же Протасо-

НА ЗРЕЛОСТЬ

ва, делает зримыми в этом гордом человеке отталкивающие черты себялюбца и духовного мещанина. Выразителен, продуман и до мельчайших деталей отделан актером не только интонационный, но и пластический рисунок обоих образов.

Горьковский спектакль, исторически точный, как бы погружающий нас в эпоху (чему немало способствует и выразительное оформление художника Д. Близнюка), удивительно отвечает нашим современным представлениям и духовным потребностям. Он вторгается в нашу сегодняшнюю борьбу в духовной сфере, будучи направлен против тех ученых ли, художников ли, которые отрываются от народа, от задач времени, противопоставляя свои личные интересы интересам общенародным...

Именно этой стороной «поворачивает» к нам Я. Циципновский пьесу, написанную около семидесяти лет назад. И проявляет чуткость к потребностям жизни, зрелость и активность режиссерской мысли. Хотя купирование финала пьесы в этом свете представляется мне спорным... Театр как бы оставляет надежду на прозрение Протасова. Однако, как показывают история и сама жизнь, далеко не все протасовы прозревают!.. Так что вряд ли правомерно сегодня, хотя бы даже и частично, «смягчать» Горького, его непримиримость к тем, кто, замыкаясь в «башню из слоновой кости», отрывается от народа, предает забвению его интересы... Тем более это неправомерно в таком точном и умном спектакле, в целом по-настоящему горьковском, как спектакль в Ростове.

Режиссерское решение «Детей солнца» Я. Циципновским, воплощение центрального образа М. Бушновым находят подкрепление и в других актерских работах. Очень яркую Меланию легко и изящно играет А. Кржечковская, С. Хлытчиев делает зримым нравственный облик, громадные душевные пласты Чепурного, обнаруживая за внешней грубоватостью душу ранимую и нежную. Горничную Фиму интересно, остро играет Е. Серова.

Активность, наступательность режиссерской мысли отличают постановку горьковской пьесы «Старик» в Краснодарском театре драмы. Постановка осуществлена и здесь главным режиссером М. Куликовским, что подтверждает высокую степень ответственности театра (который, кстати, как и ростовский, носит имя М. Горького) за классику и, конечно, за сценическое воплощение драматургии великого писателя.

Спектакль краснодарцев последовательно развенчивает «философию» страдания, непротивления злу. И утверждает мысль о деянии на благо людей как нравственную основу человеческой жизни. Наиболее полное и глубокое воплощение режиссерская мысль находит в главных образах произведения.

Выразителен уже внешний облик Старика, с которым знакомит зрителей Н. Провоторов. Папаха делает его как бы выше ростом, значительнее; не то плащ, не то халат грязно-розового цвета подпоясан веревкой, за плечами — котомка, в руках — палка; на веревке болтаются кружка и медный котелок. Взгляд у Старика суровый, недобрый, исподлобья; голос с хрипотцой, манера речи отрывистая, лающая... Чувствуется, что это человек настырный, въедливый, злой, привыкший не обороняться, а наступать, волчьей хваткой брать жертву за горло.

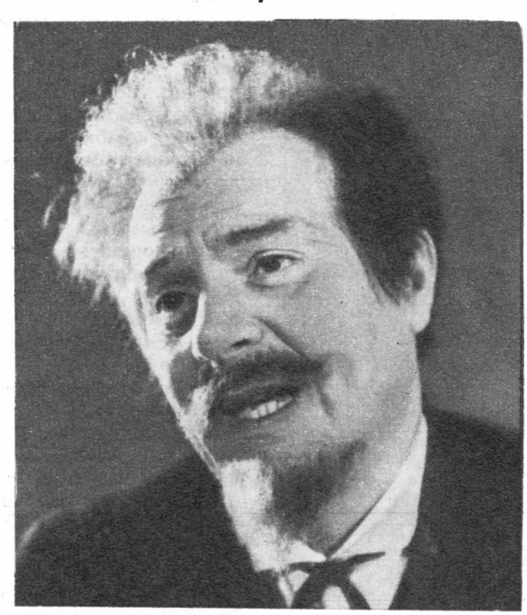
Исторически конкретный образ Старика напоминает еще и о том, что и в наши дни находятся люди, готовые «проповедовать» непротивление злу, порождая пассивность и душевную дряблость, разоружая людей нравственно и идейно.

Н. Провоторов находит для сложного содержания роли самые разные интонации, но ведет их в едином ключе; для театра им стали слова Горького: «Наиболее отвратительным типом утешителя является честолюбец, человечишка, который возвеличивает себя в своих глазах игрой на страданиях людей, ничтожество, которое хочет быть заметным и не только уважаемым, но и любимым».

Художник, создавший такие образы, как В. И. Ленин в композиции «Незабываемые годы» по трилогии Погодина, шолоховский Давыдов, Бармин в пьесе В. Лаврентьева «Человек и глобус», раскрывается в «Старике» в новом качестве: он обличает зло, сохраняя при этом свою активную гуманистическую, партийную позицию.

Актриса И. Макаревич стала достойной партнершей Н. Провоторова в этом спектакле; острохарактерная, необычайно изобретательная, она скупа на краски и приспособления, играя Девицу; основное для нее — подробнейший, скрупулезный анализ тех внутренних процессов, которые происходят в покорном, на первый взгляд безропотном и молчаливом существе. Театр дает нам возможность ощутить протест и гнев, зреющие в душе Девицы, и в конце концов увидеть яростный бунт против Старика. Напрасно только режиссура и исполнители подчеркивают в сцене ухода Девицы с Павлом (пасынком Мастакова) плотские вожделения героев. Это мельчит и ситуацию и образы; ведь любовная игра — лишь маскировка, прикрытие главных целей героев.

Ростов-на-Дону. «Трудовой хлеб». Корпелов — М. Бушнов.

«Дети солнца». А. Кржечковская — Мелания.

К сожалению, Мастаков у Б. Заволокина уже при первом появлении на сцене обнаруживает полнейшую безысходность и обреченность. Черты человека деятельного, энергичного, преобразующего землю не раскрыты; образ получился тусклым, бесцветным. Хотя эта неудача не оказала решающего влияния на общее звучание умного и страстного спектакля...

Краснодарцы, впрочем, играют не только классику.

Очень изобретательно, со вкусом поставил М. Куликовский добрую и умную комедию своего земляка В. Мхитаряна «Верните бабушку!». С успехом идет пьеса А. и П. Тур «Единственный свидетель» в постановке режиссера М. Нагли. И все-таки если говорить о воплощении современности на краснодарской сцене, то хочется видеть и здесь — и как можно чаще! — образы такой же глубины и силы, как в «Старике»!

Я далек от желания что-либо навязывать театру при формировании репертуара, но не могу не заметить, что многие значительные произведения драматургии, определяющие сегодня всесоюзную афишу, отсутствуют. Коллектив прошел мимо интересных, талантливых пьес, созданных писателями союзных и автономных республик. Относится это и к ростовскому театру. Отмечая плодотворность всего того, что делает Я. Циципновский, как воспитатель актерского коллектива, режиссер-постановщик (а им поставлены в Ростовском театре и «Половчанские сады» Л. Леонова, и «Первая Конная» Вс. Вишневского, и «Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого), не могу не обратить внимания на достаточно резкий разрыв между уровнем тех пьес, которые ставит главный режиссер, и тех, которые осуществляет очередная режиссура... Конечно, и в спектаклях очередной режиссуры встречаются интересно решенные сцены, значительные актерские работы, но пьесы порой страдают нечеткостью и мелкостью мысли, а постановки лишены целостности, художественной завершенности.

Приведу лишь один пример. Режиссер Ю. Чернышев, человек способный, обладающий богатой выдумкой и фантазией — к сожалению, далеко не всегда идущей от пьесы и верно, четко направленной, — поставил талантливую драму Н. Анкилова «Солдатская вдова». И что же, неоправданные купюры, сделанные в пьесе, привели спектакль к явным психологическим провалам и смещениям, многие герои лишились духовности, внутренней значительности... Высокая мера требовательности к пьесам, выбираемым для постановки, к глубине, содержательности и выразительности спектаклей должна стать законом репертуарной политики театра.

* * *

Экзамен на зрелость при встрече с классикой выдержан и ростовчанами и краснодарцами успешно.

Но сколько еще впереди этих экзаменов!

К ДРУЗЬЯМ НА

Н. ЦВЕТКОВА, Ю. КРИВОНОСОВ,
Ю. ЛУШИН,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Юрий КРИВОНОСОВ

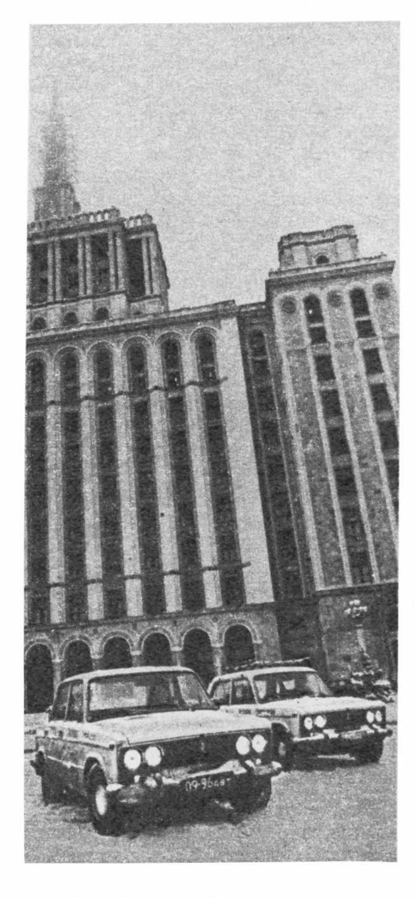
ВРЕМЯ

Время, время... Быстро мчится оно и долго тянется. Вот уже месяц, как мы в пути, семь стран проехали, как пролетели,— дни только мелькают. Уже стосковались по родным, по друзьям. А уж до дома — всего ничего: каких-нибудь полтысячи километров, и улыбнется нам парень в зеленой фуражке, подняв полосатый шлагбаум — восьмой, последний в нашем «марафоне».

...Кабинет, в котором мы сидим, затерялся в огромном здании — «Доме Скынтейи» — газетно-журнальном комбинате столицы Румынии. Обсуждаем с коллегами из редакции журнала «Флакара» план работы на последнем этапе путешествия. Записываем адреса, часы встреч.

У «Дома Скынтейи» начинается широченная, по три полосы в каждом направлении, автострада. Выскочив на нее, через полчаса влетаем в Плоешти. Мы себе почему-то представляли этот город черным от нефти, с буровыми вышками и насосами, которые тянут из земли ее огнеопасную кровь. А Плоешти оказался славным беленьким городом, где старинные особняки великолепно сочетаются с современнейшими зданиями. Где-то тут неподалеку должен быть музей часов. Останавливаем то одного, то другого прохожего, показываем на свои часы. Приходится разыгрывать целую пантомиму. Увы! Нас не понимают, люди думают: мы хотим сверить свои часы.

Отчаявшись, тормозим на центральной площади, бросаемся к молоденькой регулировщице, и

снова пантомима. Девушка с интересом наблюдает за нами и вдруг произносит: «Здравствуйте!» Тут мы замечаем на ее гимнастерке блестящую полоску металла, на которой выгравировано: «Я говорю по-русски». Элена Дырмон, так зовут эту девушку, тут же объясняет, как проехать к музею.

Но нам надо успеть побывать еще в Научно-исследовательском институте нефтехимии. Элена советует сначала ехать туда: «Иначе не успеете — скоро начнется обеденный перерыв». И мы направляемся в институт.

Адрес этот нам еще в Москве подсказала профессор Екатерина Владимировна Смидович. Нынешний директор НИИ Ион Зырнэ, будучи аспирантом, писал под ее руководством кандидатскую диссертацию. А еще раньше он окончил Московский химико-технологический институт имени Менделеева.

Директор оказался очень молодым и очень энергичным человеком. Он рассказывал нам о своей работе, вспоминал московских друзей, студенческие годы.

— Наш институт — это только часть важнейшего нефтяного комплекса, каким является Плоешти,— сказал он.— Здесь делают оборудование для разведки и добычи нефти, здесь разрабатывается технология ее переработки. Социалистический способ ведения хозяйства дает невиданные возможности для сотрудничества по линии СЭВ. Вот только один пример. Сейчас в ГДР, в городе Белен, строится огромный химический комбинат. Возводить его немецким товарищам помогают друзья из Чехословакии, Венгрии, Румынии и Югославии, а перерабатываться тут будет нефть, поступающая из Советского Союза. Наш институт, естественно, тоже вносит свой вклад в выполнение Комплексной программы.

— А над какой проблемой работаете вы сами?

— Моя специальность — смазочные масла.— И, показав на наши фотоаппараты, Ион Зырнэ пошутил: — Только они у меня нефотогеничны. А впрочем...

И он повел нас на испытательную станцию, где несколько моторов с утра до вечера «жевали» новые, никому еще не известные масла, а многочисленные приборы следили за всеми интересующими ученых параметрами испытаний. Мы спросили директора, какое масло самое долговечное в работе.

— На этот вопрос так просто не ответишь. Вас, наверное, интересует, как часто следует менять его в автомобиле?

— Да, именно это мы имеем в виду.

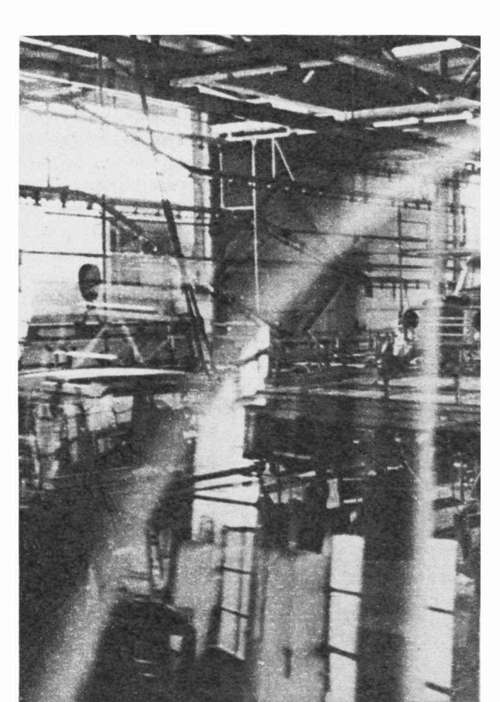
— Одного человека спросили, почему у него всегда хороший чай. Кладите больше чая!— ответил он. Вот и вам я советую: меняйте своевременно масло, не экономьте — лучше чаще его менять, чем реже. Масло дешевое, а мотор дорогой!

...После грохота испытательной станции разноголосое тиканье музейных часов показалось музыкой. В этом особняке на перекрестке тихих улиц собрано «вчерашнее» время. Сегодняшних часов вы тут не увидите, их несчетно выпускается по всему миру, разве соберешь? Здесь бережно хранится то, что уже принадлежит истории. Экспозицию открывает рисунок петуха — первый хронометр человечества. Вот еще рисунок — водяные часы: рабы таскают воду ведрами в чан, откуда она бежит по ступенькам. Нынешнее риторическое «сколько воды утекло!» когда-то звучало просто — «который час?».

Время... Вот часы, которые исполняют мелодию «Марсельезы», она звучит торжественно. Рядом — картина в богатой рамке. Каждый час начинают бить изображенные на картине куранты, и в соседней с башней кузнице приходят в движение фигурки кузнецов — одни раздувают мехи, другие стучат молотами по наковальне, третьи подковывают лошадь. Эти необычные часы показались нам символичными. Время и работа — они всегда рядом.

...Каждые восемь минут с конвейера Брашовского завода сходит один трактор. Почему мы начинаем свой рассказ о городе Брашове именно с тракторов? Потому, пожалуй, что это самая массовая продукция брашовского машиностроения, известная во всем мире,— тракторы, родившиеся здесь, можно встретить на полях и строительных площадках семидесяти стран! Более трехсот шестидесяти тысяч машин уже вышло из заводских ворот. До сих пор они по своему назначению были универсальны, а теперь завод готовится к качественному скачку — переходу на выпуск специализированных машин — для огородничества, садоводства, виноградарства и других хозяйственных нужд.

— Борьба за новые тракторы — это борьба за время,— рассказывает нам секретарь городского комитета партии Александру Кри-

См. «Огонек» №№ 14, 15, 16, 17, 18, 20.

ГУЛЯХ»

шан.— Еще совсем недавно разрыв между составлением документации и выпуском трактора равнялся пяти годам. Сейчас он уменьшился: год-полтора. Еще до конца этой пятилетки (1971—1975 годы) будет создано три новых типа мощных тракторов с улучшенными эксплуатационными данными. Нужно сказать, что мы называем эту пятилетку пятилеткой качества.

— У Брашова тесные контакты с нашим Ярославлем...

— Слово «контакты», пожалуй, не совсем точно определяет эти отношения,— улыбнулся собеседник,— между нашими городами существует хорошая, добрая дружба. А началась она в 1965 году, когда мы обменялись первыми делегациями. Теперь поездки друг к другу партийных работников, специалистов, школьников стали обычным делом. Например, прошлым летом ребятишки из Брашова отдыхали в ярославских пионерских лагерях.

Минувшим летом из Брашова в Ярославль отправилась специальная автомобильная экспедиция. Мы решили побывать на Брашовском заводе грузовых автомобилей и встретиться с участниками этой экспедиции.

Завод восхитил нас своими масштабами, чистотой и организованностью. Долго стояли мы посреди заводского двора, наблюдая за движением транспортера, повисшего высоко над землей. На фоне лесистых гор плыли кабины, моторы, мосты и колеса будущих машин. И все эти детали гигантского «конструктора» точно, минута в минуту, поступали в корпус главного конвейера, их движением дирижировал невидимый диспетчер. Время... Оно, к сожалению, сделало невозможным нашу встречу с теми, кого мы искали. Просто в тот день никого из участников этой экспедиции на месте не оказалось. Но с ними встретились по нашей просьбе коллеги из румынского журнала «Флакара». Они и записали этот рассказ Героя Социалистического Труда, мастера по обслуживанию тяжелых автомашин Кароля Надя и инженера Эмиля Кушнира.

Конвейер Брашовского автозавода.

Репортаж ведет журнал «Флакара»

«ПРОПИСАНЫ» В ЯРОСЛАВЛЕ

«С чего начать? Может быть, с незабываемого русского пейзажа? Или с Волги? Или с самого Ярославля? Лучше, пожалуй, с начала. Двинулись мы из Брашова мощной колонной — сорок грузовиков и самосвалов. Большинство из нас впервые ехали в Советский Союз.

Разве забудешь встречу с украинскими степями, очаровательными лесами Подмосковья, бескрайними озерами в Переславле-Залесском и Ростове Великом! Первая встреча с русской природой. Встречи с городами, встреча с людьми. Мы были в Москве, сумели почувствовать сегодняшний день столицы могучей индустриальной державы и увидеть воочию то, с чем прежде были знакомы только по газетам, книгам, кинофильмам, выставкам.

Инженеры, рабочие Брашовского завода грузовых автомобилей создали отличные машины. Нам предстояло продемонстрировать их достоинства. От результатов нашей работы зависело заключение контрактов на поставку наших грузовиков в Советский Союз и другие страны социалистического содружества. Вот потому и получилось, что брашовские грузовики были «прописаны» на полгода на ярославских автобазах. Так и жили мы бок о бок со своими советскими собратьями, вместе трудились на стройках, на грузовых линиях, вместе работали в условиях бездорожья; на самых сложных участках. Надо сказать, что румынские машины получили высокую оценку. Но это заслуга не только наша. На испытаниях нужен был особый рабочий режим, на машины и на людей ложилась весьма тяжелая нагрузка. Постоянно возникало множество проблем, решать которые можно было лишь в тесном контакте с советскими специалистами. И тут для нас оказались просто-таки неоценимыми отличная профессиональная подготовка советских друзей, их доброжелательность, готовность в любой момент прийти на помощь. Без этого мы не смогли бы, конечно, довести до конца работу. Так что можно смело утверждать: успешное выполнение плана этих испытаний— итог общих усилий румынских и советских специалистов. Хотелось бы, пользуясь случаем, поблагодарить через «Огонек» ярославских друзей — директоров автобаз товарищей Механикова и Ретнева, инженеров Булянцева, Шадрина, Румянцева и всех, кого мы узнали, с кем подружились и теперь всегда вспоминаем с самыми добрыми чувствами.

Полгода прожили мы среди советских друзей, окруженные большой человеческой теплотой и заботой. Мы не чувствовали себя здесь чужими, а стали в те дни «ярославцами», полюбили город, узнали его историю, древние памятники. Мы познакомились с достижениями рабочего Ярославля, города развитой промышленности. Пройдет время, и, вспоминая полгода жизни в Советском Союзе, в первую очередь вспомним хороших, сердечных людей, с которыми нас объединяет общий труд и братская дружба».

Автоинспектор Элена Дырмон.

Новелла ЦВЕТКОВА

СЕКРЕТЫ «ИНСУЛА МАРЕ»

В переводе с румынского «Инсула маре» означает «Большой остров». Сначала мы увидели его на карте, которая занимала всю стену просторного кабинета генерального директора совхоза Героя Социалистического Труда Иона Влада.

— Вот взгляните сюда.— Он обвел указкой ярко-зеленые гра-

ницы совхозных владений.— Всего лишь десять лет назад все это было озером, заросшим тростником. Испокон веков люди считали, что эти места — «забытые богом». Бог, может быть, и правда о них позабыл, а мы вспомнили, и теперь этот остров, созданный нашими руками, эти 72 гектара плодороднейших земель совхоза «Инсула маре» дают самые высокие урожаи кукурузы во всей республике.

Директор совхоза нажал кнопку, и карту перерезала красная извилистая тропинка.

— Вот дорога, по которой мы с вами поедем. Пока что проложено только шестьдесят пять километров шоссе, и потому путь будет нелегкий.

— А все-таки, как же мы доберемся отсюда, с «материка»?

— Как и все служащие совхоза, на пароме. Еще у нас есть собственные лодки и даже одна баржа.

— Земледельцы - мореходы... это что-то новое.

— Человек так и должен жить на земле: искать новое, творить чудеса и разгадывать их!

— Творить чудеса — это ведь дано не каждому.

— Конечно,— охотно согласился директор,— для этого необходимы по крайней мере два условия: во-первых, нужно очень любить свое дело, а во-вторых, крепко дружить с наукой.

— И в этом весь секрет?

— Ну нет,— рассмеялся он,— так просто секреты не выдают. Вы представляете себе, что такое 72 гектара земли?

— Вообще-то да.

— Тогда сделаем так: сначала объедем все наше хозяйство, а уж потом поговорим о секретах!

...От правления совхоза до Дуная — рукой подать. Мы въехали на паром, уже порядком заполненный людьми и машинами. Вместе с нами в путешествие на «остров чудес» едут секретарь горкома партии Овидиу Удор и секретарь по пропаганде, в прошлом учительница Мируна Бабоя. Ветер гонит легкую рябь по Дунаю; здесь он совсем не грандиозен, а по-домашнему спокойный, «ручной».

— Да, эта река-работяга во многом определяет жизнь не только древнего города Брэилы, но и всей нашей области,— неторопливо рассказывает. Овидиу Удор,— ее население — четыреста тысяч человек. Мы развиваем кораблестроительную, энергетическую, легкую промышленность, в ближайшие годы будем строить в кооперации с Советским Союзом и другими социалистическими странами химкомбинат, текстильную фабрику. И все-таки сельское хозяйство занимает в экономике почти пятьдесят процентов. Серьезная цифра, правда? Путь тут один — создавать крупные сельскохозяйственные комплексы. Неподалеку от города уже построены два больших свиноводческих комплекса. Ежегодно там выращивают по 150 тысяч свиней. Не так давно здесь побывал ваш министр сельского хозяйства товарищ Полянский, ему показалось это хозяйство интересным, потом для обмена опытом сюда приезжали советские специалисты. Особенно часто здесь бывают наши побратимы из Ростова-на-Дону...

— Вы, может быть, знакомы с Бондаренко, первым секретарем Ростовского обкома КПСС,—оживленно включился в разговор директор совхоза.— Замечательный, душевный это человек, а землю он ой как хорошо понимает! Мы с ним объездили весь наш совхоз вдоль и поперек: в каждую мелочь вникал он по-хозяйски. Вышел в поле, взял землю в горсть, растер на ладони. «Богатая,— говорит,— землица, тут можно и большие урожаи брать».

— Сколько же берете сейчас?

— С гектара 6—7 тысяч килограммов кукурузы. Она занимает примерно половину всей совхозной земли.

— А другая половина?

— На остальной сеем пшеницу и сою, которая идет в основном на экспорт.

С середины реки зеленый остров кажется совершенно необитаемым: не видно ни одной постройки, ни дымка. На пустынном берегу ни одного человека.

— А зачем им тут быть?— удивляется нашему вопросу директор.— Весь народ на фермах.

— А сколько всего в совхозе ферм?

— Сорок три.

Наконец паром мягко уткнулся в песчаный берег. Приехали! Приехали? Ну нет, наше путешествие по острову изобилия только начиналось. Прошел час, другой, а мы все ехали, окруженные со всех сторон бескрайними зелеными полями. За одним из поворотов шоссейная дорога оборвалась. Теперь мы едем медленнее, оставляя за собой длинный пыльный шлейф. Неужели и впрямь не так уж давно тут были топи и камышовые заросли?

— Были! Я сам сюда ездил, бывало, с рыбаками,— говорит Ион Влад.— Тут у озера были тогда две рыбацкие деревушки, несколько домов...

Ион Влад.

Брэильские экскаваторы.

— Как же все-таки покорили озеро?

— Сначала его окружили дамбой, а потом в течение трех лет осушали и корчевали кустарники.

— И вода отступила навсегда?

— Видите эти узенькие каналы на полях? Мы построили на острове тринадцать насосных станций. Каждую секунду они откачивают 76 кубометров воды. Особенно внимательно приходится следить за уровнем Дуная — чуть он поднимется выше нормы, нужно срочно принимать меры.

— Значит, дежурство на острове круглосуточное?

— Конечно. Для того и построили мы на нескольких фермах общежития типа гостиниц.

Еще полчаса пути по пыльной дороге, и вдруг — что за видение? Прямо за кукурузным полем синяя полоска воды, окруженная тенистыми деревьями. Подъезжаем ближе — цветочные клумбы, беседка, аккуратные мостки у спуска в воду. Кажется, мы приехали в рай...

Директор совхоза доволен произведенным эффектом:

— Добро пожаловать в наш однодневный совхозный дом отдыха!

Прав оказался секретарь Брэилского уездного комитета партии Раду Чука, который подсказал нам этот адрес и пообещал, что в «Инсула маре» мы увидим чудеса. Кстати, сейчас, кажется, самое время напомнить директору о его обещании рассказать о секретах этих чудес.

— Ну что же, хотя вы и проехали только третью часть острова, но теперь представляете, что такое 72 гектара,— неторопливо начал Ион Влад.— В Румынии самая популярная и самая распространенная профессия — строитель. Вы проехали по нашей стране и видели сами, как много построено и как много строится домов, заводов, школ, больниц. Я по профессии агроном, но я тоже считаю себя строителем. Ведь прежде чем мы, агрономы, начали колдовать на этой земле, нужно было ее создать! И вот инженеры, гидротехники, агрономы, полеводы стали строителями всего того, что вы видите сегодня. В этих местах я родился и прожил всю жизнь. На моих глазах происходит главное чудо социалистической Румынии — изменяются люди, трансформируется крестьянская психология, рождается новый человек. В 1947 году я начал работать в сельском хозяйстве нашей области — в то время все крестьяне пахали на лошадях, а в прошлом году приезжала сюда киногруппа и долго искала тех, кто сумел бы показать, как пахали прежде. Техника и сельскохозяйственная наука перевернули привычное представление крестьянина о плодородии земли. Теперь ведь и шагу не делают без химических удобрений. Знаете, сколько тут на острове техники? 770 тракторов и 370 комбайнов. Восемьдесят процентов всех работ механизировано. Сейчас 45 процентов населения на-

шей страны заняты в сельском хозяйстве, а в 1995 году будет только 15 процентов! За счет чего же произойдет такое сокращение рабочей силы? «Инсула маре» показывает этот путь...

— Наука наукой, но ведь не все земли так богаты, как эта?

Директор улыбнулся.

— Вот-вот, об этом как раз мы часто спорим с сыном! Он учится на агронома и уверен, как только получит в руки диплом, тут же станет, как и я, директором. Нет, говорю, сынок, хотя с наукой ты и дружишь, а все-таки земля тебе сразу всех своих тайн не раскроет. Узнаешь ее и в зной и в стужу, полюбишь крепко, тогда тебе поможет твоя наука.

Ион достал из кармана потрепанную книжицу.

— Тут все мои секреты. На каждый день составляю себе точный план работы: что на какой ферме надо сделать, с кем о чем поговорить. А мелькнет какая идея или мысль полезная — сюда же ее, в этот блокнот. На другой день пишу новый план, а что из старого недоделал — не вычеркиваю, пока своего все-таки не добьюсь.

...И долго еще в беседке шел разговор. И о земле, и о людях, и о том, как важно каждому человеку найти свое единственное и главное дело жизни. Инженер, учительница, агроном — все трое, уважаемые в этих местах люди, которым партия доверила большие дела, они все считали своим днем рождения 23 августа 1944 года. Осуществленное в условиях решающих побед Советской Армии освобождение Румынии от фашизма открыло путь к строительству нового общества.

— Скажите, если бы не было этого радостного дня, как бы сложилась ваша жизнь? — спросила я, когда мы уже прощались.

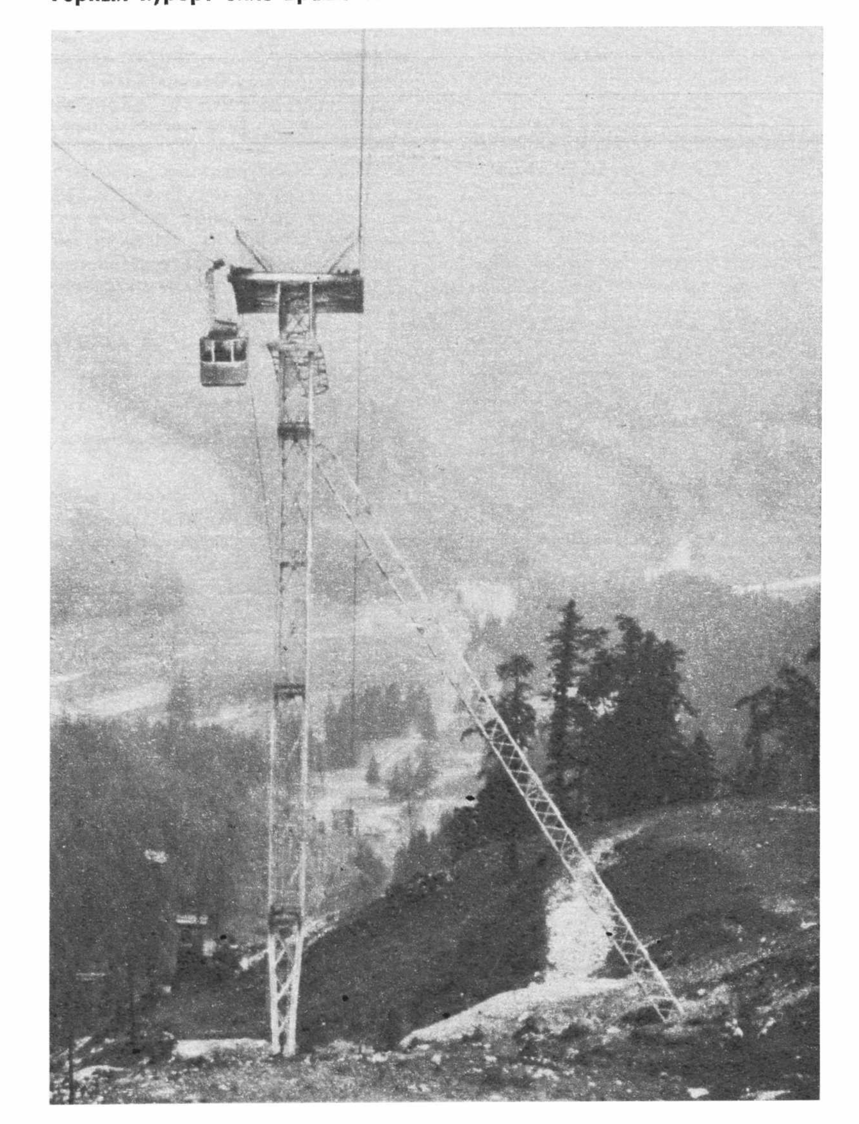
— Я — уже пятое поколение учителей в нашей семье, — сказала Мируна Бабоя, — но я первая в нашей семье, кто стал сельской учительницей, ведь прежде там не было школы. Разве можно было бы представить такое, не будь 23 августа!

— А мой отец был крестьянином-бедняком, — произнес инженер Овидиу Удор. — Семеро детей — вот и все его богатство. Разве мог бы он мечтать, что две дочки станут учительницами, один сын — юристом, другой — председателем кооператива, а я окончу Ясский политехнический институт и буду инженером-машиностроителем!

Директор совхоза-орденоносца Влад Ион отвечал последним:

— Ну а я все равно стал бы агрономом, хотя отцу дорого стоило бы мое учение, ведь семья наша жила небогато... Я спросил сейчас себя: как жилось бы мне тогда? И я не смог ответить себе, потому что если отнять у меня этот остров, эту землю, о которой я мечтал и которую создал своими руками, жизнь потеряет для меня смысл.

Горный курорт близ Брашова.

Юрий ЛУШИН

ДОРОГИ

Дорога... Она стала вторым нашим домом, а может быть, даже чем-то бо́льшим. Дорога вела нас от границы к границе, и на каждой из них в наши паспорта ставился штамп: маленький автомобильчик, а рядом — дата пересечения границы. Это означало, что мы путешествуем не пешком, не на поезде, не в самолете, а именно на автомобиле. Каждое утро, рассаживаясь по машинам, мы думали о дороге: какой она будет сегодня? Даже ночью мы с ней не расставались: она снилась нам еще долго после возвращения из путешествия. Что бы делали люди без дорог? Многие века дорога каким-то образом обходилась без автомобилей, сегодня представить дорогу без автомобиля невозможно. Автомобиль стал хозяином дороги. Он согнал пешеходов на обочину и тротуары и заставил уважать себя, черпая из рядов пешеходов многочисленных своих приверженцев.

В Варшаве мы видели в шесть утра на совершенно пустом перекрестке пешеходов, которые терпеливо дожидались зеленого света. Однако «самоход» (так называют в Польше автомобиль) чувствует себя полным хозяином не на всех дорогах. Нам показалось, что на сельских улицах многочисленные конные повозки его просто-напросто игнорируют. Причем назло «самоходам» они тоже обзавелись резиновыми шинами. Предостаточно конных повозок и тут, на румынских дорогах. Крестьяне везут на них свои грузы, дети едут в школу.

...Однажды на оживленной берлинской улице мы увидели карету, запряженную парой гнедых. В ней торжественно восседали счастливые молодожены, снисходительно поглядывающие на сверкающие лаком современные «вагены» (так по-немецки называется автомобиль).

На узких улочках старой Праги, мы вспомнили об этой карете — «старушка» тут была бы на месте, отлично вписываясь в архитектуру города. Только карете, пожалуй, не пробиться через плотный поток «вузов» и «возов» (так звучит слово «автомобиль» на чешском и словацком языках).

А в Венгрии нас поразил велосипедный бум. Словно кто-то бросил клич: «Все на велосипеды!» — и население село на велосипед, который еще в прошлом веке изобрел наш соотечественник, уралец Артамонов. Но велосипеды разве только на сельских дорогах соперничают с «кочи» — так по-венгерски называется автомобиль.

Наш «возила» (так называют машину в Югославии), ныряя из одного тоннеля в другой, пронизывал горы, перегородившие путь на юг от Ниша.

— Ну, ребята, сейчас пойдет двадцать километров чистой тряски, — сказал наш водитель, — я тут проезжал год назад...

Но нас ждал приятный сюрприз: в обход старой, петляющей по горам, узкой, разбитой дороги пролегло в долине отличное шоссе. И мы с удовольствием внесли поправку в нашу автомобильную карту.

Всюду на нашем долгом пути «Жигули», на боках которых был расписан весь маршрут нашего путешествия, вызывали большой интерес. В Болгарии стоило остановиться хотя бы на минуту, тут же начинались дотошные расспросы прохожих — о моторе, о скорости и цене машины. Один просит открыть дверцы, чтобы рассмотреть салон, другой изучает подвеску, третьего интересует мотор нашей «колы» («кола» — по-болгарски «автомобиль»).

Недовольных поведением наших машин мы встретили уже на заключительном этапе, и это были представители румынской дорожной милиции. Мы вели себя в пути, как нам кажется, хорошо: правил старались не нарушать и скорость не превышали. А тут так получилось, что здоровенный фургон, который мы обогнали, заслонил знак, ограничивающий скорость до шестидесяти километров. Через несколько минут, когда мы уже проскочили деревню, нас остановил красавец сержант с жезлом в руках.

Сержант спросил по-русски:

— Ваша скорость?

— Шестьдесят!

— Нет, семьдесят четыре! Это показал радар.

Сопротивление было бесполезным.

Вскоре нарушителей набрался целый караван. Своих соотечественников сержант штрафовал нещадно. С иностранными гостями, в числе которых были и мы, обошелся мягче: продержав с полчаса, нас отпустили, намекнув, что радар на дороге не единственный.

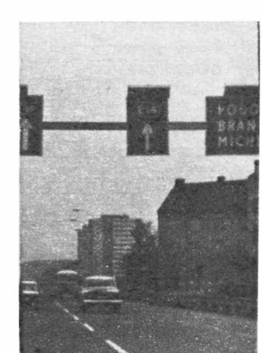
Мы радостно отсалютовали сержанту гудками наших «авто» — так автомобиль зовется по-румынски, и покатили домой. До советской границы оставалось всего полторы сотни километров...

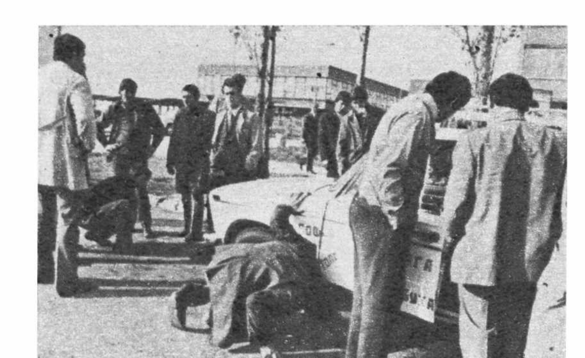
* * *

Вот и подошло к концу наше путешествие к друзьям на «Жигулях». Позади — 10 тысяч километров, проделанных по дорогам семи братских социалистических стран. Весь наш маршрут отмечен красной линией на карте, которую открывает этот репортаж.

Помните наш старт? Он не случайно был взят от здания Совета Экономической Взаимопомощи. «Огонек» рассказал своим читателям о том, как осуществляется социалистическая экономическая интеграция в юбилейный 25-й год жизни СЭВа. Бригада журналистов из «Огонька» вместе с представителями Волжского автозавода совершила путешествие на двух машинах «Жигули», которые, образно говоря, рождаются на «Большом конвейере» СЭВа.

В путевых репортажах, которые вместе с нами писали журналисты Польши, ГДР, Чехословакии, Венгрии, Югославии, Болгарии и Румынии, мы рассказали о том, как работает этот «конвейер», о своих встречах с самыми разными людьми, которые участвуют в осуществлении Комплексной программы. Финиш нашего путешествия — в городе Тольятти, на родине «Жигулей». В одном из ближайших номеров мы будем вести репортаж с Волжского автозавода.

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

«ПЯТЕРКА ЗА ФЛОБЕРА»

Школой у нас интересуются все. Любая семья соприкасается с педагогикой и воспитанием. Среди знакомых слышишь сотни точек зрения. Все знают, каким должен быть хороший учитель и как он, хороший учитель, должен относиться к детям. Родители критикуют учителей, но твердо верят в их магическую силу.

Какая же она, эта «магическая сила»? И тут на первый план встает проблема кругозора педагога. Это очень емкое понятие. Речь идет не просто о некотором обновлении знаний, а о большой повседневной, систематической работе, самоусовершенствовании, умножении своих духовных богатств. Что мешает этому? З. Хирен, автор репортажа «Пятерка за Флобера», опубликованного в «Огоньке», стремился, чтобы на вопрос ответили не только учителя, но и ученые, родители... Его собеседниками оказались сотни людей. «Куда бы учитель ни пришел, всюду он слышит: придет инспектор... проверим... приготовьтесь, на уроке будет представитель и т. д. и т. п. Увы, это стало нормой и чем-то напоминает «контрольные покупки» в торговле,— ответила одна из собеседниц.— Все это, конечно, нервирует, выбивает учителя из колеи, подавляет его инициативу». Но это частность.

Кто должен разделить вместе с педагогом ответственность за школу? Эти и многие другие вопросы поднял на своих страницах «Огонек». Прошел почти год после опубликования «Пятерки за Флобера», а интерес к теме не погас. Письма продолжают поступать.

Публикуя некоторые из писем, мы приглашаем читателей продолжить обсуждение.

Редакция «Огонька» надеется услышать мнение руководителей учреждений и ведомств, причастных к решению данной проблемы.

ПЕРЕГРУЗКА И НЕРВЫ

Несколько дней думал я над прочитанной в «Огоньке» статьей «Пятерка за Флобера».

Я не учитель, а рабочий, но как и многие, имею отношение к затронутым проблемам. Мои дети учатся, жена — учительница русского языка и литературы. Убежден, что для всех словесников характерен тот образ жизни, о котором говорится в «Пятерке за Флобера». Одно время, стремясь помочь жене, пытался проверять часть ученических тетрадей, готовил материал для политинформации. И что же? Все равно жена оставалась перегруженной до предела. Само собой разумеется, почти все домашние дела я взял на себя.

Где же выход?

Часть проблемы, думается мне, можно было бы решить, сократив до разумного минимума число обязательно проверяемых письменных работ.

Много времени поглощает у учителя классное руководство.

Дело в том, что еще довольно большой процент родителей в воспитании детей допускает «брак». Школьник не хочет ходить в школу, курит с 4—5-го класса, хулиганит. И что же? Родители часто на это смотрят сквозь пальцы, наряжают его, покупают часы, фотоаппарат и т. п. В Спасске я знаю несколько таких детей, которые сами не хотят учиться и других отвлекают, имеют приводы в милицию за воровство и другие дела. Мало того, погоня за «процентами» заставляет школу ставить таким ученикам «тройки», переводить в следующий класс.

Для повышения качества обучения необходимо, и чем скорее, тем лучше, разрешить в отдельных случаях исключать нерадивых из школы, посылать на посильную работу. И самое главное, не замазывать недостатки тех, кто этого заслуживает; если надо, оставлять на второй год либо на осенние переэкзаменовки. В заключение скажу о личности педагога. Надо, чтобы учителями были самые лучшие, самые способные, самые развитые люди, а для этого необходимо создать такие условия учителю, чтобы конкурс в педагогические вузы был не меньше, а, может быть, больше, чем в технические вузы.

В. ГЛЕБЕЦ

Спасск-Дальний.

СЕМЕЙНЫЙ ДИСПУТ

Статья «Пятерка за Флобера» вызвала в нашей семье своеобразный диспут. Три стороны вступили в спор. Я — учитель физики 19-й школы, жена — инженер и дочь — студентка, будущий педагог.

Может быть, наш разговор даст представление о том, какие мысли возникли у нас после чтения «Огонька». Вот он, этот диалог.

Студентка. Я люблю школу, готовлюсь там работать. Но вот прихожу туда на практику и сталкиваюсь с проблемами, которые имели место три года тому назад, когда я сама была школьницей. Говорят о «двойках», «тройках», процентах успеваемости, которые порой заслоняют суть учебного процесса.

Теперь об институтских делах. Наши девушки — это будущие педагоги. Но, увы, многих из них трудно представить учительницами.

Учитель. В нашей учительской жизни немало трудностей. Преподаватель физики много времени затрачивает на приведение в порядок приборов. В вузе этому не учили. Но кто же будет ремонтировать осциллографы, телевизоры, электронные секундомеры? Техническое оснащение кабинетов растет, и мы, преподаватели, вынуждены заниматься не только демонстрацией опытов.

Жена учителя. Уважаю, люблю учителей за их одержимость, за преданность своему делу. Но никак не могу понять, почему учителя не любят яркой, красивой одежды, боятся выглядеть броскими. А я, например, считаю, что учитель должен быть одет лучше всех.

Студентка. Лучше всех... У нас спорят, прилично ли юношам отпускать длинные волосы, а девушкам надевать короткие юбки. Вы скажете, что этот вопрос никакого отношения к учительскому кругозору не имеет. Я не согласна. Одежда — это тоже культура. Мне кажется, что только люди с нешироким кругозором могут судить о культуре парня или девушки по таким чисто внешним атрибутам, как одежда, прическа. Нет ли тут ханжества?

Учитель. Не думаю, что это главное в разговоре о кругозоре учителя. Есть тут более существенные вопросы: бумажный поток, подсчет проведенных уроков. Нам, москвичам, полегче, а на селе куда труднее, там для учителя практически не существует «посторонних дел». На селе учитель за все в ответе. А внеклассная работа? Только в школе возможно, чтобы один человек был и учителем, и сценаристом, и режиссером, и балетмейстером. Все кажется просто: «провести мероприятие», а дальше поступай, как знаешь. Разве нас учили всему этому в вузе?

Согласен со своими коллегами из 201-й школы. Да, жизнь педагога усложняется множеством проверок, инспекций. Говорили мы об этом у себя в школе, когда читали «Пятерку за Флобера». Учителя сошлись на том, что в статье затронуты острые вопросы жизни школы и учителя.

А. КОНЮКОВ

Москва.

АЛГЕБРА И ТАБЛЕТКИ

Я прочитала статью «Пятерка за Флобера». Там все правильно, без прикрас.

Я участковый врач, и мне приходится выслушивать пациентов не только стетоскопом... Я бываю в семьях, вижу детей, матерей, бабушек, о которых речь идет в статье. Не только вижу, но и знаю немало историй, имеющих прямое отношение к проблеме народного образования.

Не буду говорить об отбившихся от рук «Сашеньках», о тех, кто не хочет учиться. Чаще всего соприкасаюсь с теми, кто рвется к знаниям. Но какой ценой они им достаются? Взять хотя бы скоростное решение алгебраических задач. Одно дело — математически одаренные дети... Пусть они участвуют в олимпиадах и т. д. Но для обычного ребенка подобные занятия тяжелы. Дети просиживают за приготовлением уроков по шесть и больше часов. Это после целого дня школьных занятий! К этому прибавьте телевизор, радио. Редко встретишь сейчас школьника, который бы уже не причастился к таблетке от головной боли или от бессонницы.

Я убеждена, что в школьных делах не последнее слово должно принадлежать врачам, медицине. Никто не станет спорить, что чрезмерная нагрузка пагубна для детского мозга. Ребенок должен оставаться ребенком. Нельзя не принимать в расчет его реальные умственные и физические возможности.

Л. ЮРОВА

Москва.

МУЖЧИНА ИЛИ ЖЕНЩИНА

Профессия педагога стала у нас почти чисто женской. Это даже чувствуется по числу собеседниц в «Пятерке за Флобера».

А мне кажется, что это неправильно. Самой природой женщина поставлена в особые условия. Во время беременности она обидчива, вспыльчива, раздражительна... И, конечно же, под удар в первую очередь попадают ученики. Но вот стала матерью. Систематически не высыпается, тревожится за ребенка. После уроков молодая мать ласточкой улетела бы к своему птенцу, а тут двоечник, нужно с ним позаниматься, а то средняя успеваемость «упадет». Ну, как тут оставаться спокойной?

Дети во все времена — дети. Если бы они понимали, что «корень ученья горек, зато плод его сладок», не нужно было бы учителям тратить столько лишних сил, времени и нервов. Но коль скоро это не так, пусть будет наилучший вариант, пусть среди воспитателей юношества преобладают мужчины, которые способны «без надрыва» держать себя с учениками, так как учитель должен быть требовательным, строгим, объективным и снисходительным.

А. ДЕМЕНКОВА

Хабаровск.

У. Тансыкбаев. РЕКА ГУНТ.

У. Тансыкбаев. В ГОРАХ ПАМИРА.

ДОРОГА В ГОРАХ.

Римма ЛИХАЧ

БАБУШКИНЫ ВАТРУШКИ

Вспомните, кто был нашей первой потворницей и заступницей в детстве. Бабушка! Это она, добродушно ворча, смывала со стен наши первые шедевры вдохновения, припрятывала залитые чернилами скатерти и молча вешала сушить промокшую одежду. А если бабушка жила не с нами, с какой радостью мы отправлялись к ней в гости! Ведь там разрешалось все что угодно. Можно расставить стулья от двери до двери и прыгать с одного на другой, словно по льдинам на реке в ледоход. Можно открыть большой сундук и обрядиться в пестрые кофты и длинные юбки или пахнущий нафталином дедушкин жилет. Там, у бабушки, нас и жалели и баловали. Теперь это называется «снять состояние стресса». Наши бабушки так мудрено не думали. Они просто пекли для внучат душистую ватрушку или сочный пирог.

Может, это мне так в детстве казалось, только наши бабушки были совсем старенькие. Седые. Неважно одетые. И не помню я, чтоб, сидя на лавочках, вели они разговоры о делах служебных. Нет, наши бабушки, как правило, не работали. А теперь, во второй половине беспокойного двадцатого века, бабушки определенно помолодели. И в связи с таким их преображением возникли в семейной иерархии проблемы отнюдь не второстепенные.

Сегодня воскресенье. Еще рано. Выхожу на балкон и вижу: на лавочке уже сидит с коляской Надя, самая молодая бабушка нашего подъезда. На ней домашнее платье с кружевным воротничком, в этом милом туалете она выглядит моложе своих лет. Бабушка поит внука из бутылочки и просветленно улыбается, отчего лицо ее делается удивительно женственным и нежным.

Бабушка! Ведь прошло всего десять лет с тех пор, как мы въехали в этот дом. Детям нашим было тогда по десять — двенадцать лет, а нам по тридцать — тридцать пять. Никому и в голову не приходило, что вот пройдет не так уж много времени, и мы станем бабушками, а наши дочери и сыновья — родителями. Кто думает в тридцать лет о роли бабушки и в двенадцать о материнстве! Казалось, только-только они повзрослели, наши Олечки и Андрюши, как пошли в доме свадьбы. И вот все мы, в общем-то еще не старые женщины, в течение последних двух лет выкатились во двор с колясками.

Это теплое, солнечное утро — словно подарок среди вереницы дождливых дней. Улица по-воскресному тихая, воздух чистый, тенькают синички. Очень хороша Москва в эти часы.

— Спускайтесь,— негромко зовет меня снизу Надя и машет рукой.

Ах, какая она красивая! Высокая, статная, светловолосая русская ткачиха. И на голове ее повязан яркий платочек точно так, как показывают в кинохронике. У Нади и дочери-красавицы и внучек — тоже хоть куда мальчишка.

Я подсаживаюсь к Наде.

— Вот,— говорит она,— гуляем!.. Родители-то еще спят. А он проснулся и не желает лежать тихо. Я уж его на улицу вывезла. Неровен час мамка его и шлепнуть может, чтоб не мешал. Только что он понимает?!

А годовалый Алешка, похоже, все понимает. Он в восторге и от этого утра и от того, что с ним бабуся; младенец энергично подпрыгивает и сияет в улыбке всеми восемью зубами.

Мы забавляемся с Алешкой и тоже радуемся погоде. Но Надя сетует:

— После ночной смены еще не прилегла отдохнуть. А «сам» тоже уже встал и готовит на всех завтрак. Молодые считают, что так и надо. Будто мы не устаем, и нам отдохнуть не хочется. Никакого покоя,— вздыхает Надя.— Мы с мужем год в кино не были: не отпускают дети. Сами ходят. Но это еще бы ничего. Сил нет смотреть, как они Алешку воспитывают. То вдруг надумали плавать учить! Этакую кроху! А то и наказать пытаются.

Мы с мужем уж хотели комнату на работе просить. Устали. Лучше каждый день к молодым на часок забегать. Да, жить надо только врозь. Я своих сама растила, мне никто не помогал.

— Ну, дают комнату-то?

— Да ведь мы только словами воздух сотрясаем, а оставить их жаль. Пропадут без нас-то!

И покатился разговор на тему, больную для всех наших сверстниц: кому надлежит больше заниматься ребенком — матери или бабушке. Получается, что некому: и та и другая работают... И обе не мыслят бросить работу, окунуться в трясину семейных дел и забот.

Мы обсуждаем эту проблему и так и сяк. Мы даже разбираем ее с государственной точки зрения, глобально, как теперь модно выражаться. От того, какими вырастут нынешние юные граждане, зависит будущее страны! Думаю, что тут нам с Надей возражать никто не станет. Но сегодня утром у нее в семье вопрос так масштабно не ставился. Он ставился конкретнее и острее: кому сейчас варить кашу и идти гулять. И выпало ей и деду. Как всегда!

— Ох,— вздыхает бабушка,— придется все-таки уезжать. Замучились...

А вечером ко мне приходит подруга Зинаида. С дачи приехала. Загорелая, строгая, в белой блузке, с огромным пучком на затылке.

— Зинка,— говорю,— у тебя такой отдохнувший вид!

— Какой, к черту, отдохнувший! Весь отпуск с внучкой на даче просидела!..

Вдруг с несвойственной ей нежностью Зинаида прибавила:

— Ты приезжай, посмотришь, какая она стала, прелесть!

И тут же принялась рассказывать про свой отпуск.

— Представляешь, сидим на даче: сватья, я и малышка.— Слово «сватья», произносимое современной, элегантной Зинаидой, звучит нелепо. Но она оперирует им так же легко и привычно, как своим любимым «к черту».— Ползунков, пеленок — ворох! Газ, к черту, кончился. Керосинку развели. Сватья без конца воду таскает, у корыта торчит. Я принцессе кашку варю и прыгаю вокруг с погремушкой, чтоб ела, это при моей-то комплекции... Шпильки все, к черту, растеряла, разлохматилась, халат в каше. А она орет и не ест. С ума сойти можно! И вдруг — светлое явление! Здрасте! Приехала моя доченька со своим «зайчиком». У них, видите ли, светская вылазка за город! «Лапка» в белых брючках, «зайчик» при ней в крахмальной рубашке! Вырядились! Неделю на даче не были! А мы со сватьей стоим — две «бонны» при одной принцессе! Замурзанные — она вся в пене, я... во всем!

Сватья шипит: «Ты посмотри только, посмотри на них!» А сказать моей дочери стесняется, нетактично: свекровь же. А мне не до такта, как начала, к черту, шерстить и дочь и зятя. Они сразу увяли. «Лапка» брючки долой и за корыто, «зайчик» в одних трусах к колодцу запрыгал, давай воду таскать, полы мыть. А я говорю: «Нинка! Собирайся быстро, мы же своих «зайчиков» целую неделю не видели!.. Они небось там рады-радехоньки, дуются в шахматы и дымят, благо им никто не мешает!»

Зинаида продолжает изливать душу. А я, припомнив ее и «сватью» Нинку в детстве, этих подружек, говорю:

— Слушай, ты вот шипишь, а тебя-то кто нянчил? Бабушка или мама?

— Меня Татьяна нянчила, сестра, ты же знаешь, а мать со мной горя не знала!

Ну, конечно, Татьяна! Старшая сестра! «Сватья» же Ниночка, курносая, с тонкой косичкой, приходила в наш двор в сопровождении двух братьев... Зинаида как будто читает мои мысли и говорит:

— Конечно, в большой семье дети незаметней вырастают. Да и ребятишкам веселее в куче. А вырастут, все есть к кому пойти и с горем и с радостью. Как теперь жалею, что у меня только «лапка»! Умрем мы с отцом, совсем без родни останется. Плохо без сестер и братьев.

Зинаида внимательно глядит на меня, спрашивает:

— А ты жалеешь, что у тебя нет дочки? Была бы еще дочь — все помогла бы! От сына-то помощи в доме не густо. Ах, дуры мы, дуры,— вздыхает Зинаида,— испугались, тяжело, дескать, и детей поднимать и работать. Другие вот не испугались, хоть и им мест в садиках не хватало! А ничего, вырастили ребят!.. Вот мы с Федором и решили: остаемся с молодыми, пусть второго рожают — поможем!.. А то одни-то не решатся — трудно, скажут. Сватья с ними жить не хочет и помогать больше не желает. «Хватит,— говорит.— Я всю жизнь на детей не могу положить!» Все Любе, знаешь, завидует: «Одна живет — и никаких у нее забот».

Хоть Люба и не бабушка, но расскажу и о ней.

С появлением Любы в доме разливается синий дымок и запах сигарет. Люба затягивается, а я в который уж раз думаю, как не идет сигаретка этой пышной женщине с проседью в черных, коротко остриженных волосах, с вздернутым носиком и длинными ресницами. И жалею в общем-то Любу: ее оставило одинокой непомерное себялюбие и какой-то ералаш в голове, замешанный на ее любимом равноправии. Еще лет десять назад, потягивая кофе и кокетливо мерцая глазами, Люба разглагольствовала:

— Почему это не муж, а я должна варить, стирать, убирать? Я и сама конструктор не хуже мужчины.

И таяли поклонники, исчезали женихи. Эх, эмансипироваться бы ей своевременно обратно! Бывало, стоит кому-нибудь из нас пожаловаться на домочадцев, Люба скажет как отрежет: «Думай больше о себе!»

Но в последние годы она вдруг начала развивать странную при таких убеждениях деятельность: стала опекать младшую сестру, оберегать от ее «чад с тенденцией иждивенчества».

— Ты подумай,— сетовала она,— каковы мои племяннички: привезла Тамаре из Венгрии туфли на платформе. Так ее детки хотели отнять: сын — для жены, а дочь — для себя! А Томка-то им всю жизнь отдала, так вдовой и осталась!

— Что ты,— возражала я,— Тамару дети любят, как раз они-то и уговаривают выйти замуж за ее давнего поклонника. Это она сама не хочет, говорит, внуков надо растить!

— Ничего ты не понимаешь! — вздыхает Люба.— Они просто пристроить мать хотят! Эгоисты!

— Господи! Ну что у тебя за винегрет в голове! — в сердцах сказала я. Любовь удалилась обиженная.

Недавно появилась. Распыхтелась сигаретой, объявила:

— Мы с племянниками Томочку замуж выдаем. Я так и сказала: поживи для себя. А внучат я понянчу!

Теперь Любовь накупает внучатым племянникам вороха кофточек, шапочек, игрушек, благо зарплата позволяет и душа рвется отдать неизрасходованное материнское тепло. Куда девались ее беззаботность, эгоизм!

Я не хочу сказать, что опека малышей бабушками полностью снимает заботу с их родителей. Вовсе нет. Конечно, это они, молодые родители, в ответе за своих детей. И у них есть обязанности по отношению к нам — своим матерям и отцам. Не об этом сейчас разговор. Может, я не права, но все-таки думаю так: не можем мы, бабушки, уйти от своих обязанностей. Вот говорят, что внуков больше любишь. Нет, неверно это. Своих детей мы любили так же. Только по молодости не всегда хватало нам терпения быть внимательней и нежнее к маленькому существу. Работа отбирает почти весь день. А еще хочется пойти в кино, в театр, хочется приодеться, купить модное платье, принять гостей. И невольно крадешь на это время у своего ребенка. С возрастом происходит переоценка ценностей. Когда тебе за сорок, ты уже предпочтешь в свободное время почитать внучке книжку. У матушки-природы все разумно. И дабы компенсировать молодость родителей, дабы тепло и любовь были отпущены детям полной мерой, природа наделила именно бабушек терпеливой и умудренной любовью... И чем ближе к старости, тем больше стремится человек не брать, а отдавать, отдавать то, что накоплено за всю жизнь, то, чем когда-то его самого одарили люди.

А может, я все-таки не права? Вернее, может, не правы те молодые родители, которые с такой легкостью, так бездумно и охотно взваливают свои отцовские и материнские хлопоты на плечи бабушек? И нередко обделяют их, безотказных, заботой и теплом...

СЛОВО О В

Л. ПЛЕШАКОВ

Воспоминания детства — странная штука. Из цепи событий, встреч, знакомств память без особой логики выхватывает и тащит через десятилетия факты, случаи, вроде бы и не самые значительные в жизни, но зато казавшиеся яркими в детстве.

...Летом отец возвращается с работы рано. Он сажает меня на раму велосипеда, и, захватив что-нибудь поесть, мы катим на реку. Это было так давно, когда Донец еще назывался Северным, а не Северским, когда сам я не доставал до педалей, а наше крошечное Рубежное, типичный для Донбасса промышленный городок, казался мне вторым после Москвы городом страны.

За железнодорожным переездом отец сворачивает к реке, и мы попадаем в мертвое царство. Голые, без листвы и без коры, деревья по колено стоят в зловонной, подернутой коричневатой пленкой воде. Она подступила к самой дороге, и видно, как со дна на поверхность поднимаются вязкие пузыри и лопаются, оставляя ржавые пятна.

Я не спрашиваю, чем пропахло все вокруг и отчего умерли деревья. Я знаю, что это запах фенола, выпущенного с химкомбината, и что деревья убил тот же фенол. Об этом знает каждый в нашем городе, потому что вся жизнь в нем так или иначе связана с комбинатом. Ну а если кто об этом и забывает, то легкий ветерок со стороны Донца быстро напоминает, что под боком «большая химия».

Богатую в этих местах озерами пойму Донца химкомбинат приспособил для сбрасывания промышленных стоков. По весне половодье затопляет все вокруг и уносит по реке к Дону и морю накопленную за год нечисть.

А потом все повторяется. Производство растет, и комбинат отвоевывает у поймы все новые и новые земли. Приблудившаяся сюда во время разлива рыба поначалу еще крепится. Но на базаре опытные хозяйки уже не доверяют лоснящимся бокам свежевыловленных сомов и щук, они придирчиво принюхиваются к рыбьим жабрам, безошибочно улавливая запах фенола. Летом, когда концентрация химикатов в воде поднимется, рыба в озерцах погибнет, а сухостой шагнет еще дальше в глубь леса. Это знаю я. Это знают все.

Отец переезжает по мостику через Бычок, неширокий, лесистый приток Донца, некогда чистый, но превращенный в зловонную сточную канаву, и мы поворачиваем вверх по течению, выше того места, где Бычок выносит в Северный Донец бурные фенольные воды.

Это было очень давно. Но запах фенола помню всю жизнь.

Лет двадцать назад, студентом, я снова побывал тут. Соседний с Рубежным Северодонецк только начинался и назывался не городом, а поселком «Лисхимстрой». Был он мал, и число фундаментов, казалось, превосходило количество готовых домов. И улицы обрывались в не тронутых покуда песках. И знойный степной ветер нагонял к новым заборам песчаные сугробы.

Города еще не было. Не было и нынешнего комбината, но над первыми цехами в полном соответствии с его будущей азотной сутью уже висел «лисий хвост». Ясно чувствовался запах «большой химии»...

...Вот с таким грузом воспоминаний и предубеждений ехал я теперь в Северодонецк писать о передовом опыте здешнего комбината, который сумел наладить очистку промышленных сточных вод и охрану бассейна Северского Донца от загрязнения отходами производства. Мне, знающему эти места, подобное казалось невероятным. И уже здесь, слушая рассказы о производстве, которое все время расширяется, модернизируется, осваивает новые виды продукции, я все время думал о своем.

Меня нагружали статистикой.

Свыше восьмидесяти видов продукции!

Различные азотные удобрения. И делаются вроде из ничего: природный газ плюс азот из воздуха! Одна тонна аммиачной селитры, внесенная на пять гектаров, дает прибавку урожая озимой пшеницы 5,4 тонны, яровых — 4,4 тонны, кукурузы — семь тонн, а картофеля — 25 тонн. Тонна карбамида на семи гектарах дает «лишних» 7 тонн озимой пшеницы, 34 тонны картофеля, 5 тонн хлопка-сырца.

А из головы не выходило другое. Конечно, нам нужны и «лишний» хлеб, и хлопок, и картофель, и формалин, и катализаторы, и уксусная кислота, и полиэтилен, и все прочее. Но чем это обернется? Не велика ли будет цена, которую нам придется за это уплатить? Что станется с этой землей, рекой? Что оставим мы тем, кому жить после нас?

* *
*

Официально Александра Акимовна Кармазина — технорук цеха биохимической очистки. Неофициально ей частенько приходится выполнять еще и обязанности гида. По тому, как она уверенно рассказывает о своем сложном хозяйстве, понимаешь, что свою лекцию-экскурсию она провела уже не один десяток раз, что народу тут и впрямь перебывало разного и немало. Едут за опытом представители родственных предприятий. Едут химики братских стран. Едут специалисты ФРГ, Франции, Японии, Англии, США. Бывает, что сначала знакомятся как туристы. Потом приезжают во второй раз для подробного изучения здешнего опыта. Это понятно: сходное производство рождает всюду одинаковые проблемы.

Сначала Александра Акимовна объясняет все на карте-схеме. Площадь комплекса биохимической очистки — 75 гектаров. Буферные пруды — 17,2 гектара, фруктовый сад — 6 гектаров. Розарий на 28 видов роз. Уголок живой природы...

Потом на электрифицированном макете она демонстрирует последовательность производимых цехом операций. В сутки на очистные сооружения поступает около 86 тысяч кубометров сточных вод. На две трети — это хозяйственно-бытовые стоки города. Остальное — химически загрязненные воды комбината, которые прошли уже предварительную физико-химическую обработку на промышленной площадке.

Если судить по макету, процесс очистки прост. Александра Акимовна последовательно нажимает кнопочки, и на макете послушно загораются цветные лампочки, означая ту или иную операцию, тот или иной участок комплекса.

Я смотрю в окно: разбитый на песках и удобренный илом сад по осени, говорят, ломится от яблок. Одно дерево цветет за лето дважды. Кармазина объясняет:

— Кто-то принес странный гибрид: плодоносит два раза в год. Яблоки — не очень. Но нам важно другое: в наших «химических» условиях дерево не изменило своих наследственных особенностей.

Как я позже заметил, все северодончане с особой гордостью подчеркивали, что вода, сброшенная их комбинатом в реку, более чистая и с большим содержанием кислорода, чем принесенная сюда Донцом. Это подтверждают данные лаборатории, оборудованной на берегу. Она ежечасно забирает для анализов воду выше по течению реки, в самом сбросном канале и ниже его.

Кармазина между тем продолжала:

— В 1966 году в буферные пруды было выпущено 30 тысяч мальков карпа. А теперь рыба так расплодилась, что нет отбоя от рыбаков. Запускали карпа как чисто биологический индикатор. А теперь, говорят, попадаются рыбины килограммов на тринадцать. Года два назад кто-то выпустил в пруды аквариумных гуппи. Сейчас их там миллионы.

Я верил и не верил рассказу Александры Акимовны, но она, видимо, привыкла к этому и только сказала:

— Пойдемте, сами увидите.

Не хочу описывать, как выглядят все эти метантенки, аэротенки, шлаконакопители и прочее. Это надо видеть. Скажу только, что вода, поступавшая на очистку с комбината, была бурой, а, пройдя все здешние операции, после вторичных отстойников текла по открытым бетонным каналам в сторону буферных прудов прозрачная, как слеза. Стайка мальков, накрытая моей тенью, метнулась в сторону. И тогда я галантно пропустил Александру Акимовну вперед, а сам быстро свернул из блокнотного листка рожок, зачерпнул воды и выпил. Она не имела ни привкуса, ни запаха.

— Как-то у нас побывала группа японцев,— неожиданно обернулась Кармазина,— так вот в этом месте все сворачивали из бумаги кулечки и пробовали воду на вкус...

Выходит, глазам не верят не только русские, подумал я.

У берега одного из буферных прудов я наклонился к самой воде, чтобы блики не мешали заглянуть вглубь. Вся толща казалась тесно набитой рыбешками — гуппи. Я махнул рукой, и поверхность воды вскипела, будто ее стегнули пшеном из лукошка. Тут хватило бы рыбешки для аквариумов всей планеты! В пору открывать специальную ферму.

Спокойно, сказал я себе, без эмоций. Рыба — это только рыба.

* *
*

На другое утро Филипп Иванович Степанов, начальник участка живой природы, знакомил меня со своим обширным хозяйством. Возникло оно не сразу. Сначала в некоторых цехах были уголки с кроликами и голубями, выполнявшими роль живых индикаторов. Постепенно количество животных, их видовой состав росли, пришлось оборудовать специальную площадку. Теперь участок живой природы вынесен за территорию комбината, но расположен рядом с нею и с таким расчетом, чтобы преимущественные ветры со стороны цехов дули по направлению зоосада.

Уважая чувства членов общества защиты животных, спешу высказать два соображения. Конечно, жаль всех этих зверюшек, которым приходится вдыхать выхлопы химического производства и, служа индикатором, показывать людям, насколько вредна концентрация тех или иных производственных газов. Но, во-первых, они принесены в жертву высшему творению природы — человеку, охране его здоровья. Во-вторых, на поверку жертвы эти выглядят отменно.

Хочу перечислить всех, кто тут обитает. Голуби, фазаны, японские перепелки, канарейки, волнистые попугайчики, леггорны, бройлерные и бентамские куры, три вида уток, степные орлы, павлин, лебеди, совы, коршун, сыч. Две семьи сурков, черно-бурые и рыжие лисы, песцы, белки, норки шести расцветок, морские свинки, хорек, косули, дикие кабаны и даже лама. Питаются травой и сеном с опытных участков, пьют воду после очистки, едят рыбу с буферных прудов. Прошу заметить, что видовой состав подобран так, что

ОДЕ И ВОЗДУХЕ

представлены водоплавающие и сухопутные, хищники и травоядные, грызуны и всеядные. Есть уроженцы далеких стран, иных природных условий, которым не так легко освоиться с нашим климатом вообще, а «сдобренным» химией — тем более. И тем не менее вид у них прекрасный, все активно продолжают род свой.

Филипп Иванович показал мне инкубатор с сотнями инкубируемых перепелиных яиц. Эта птица высиживает потомство всего 17 дней. В тридцати пяти — сорокадневном возрасте она начинает нестись. Быстрая смена поколений помогает обнаружить изменения, которые появились под воздействием вредных факторов в окружающей среде. Пока что отклонений от нормы не замечено.

Все, что я увидел на заводе, несколько расшатало мой прежний скепсис, но полностью он не пропал. Природа пластична, думал я, она умеет приспосабливаться. Нужны бесспорные объективные данные.

* * *

В тот день на заседании горисполкома слушался вопрос о воздушном бассейне города. Слушался не впервые, а потому факты, приводившиеся санитарным врачом В. И. Перикало, не вызывали ни удивления, ни споров, а ответы представителей предприятий, которых касались эти факты, носили довольно-таки деловой характер. Заместитель председателя горисполкома В. П. Зыгарь, предоставляя слово очередному «имениннику», требовал назвать сроки, меры, которые необходимы для устранения перечисленных в выступлении санврача нарушений. И если представитель говорил, что своими силами предприятие проблему решить не может, Зыгарь спрашивал, какая нужна помощь горисполкома. Тут же намечались инстанции, в которые нужно обратиться с совместными ходатайствами. Короче, обсуждение больше напоминало выработку плана совместных действий. В конце совещания Перикало назвал места, где будут оборудованы стационарные автоматические точки по отбору проб воздуха. И опять наметили сроки, назвали ответственных за установку.

У меня, новичка на исполкоме, возник ряд вопросов. Ответы получил тут же. О загрязнении воды речь не шла, потому что эта проблема на всех предприятиях города практически решена. Насыщенность воздушного бассейна газами снижается из года в год, но концентрация вредных примесей в воздухе все еще высока. Как ни странно, главная проблема — не химкомбинат, а ТЭЦ. Высокая труба от выбросов спасает в какой-то степени Северодонецк, но засыпает ими соседний Лисичанск. Суть не в качестве работы ТЭЦ, а в технологической схеме — нужно переходить на мазут или природный газ. А это уже требует решения не местного руководства, а в Москве.

Да и к химкомбинату предъявить претензии в полной степени невозможно. Взять тот же «лисий хвост». Окись азота, вылетающая из высоченной трубы, окисляется до двуокиси, которая и имеет рыжий цвет. Концентрация ее так мала и выбрасывается в атмосферу она так высоко, что практически этот газ становится безвредным. То, что это действительно так, можно судить по зеленым деревьям, растущим у подножия трубы. Но тем не менее «лисий хвост» нежелателен. Однако каталитическая установка, считавшаяся пусковой и в 1971, и в 1972, и в 1973 годах, до сих пор не сдана. Машиностроители подводят с поставкой оборудования.

В общем, есть трудности, которые еще предстоит преодолеть, но явно прослеживается тенденция: год от года дела идут к лучшему, хозяйственники смотрят гораздо шире узковедомственных интересов, а потому, кроме плана своего предприятия, видят еще и общегородские задачи и проблемы. Любопытная деталь. Я заметил, что на исполкоме не было представителей одного из заводов, который раньше склонялся на всех совещаниях как злостный нарушитель.

— Исправились товарищи. Теперь к ним никаких претензий. Зачем же вызывать? — удивленно ответили на мой вопрос.

О перспективах и тенденциях шел у нас разговор и с первым секретарем горкома партии Олегом Николаевичем Миславским. В ближайшие пять лет, говорил он, должны подвергнуться полной реконструкции две третьих территории химкомбината. Скоро пустим современнейшее производство аммиака. Должны в ближайшее время решиться вопросы о метаноле, уксусной кислоте, полиэтилене. Расширим выпуск новой продукции. Однако, осваивая ее, все время будем помнить и о главнейшей задаче — защите окружающей среды. С водой мы все проблемы решили — на очереди воздушный бассейн.

Я спросил Олега Николаевича, что, по его мнению, является самым главным достижением Северодонецка в этом плане. Он подумал и ответил:

— Пожалуй, понимание общей задачи, любовь к нашему городу, природе. Все это возникло не сразу. Воспитывалось постепенно. Теперь дает результаты. Поймите правильно. Новая технология химического производства — как и любого другого — предусматривает наименьшие сбросы вредных веществ. Или даже полное отсутствие их. Но тем не менее, чтоб добиться необходимого результата, нужно вести производство в заданном режиме, нигде не нарушать его. И осуществляют эти процессы, отлаживают их на каждом рабочем месте люди. Без сознания своей ответственности трудно добиться результатов. Ни строгий контроль, ни стимулы без такого сознания не дадут нужного эффекта.

А потом мы отвлеклись от темы, и я узнал, что сам Миславский прошел на химкомбинате путь от старшего мастера до директора завода. Поэтому он знает все производство, людей, достижения, успехи, просчеты.

Опыт Северодонецка не только вызывает симпатию, доброжелательный отклик у приезжих, он воспитывает и самих северодончан.

Ну вот вроде бы пустяк. Диких поросят для участка живой природы прислали в подарок из Кременчуга. Косуль — жители окрестных деревень. Причем одну, молоденькую, всю искусанную, в крови, буквально отбили у лисицы. Несут сюда птиц, всяких зверюшек. Ф. И. Степанов, бросив в Папасной должность директора инкубаторной станции, приехал сюда: новая работа показалась интересной. Любительская киностудия Дворца культуры СХК сняла цветной фильм об очистных сооружениях, копии которого раньше, случалось, дарили приезжим делегациям, а теперь, последнюю, хранит в своем сейфе главный энергетик П. С. Рабин и дает на просмотр только в исключительных случаях.

Кстати, все очистные сооружения находятся в ведении Рабина, что, разумеется, никак не вяжется с возглавляемыми им энергетическими службами. Такое несоответствие родилось давно, когда очистка промышленных вод на комбинате только зарождалась и мощность сооружений была в десятки раз меньше нынешней. Так и пошло. Сейчас многие коллеги Рабина с других предприятий выговаривают ему:

— Зачем создал прецедент?

— А вы откажитесь,— советует он.— Очистные сооружения не дело главных энергетиков.

Сам же отказываться не собирается. Он мечтает о внедрении в систему новых озонаторов, о более глубокой утилизации побочных продуктов очистки. Его любимый рассказ о том, как однажды для очень высокой комиссии был устроен ужин, где подавались блюда только из продуктов, выращенных на территории цеха биохимической очистки: рыба всех видов, помидоры, огурцы, фрукты.

* * *

В последний день командировки я поехал в мое Рубежное. Увиденное в Северодонецке требовало сравнений. Требовали сравнений и давние воспоминания. Что было — чем стало?

Город вырос. Изменился комбинат. Даже лес у Донца заметно подрос. Я думал, что только в детстве деревья кажутся большими и убывают в размерах, пока ты сам растешь. Оказывается, бывает и по-другому. Одно осталось неизменным: химия наступала на пойму. Только теперь это были не стародавние фенольные озера, а огромные рукотворные накопители, прямо-таки циклопических размеров. Они бережно хранили бурую гущу, вязкую, как нефть, дурманящую горьковатым запахом миндаля. Рядом автомашины и бульдозеры суетились, создавая еще одну чашу с водонепроницаемым дном для новых тысяч кубов химических сбросов. Они будут ждать половодья, чтоб, растворенными до нужных концентраций, вновь ринуться по реке к морю. Но хорошего половодья нет уже много лет подряд.

Насколько надежны эти хранилища? И насколько вообще надежен такой способ сброса промышленных стоков в условиях нарушенного водного баланса? Я беседовал с руководителями Рубежанского химкомбината. Говорил с геологами, которые уже давно исследуют водоносные горизонты в пойме Северского Донца.

Первые утверждают, что экранированное дно отстойников препятствует просачиванию стоков в почву. Вторые говорят, что из скважин, пробуренных ими рядом с накопителями, хлынула бурая, как нефть, вода. Промышленная грязь пропитала всю водоносную толщу. Загрязнения были даже выше по потоку.

Когда они накопились? Сейчас? Или десятилетиями раньше? Может, земля копила их, как свою обиду на наше бездушное обращение с ней? Чем она ответит на нашу сегодняшнюю бездумность?

* * *

...Два примера, два комбината. Один хочется хвалить. Другой — громить. К сожалению, все не так просто. И просчеты в Рубежном — это вовсе не просчеты только рубежан. Химия — как отрасль — сложна и неоднородна. Научные рекомендации, основанные на лабораторных исследованиях, не всегда подтверждаются практикой. Поэтому количество стоков превышает расчетные, накопители заполняются быстрее, чем отпускаются средства на строительство новых, а мы спешим, торопим себя и время. Хотя заранее понятно, что за торопливость придется дорого платить.

Наверное, в этой статье стоило бы остановиться только на Северодонецке. Достижение бесспорно. Зачем бросать тень, если со временем и в других местах все образуется. Но вот беда, нельзя где-то обходиться с землею плохо, чтоб это не откликнулось в другом месте. Земля наша едина...

ВСТРЕЧИ С ПРОШЛЫМ

В. АНТОНОВ,
Е. КРЕЧЕТ

В основе этого повествования — запутанное дело, преступления, над раскрытием которых долго и упорно трудились органы МВД. Отдельные события, описанные нами, несколько смещены, фамилии действующих лиц изменены.

Проснувшись, Геннадий Петрович Богатырев не спешил спускаться с верхней полки. В купе пахло сдобными булочками, салом с чесноком и соленым арбузом. Красивая, уже немолодая женщина, судя по напевному говору, украинка, угощала соседей.

— Кушайте, кушайте на здоровье!

Отдавая должное угощению, молодожены Валерий и Нина — они возвращались из свадебного путешествия — наперебой рассказывали о Москве, где они родились, окончили автодорожный институт и получили назначение в крупное автохозяйство.

— Мне в Текстильщики надо — старушка там живет, дальняя родственница,— сообщила женщина.— А Москву-то совсем не знаю, первый раз еду. Заблужусь, ой, чувствует мое сердце, заблужусь!

— Оксана Сергеевна, да как же можно заблудиться! — звонко смеялась Нина.— Смотрите: вот Курский вокзал, вот Текстильщики.— И молодая женщина ударяла по столику ребрами ладоней.— Жаль, что мы решили заехать к друзьям в Каширу, а то непременно проводили бы вас до самой квартиры.

— Ой, лышенько, так жаль, и выразить не могу,— тяжело вздохнула Оксана Сергеевна.— Я бы за вами, как за каменной стеной...

Старика, которому Богатырев вчера уступил нижнюю полку, в купе не было. «Сошел, значит, на какой-то станции,— подумал Геннадий Петрович.— Когда же это он: среди ночи или утром?» Богатырев живо представил себе того человека. Чуть выше среднего роста, сдержанный, сосредоточенный, холодные серо-зеленые глаза, тонкий нос с горбинкой. На лбу чуть прикрытый челкой жиденьких жирных волос просматривался шрам. На первый взгляд ему можно дать лет семьдесят, хотя на самом деле он, видимо, моложе.

Старик был молчалив. Прижав руку к груди и учтиво наклонив голову, он поблагодарил Богатырева, дождался, когда проводник постелит, уплатил рубль и тут же вышел из купе. Отсутствовал он два часа. «Занял оборону в ресторане»,— решил про себя Богатырев. Но сосед вернулся трезвым. Положил в чемодан какой-то сверток, сел на полку и устремил взгляд в окно.

— До Москвы едете? — поинтересовался Богатырев.

— Все теперь куда-нибудь едут,— уклончиво ответил старик и подергал себя за кончик носа: видимо, привычка у него такая.— На месте сидят лишь Рокфеллеры... Им достаточно повести бровью, чтобы тотчас было удовлетворено любое их желание.

— Вы хотели бы оказаться на их месте?

— А вы нет? — вскинул голову старик.

— Нет! — твердо заявил Богатырев.

— Вы не скажете правды,— старик покачал головой.— Он на минуту задумался, глянул в окно, а потом продолжал: — Не могу даже представить себе, чтобы кто-нибудь отказался от положения, скажем, Рокфеллера...

Богатырев саркастически улыбнулся.

— А вы не улыбайтесь,— неожиданно дружелюбно сказал старик.— Я драматический актер. Мое амплуа — отрицательный герой. Я просто-напросто разыграл сценку...

...И вот сейчас, лежа на верхней полке, Богатырев почему-то явственно представил себе этого старика: «Занятный дядя!» Потом он посмотрел вниз, на женщину, сидевшую у столика. Посмотрел и вздрогнул: «Очень знакомое лицо».

...Завтрак соседей подходил к концу, и Богатырев решил, что теперь можно спуститься.

— Заспались вы, Геннадий Петрович,— сказал Валерий.— На директора совхоза это совсем не похоже.

В поезде люди знакомятся особенно быстро и охотно рассказывают о себе. И молодожены уже знали, что приветливый их сосед — директор большого сибирского совхоза.

— Почему не похоже? — возразила мужу Нина.— Геннадию Петровичу сейчас только и отсыпаться. Вспомни целину! Директор совхоза Сергей Васильевич Буслаев, бывало, день и ночь на ногах...

Новая попутчица радушно приветствовала Богатырева. «Может, колбаски домашней отведаете?» «Нет, благодарю». На какое-то мгновение Геннадий Петрович пристально посмотрел на нее, но никакой ответной реакции не последовало. «Нет, она вроде не знает меня, а если мы и встречались когда-то, то забыла».

Он уже почти не сомневался, что видит ее не впервые, и продолжал теряться в догадках: «Где, когда?» Он даже зримо представлял себе ее несколько располневшее, желтоватое лицо иным, матово-белым, а спокойные, теперь усталые темно-карие глаза — быстрыми, живыми, лукавыми; так же как и гладко зачесанные и стянутые в тугой узел поседевшие волосы виделись ему пышной черной копной. Геннадий Петрович не переставал думать об этой женщине и во время завтрака в вагоне-ресторане и потом, когда стоял в коридоре, любуясь заснеженной степью.

За окном проплывали города и рабочие поселки, фабрики и заводы, шахтные копры и терриконы, уходили вдаль линии высоковольтных электропередач. Иногда к самому полотну железной дороги подступали поля подсолнечника. Оставленные для снегозадержания будылья напоминали бывшему фронтовику колья проволочных заграждений. Ветер трепал крупные шершавые листья, и Богатыреву казалось, что он слышит, как скребутся они о будылья, и звук этот напоминал хруст перекусываемой ножницами колючей проволоки: политруку, а затем командиру разведки Богатыреву довелось вдоволь порезать ее в годы войны.

— О чем задумались? — спросила Геннадия Петровича проходившая по коридору проводница Надя. Говорливая, приветливая, готовая всем услужить, она как-то по-особому тепло относилась к нему, называя его «дяденькой». Накануне вечером они разговорились, и Богатырев уже знал, что девушка эта студентка-заочница, учится на третьем курсе факультета журналистики МГУ, берет с собой в поездки кучу книг и занимается каждую свободную минуту. К тому же сейчас пишет очерк о поездной бригаде. Она охотно дала почитать его Богатыреву. Поэтому Надя не удивилась, когда он за ней следом зашел в служебное купе: «Будет разносить мое сочинение!»

И вдруг совершенно неожиданный вопрос:

— Надеюсь, вы умеете молчать?

Надя удивленно посмотрела на него, улыбнулась и мотнула головой.

— Умею!

Богатырев протянул Наде удостоверение личности.

— «Московский уголовный розыск... Полковник милиции Геннадий Петрович Богатырев...»

Надя несколько растерянно посмотрела на пассажира и подумала: вот тебе и дяденька! И вслед за тем уже официально спросила:

— Чем могу быть полезна?

— Вы не помните, Надя, на какой станции села в наше купе женщина?

— Помню,— и, не задумываясь, назвала станцию.— У нас освобождалось всего одно

место — в вашем купе... Да, еще вот что: старик, выйдя из вагона, остановился у табачного киоска, и к нему подошла эта самая женщина. Они поговорили, старик направился на привокзальную площадь, а женщина подошла к вагону.

— Что вы, Надя, на сей счет думаете? — спросил Геннадий Петрович.— Ведь вы как будущая журналистка должны учиться наблюдать и анализировать: без этого в журналистике шагу не сделать.

Надя в некоторой растерянности посмотрела на Богатырева и пожала плечами.

— Не знаю, право... Впрочем, попробую сделать некоторые выводы. Несомненно, они знакомы между собой, но это не близкие люди: встретившись, они даже руки друг другу не подали. Женщина, видимо, знала, каким поездом и в каком вагоне приедет старик,— либо сама получила от него сообщение, либо кто-то другой поставил ее в известность о времени и месте встречи. С другой стороны...

Надя задумалась, помолчала и потом продолжала свои рассуждения.

— Но ведь никто не мог знать, что можно будет приобрести билет именно в наш вагон: освобождавшееся место по каким-то соображениям могли временно законсервировать, наконец, билет мог купить кто-то еще... В общем, вариантов много... Так что женщина эта оказалась в вашем купе случайно. Или вы предполагаете какую-то эстафету. Так, что ли?

— Нет,— коротко ответил полковник.— И все же меня интересуют все детали их встречи. Что вы еще можете сказать?

— Я считаю, что старик или живет в том городе, или не раз бывал там. Знал, куда ему идти: расставшись с женщиной, он сразу направился на привокзальную площадь, а не в зал ожидания. И еще. Место, куда он шел, находилось где-то недалеко: городской транспорт не работал — было около половины третьего, а такси здесь, говорят, и днем с огнем не найдешь, я не раз слышала об этом от пассажиров. Пожилой человек вряд ли отважился отправиться с чемоданом, скажем, на другой конец города.

— Покажите мне, пожалуйста, билет этой женщины.

Девушка взяла с полки сумку, похожую на бумажник, развернула ее, достала из карманчика билет и протянула полковнику. Билет как билет, ничего особенного.

— Удивительные вы люди — работники милиции,— улыбнулась Надя.— Опыт проводника у меня небольшой, но я уже почти без ошибки могу отличить сельского руководящего работника, скажем, от начальника строительства или директора завода от артиста или писателя... У каждого из них своя манера держаться, разговаривать. А вот людей вашей профессии никак выделить не могу. Вы как-то очень легко сходитесь с людьми, поддерживаете непринужденную беседу на самые разные и неожиданные темы. Специально вас готовят, что ли? — И не ожидая ответа, стала рассказывать: — Как-то в третьем купе ехал один дядечка. Так вот, я с ним разговорилась и твердо решила: профессор. Сколько интересного рассказал он мне и об искусстве и об архитектуре! А вечером он постучал ко мне в купе, зашел, как вы, и показал такое же удостоверение...

Поблагодарив проводницу, Богатырев вышел в коридор и снова остановился у окна. Название станции, где села женщина, ему ни о чем не говорило. Он не бывал в тех местах. И все же по-прежнему его терзала мысль: «Где мы встречались?» Он вспоминал города, села, в которых жил, где бывал в командировках, отдыхал, воскрешал в памяти имена знакомых людей. И вдруг вспомнил все до мельчайших подробностей...

Штаб полка разместился в Новоселках, в школе, где в одном из классов на доске осталась короткая фраза: «До осени, школа!» Учителя разъехались на каникулы. Для завершения неотложных дел оставалась только директор, красивая женщина с копной пышных черных волос, еще больше подчеркивавших матовую белизну кожи. Она внимательно смотрела на каждого, кто входил в учительскую, будто искала знакомого. При встрече с молоденьким лейтенантом в ее живых и быстрых темно-карих глазах метнулись игривые искры, а полные губы маленького рта тронула лукавая улыбка. Лейтенант тоже ответил ей улыбкой.

Резервная дивизия, двигавшаяся к линии фронта, была сформирована в Калининской области. Кадровых командиров и политработников в ней можно было пересчитать по пальцам.

Полковник Петр Федорович Борщов, командир одного из стрелковых полков дивизии, зная, что у врага везде могут быть глаза и уши, принимал все меры к тому, чтобы фашисты ничего не проведали о недостаточной боеспособности вверенной ему части. Может, сказалась тут излишняя подозрительность, но он с первой же встречи невзлюбил директора школы. Почему эта женщина не эвакуировалась, не последовала примеру других учителей, почему она после того, как ее попросили перебраться в другое помещение, скажем, в контору колхоза, долго копалась в шкафах и ящиках столов? Ведь ей же ясно, что она мешает работе штаба. От полковника не укрылась и игривая улыбка и то, как излишне внимательно приглядывалась она к бойцам, командирам, политработникам, через открытую дверь его комнаты услышал он, как директор школы спросила красноармейца-связиста: «А вы из каких мест прибыли?» В этот момент запищал зуммер полевого телефона и связист крикнул: «Товарищ полковник, командир дивизии вызывает». Борщов зло посмотрел на пожилого красноармейца, призванного из запаса, и жестко сказал директору школы:

— Простите, у меня деликатный семейный разговор, и мы будем мешать друг другу!

— Понимаю,— мило улыбнувшись, ответила директор школы. Защелкнув замки портфеля, она вышла из учительской и бесшумно прикрыла за собой дверь.

...Директор школы Марина Ивановна Лях снимала комнату у одинокой старушки в маленьком, опрятном домике. Рядом с домиком паслись гуси, буйно росли крапива и татарник, высились три могучие липы и лежали огромные, неуклюжие, выбеленные солнцем и дождями бревна, годившиеся теперь лишь на дрова. Здесь обычно собиралась молодежь. Вот и сегодня вечером, несмотря на военное время, на бревнах было шумно. Девушки и еще не мобилизованные в армию деревенские парни пели песни — и грустные и веселые. А потом начались танцы под гармонь: что поделаешь, жизнь шла своим чередом. Военные наперебой приглашали Марину Ивановну. Потанцевать с красавицей хотелось и девятнадцатилетнему заместителю политрука Геннадию Богатыреву, но он все не решался и, стоя в стороне, пристально следил за тем, как ловко она вальсировала.

Марина Ивановна была родом из большого села Ольховки, находившегося недалеко от Новоселок. Там жили ее родители, братья, сестры, многочисленная родня. Пока полк стоял в Новоселках, Лях чуть ли не каждый день ходила домой, но к вечеру обязательно возвращалась обратно, к неописуемой радости молоденького лейтенанта, командира стрелковой роты, у которого с директрисой, видимо, сложились более чем дружеские отношения.

Положение на фронте в ту пору было тяжелым. То в одном, то в другом месте фашисты вбивали «клинья», и частям резервной дивизии иногда приходилось вступать в бой с передовыми подразделениями противника. Однажды такая стычка произошла километрах в пятнадцати от Ольховки. Перевес в силах оказался на нашей стороне — враг отступил. А дня через три на том же участке снова вспыхнули бои, но теперь уже с главными силами врага, сосредоточенными на острие «клина».

Ночью полк подняли по тревоге. Подразделения заняли оборону в пяти километрах от Новоселок, на выгодном рубеже, откуда хорошо просматривались Ольховка, другие населенные пункты и подходы к ним. Одну из рот полковник Борщов выдвинул в лесок, на скаты высоты.

Замполитрука Богатырев возглавил группу бойцов, оседлавшую дорогу. Укрывшись в окопе, он зорко всматривался в дорогу. Рано утром на ней показалась Марина Ивановна с хозяйственной сумкой в руках.

— Нельзя туда! — поднялся Богатырев.— Там бой.

— А я думала, учения,— улыбнулась молодая женщина, явно заигрывая с Богатыревым.— Ведь ваша дивизия, как у нас говорят острословы, «годная, необученная». А о немцах ни в Ольховке, ни в Новоселках и не слышно даже, далеко они. Уж поверьте нашему «сарафанному радио».

— Вернитесь обратно! — решительно приказал Богатырев.

— Какой вы, право.— Марина Ивановна подетски надула губы.— Что же будет с вами, когда вы станете генералом? Ну, хорошо, пусть бой. Так это же далеко от Ольховки, в стороне где-то. По балке я в полной безопасности пройду до самого дома.

В это время подошел командир роты.

— О, княжна Мэри! Какие ветры занесли вас сюда?

— Мама заболела, надо ее навестить, а меня вот не пропускают.

— Идите, княжна Мэри. Только к вечеру обязательно возвращайтесь обратно.

— Непременно! — И она нежно улыбнулась лейтенанту.

Может, она и вернулась вечером в свой маленький, опрятный домик, но ротный об этом уже не узнал: после обеда фашисты не только заняли Ольховку и Новоселки, но и значительно продвинулись на восток. Лейтенант был убит. В тот день полк понес большие потери. Гитлеровцы так нахально лезли вперед, словно знали, что подразделения полка, растянутые в тонкую ниточку, не только не имеют средств борьбы с танками, артиллерией и минометами, но и испытывают недостаток в пулеметах. В критическую минуту боя полковник Борщов сам повел бойцов в атаку, но она вскоре захлебнулась. Фашистская пуля сразила отважного командира.

Вторая встреча Богатырева с Мариной Лях произошла много времени спустя, в день освобождения Краснодара. Собственно, это была встреча не лично с ней, а с ее фотографиями, обнаруженными старшим лейтенантом Богатыревым в полевой сумке гитлеровского оберста, которого, к сожалению, не удалось взять живым. Вместе с документами, представлявшими большой интерес для контрразведчиков. Богатырев передал им и фотографии, рассказав все, что знал о бывшем директоре школы.

— А ты, комиссар, не путаешь? — недоверчиво спросил капитан Корзинкин, умный, душевный человек, хорошо знавший Богатырева.— На свете много похожих друг на друга людей.

— Нет, не путаю!

— Ну что же...— задумчиво произнес капитан, перебирая фотографии.— У оберста губа не дура. Ничего не скажешь, красивая женщина. Плохо, значит, мы воспитывали...

— Но Лях — учительница, директор школы,— напомнил Богатырев.— Она сама должна была воспитывать.

— Директор — это должность, понимаешь, должность. Далеко не всегда человек и должность находятся в соответствии...

Здесь мы прервем повествование о делах давно минувших дней и перенесемся на Курский вокзал, в Москву.

Выяснять личность женщины, а тем более задержать ее у Богатырева не было никаких оснований. Но он не мог не поинтересоваться, где она в Москве остановится, что будет делать. «Мне на Таганку, ей — в Текстильщики,— рассуждал полковник.— Какой бы вид транспорта она ни выбрала, нам все равно по пути. Валерий и Нина сойдут в Кашире. Стало быть, моя попутчица останется одна. Проводить ее до квартиры — дело нехитрое...»

Москва встретила их метелью.

«Ну и что же,— радовался Богатырев,— легче будет присматривать». Его спутница вышла на привокзальную площадь, остановилась, оглянулась по сторонам и направилась к стоянке такси.

Шофер-милиционер Владимир Лукьянович Пеняев, с которым полковник Богатырев не расставался вот уже несколько лет, когда приезжал за ним на вокзал, всегда ставил машину в одном и том же месте. Найти ее можно было и с закрытыми глазами. Из машины хорошо просматривалась очередь пассажиров, ожидавших такси.

— Здравствуй, Владимир Лукьянович,— поприветствовал водителя Богатырев и уселся не на переднее, как обычно, а на заднее сиде-

нье.— Давай-ка, брат, быстренько поменяемся пальто и шапками. Я пристроюсь в очередь на такси, а ты следи за мной в оба. За те несколько секунд, пока я сниму шапку, стряхну с нее снег и снова надену, машина должна стоять около меня — сядем на хвост таксисту. Только ты глаза не мозоль: у него пассажир — дока.

Пеняев, работник МУРа, понимал все с полуслова. Очередь подвигалась довольно быстро. Подошла машина и для попутчицы Богатырева. «Дмитровское шоссе!» — негромко сказала она таксисту. «Вот тебе и Текстильщики! — воскликнул про себя полковник и подал условленный сигнал.— Видимо, у нее есть основания оставаться неузнанной».

У нужного дома таксист остановился. Владимир Лукьянович проехал вперед, свернул под арку. Когда женщина вошла в подъезд, Богатырев поспешил к двери. Кабина лифта находилась внизу. Приезжая вошла в нее и нажала кнопку. Богатырев вбежал в вестибюль. На шкале лифта один за другим вспыхивали и гасли указатели. Кабина замерла на восьмом этаже.

Прямо из машины полковник связался с начальником районного управления внутренних дел, сообщил ему адрес и попросил немедленно, не тревожа жильцов, узнать, кто и в какую квартиру на восьмом этаже приехал в этот вечер.

Через час Богатырев уже знал, что гости появились в двух квартирах — к родителям прибыла дочь из Свердловска, а второй была его попутчица, которую здесь видели не раз.

«...Я Москву-то совсем не знаю, первый раз еду,— вспомнились Богатыреву причитания Лях.— Заблужусь, ой, чувствует мое сердце, заблужусь!..»

Утром он доложил начальнику МУРа о результатах командировки и рассказал о неожиданной встрече в вагоне со старой своей знакомой. Рассказал о странном ее поведении и о мерах, принятых им, чтобы узнать, под каким именем живет теперь эта женщина и с какими намерениями приехала в Москву.

Начальник МУРа долго молчал, барабанил пальцами по столу, а потом сказал:

— Прошло три десятка лет, и тебе, насколько я понимаю, хочется узнать, была ли она просто сожительницей фашиста или работала на врага, случайно ли гитлеровцы обрушились на дивизию, в которой ты служил, или от нее, своей разведчицы, узнали, что именно на этом участке фронта им противостоит слабый противник? Наказал суд предательницу или она осталась неразоблаченной? Так я понимаю существо дела?

— Так,— подтвердил Богатырев.— И мне хочется также узнать, чем эта женщина занимается теперь. Кто она?

— А не наломаем мы тут с тобой дров? Может, она давным-давно отбыла наказание за свои преступные дела и теперь...

— Я всю дорогу думал об этом, ночь не спал. Поведение ее мне не нравится, понимаете? Марина Ивановна она, а в поезде отрекомендовалась Оксаной Сергеевной... Говорила, что ей надо в Текстильщики, а сама на Дмитровское шоссе махнула. Ахала и охала, что не знает Москвы, а оказалось — в столице частый гость. Встретилась с человеком, который только что сошел с поезда, о чем-то поговорила с ним, словно эстафету приняла...

Начальник МУРа снова начал тихо барабанить пальцами по столу, а потом резко ударил ладонью:

— Давай действуй!

Вернувшись от начальника, Богатырев вызвал к себе лейтенанта Примакова, молодого, талантливого оперативного работника, и ввел его в курс дела.

— Свяжитесь с товарищами из местного отделения и скажите, чтобы те непременно узнали, кто эта женщина, по каким делам прибыла. В обязанности милиции, конечно, не входит интересоваться каждым, кто приезжает в Москву, но тут обстоятельства исключительные.

Случилось так, что вечером полковник снова отправился в командировку — служба есть служба. Вернувшись, он первым делом встретился с лейтенантом Примаковым. Инспектор рассказал, что женщина все еще в Москве. Ежедневно выходит из дома с дамской сумочкой в руке и посещает частные квартиры в районе Колхозной площади. Вначале побывала на улицах Щепкина, Гиляровского, на проспекте Мира, затем в Даевом переулке. Сам собой напрашивается вывод: гостья приехала в Москву не за покупками и не для розыска родственников. За эти дни она ни разу не была в магазинах или на ярмарке в Лужниках, не заходила ни в одно правительственное учреждение, не обращалась в киоски Мосгорсправки. Адреса квартир, которые женщина посещает, ей, видимо, были известны заранее.

— Вы не заходили ни в одну из этих квартир?

— Нет, но все они мне известны. Знаем и жильцов.

— Фамилию, имя и отчество женщины установили?

— Нет. Как гостья она не прописана, а интересоваться каким-либо другим способом я счел лишним — не спугнуть бы...

— А почему не прописана? — удивился Богатырев.— Уже пять дней человек живет в Москве. Куда же участковый инспектор смотрит?

— Болен он. Сегодня, правда, должен выйти.

— Кто ее приютил? В поезде она говорила, что едет к одинокой старушке, дальней родственнице.

— Никакой одинокой старушки на восьмом этаже нет,— ответил Примаков.— Кров ей предоставил Афанасий Спиридонович Воробьев, пенсионер. Но он не одинок — у него семья.

— Афанасий Спиридонович Воробьев? — взволнованно переспросил полковник.— Вон оно что... Да это же мой старый знакомый! Я уж забыл о нем, а вот поди ж ты — опять встретился на пути...

Чтобы читателю были понятны и причины волнения одного из руководителей МУРа и события, свидетелем которых он еще станет, необходимо снова совершить экскурс в прошлое. Так уж было угодно судьбе, чтобы с некоторыми героями этого повествования Геннадий Петрович Богатырев впервые столкнулся много лет назад.

В затерявшемся в лесах селе с лирическим названием Голубка, возвышаясь над деревянными, замшелыми, крытыми соломой избами с подслеповатыми оконцами, стояли два пятистенных кирпичных дома под железными, крашенными зеленой краской крышами. Дома были построены на пригорке, куда ветры не допускали ни болотных комаров, заносивших в село малярию, ни мошку. Один из них принадлежал «батюшке» — Серафиму Александровичу Знаменскому, другой — лавочнику Спиридону Захаровичу Воробьеву.

Воробьев вместе с тремя сыновьями — мужиками грубыми, задиристыми, пускавшими в ход кулаки по любому поводу,— и батраками выжигал уголь, гнал березовый деготь и скипидар. Были у него и пахотные земли, и пойменные луга, и большой сад, а в нем пасека. Прижимистый, хитрый, Воробьев держал в руках всю округу.

В 1929 году крестьяне-бедняки в селе Голубка создали коммуну «Красный Перекоп». Организатором ее был Петр Иванович Богатырев — один из трех сельских коммунистов и единственный на всю губернию человек, награжденный орденом Красного Знамени за бои под Перекопом. Кулаки и подкулачники всячески вредили коммуне. Темной осенней ночью одновременно запылали избы самых активных коммунистов. Перед этим неизвестные связали церковного сторожа, и тот не смог ударить в набат, изрезали рукава пожарной помпы. А вскоре вспыхнули конюшни. Лошадей и коров спасли, а постройки сгорели.

Поджигателей найти не удалось, но все понимали, чьих рук это дело. На сельском сходе жители Голубки единогласно решили выселить в северные районы страны кулацкие семьи.

В 1930 году будущему полковнику милиции Геннадию Петровичу Богатыреву, сыну организатора коммуны, было всего-навсего восемь лет, но он на всю жизнь запомнил те страшные осенние ночи, зловеще высветленные багряным пламенем пожаров, мокрые деревенские избы, мычание обезумевших коров, крики людей...

Окончание следует.

Сцена из спектакля.

СОКРОВИЩЕ НАЙДЕНО...

Казалось бы, удачно все получилось. Как в сказке. Несколько человек приезжают на остров в поисках сокровища и находят его. Остается только доставить на большой берег и уж там поделить сокровище между собой.

Именно в этот приятный на первый взгляд момент мы и застаем героев спектакля «Сокровище» Д. Пристли на сцене Московского театра имени Пушкина.

Однако выясняется, что не так-то уж все просто. Люди из вполне реального — не сказочного — мира, где человеческая ценность определяется исключительно деньгами, принесли с собой и на этот глухой остров жестокие законы своего общества. Для сэра Ратленда деньги — это власть. Для Ивонны Траут — богатая вилла, дорогие наряды... Алчное воображение каждого рисует соблазнительные картины роскошной жизни, нашептывает: а если бы сокровище стало моим и только моим?..

Давно исчезла радость находки. Конец дружбе и спокойствию. Ложь, недоверие, раздражение и в конце концов — ненависть.

Постановщику, главному режиссеру театра Б. Толмазову и актерам — Л. Антонюк, И. Задорожной, Н. Прокоповичу, В. Архангельской и другим — удалось во всех оттенках передать страшную трансформацию отношений между героями спектакля, построенного четко, динамично. Неброские декорации, приглушенная музыка — неяркий, «скромный» фон, на котором разворачивается «сатирическая комедия», как указано в программке, а вернее, трагедия человеческих душ, неспособных ни любить, ни верить, лишенных возможности без страха смотреть в завтрашний день.

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото В. Петрусовой.

ЗАГАДКА ПАТРИЦИИ ХЕРСТ

Борис СТРЕЛЬНИКОВ

Эта загадочная история началась утром 4 февраля, когда вооруженные молодчики ворвались к двадцатилетней студентке Калифорнийского университета Патриции Херст, связали и избили ее жениха, а ее увезли в украденном автомобиле неизвестно куда. Это был очередной «киднэп» (похищение человека), очередная сенсация, которыми так богата сегодняшняя Америка. Но сенсации этой недолго бы жить, если бы студентка Патриция Херст не была дочерью Рандольфа Херста.

Имя Херста говорит американцам очень много. Херсты — потомственные воротилы желтой прессы, миллионеры. Начиная от прадеда Патриции — крупного промышленника и издателя — до отца — председателя совета директоров «Херст корпорэйшн».

Про саму Патрицию, среднюю из пяти дочерей Херста, рассказывают сейчас много противоречивого. Одни утверждают, что она была типичной «девушкой из порядочной семьи», интересы которой не выходили за пределы идеалов «высшего общества». Другие говорят совершенно противоположное: Патриция будто бы считалась в семье «бунтаркой», критиковала отца за консерватизм. Однако ее бунт не поднимался выше семейного уровня. Во всяком случае, никто не может припомнить, чтобы Патриция принимала участие в каких-либо студенческих митингах или демонстрациях.

Через несколько дней после исчезновения Патриции одна из сан-францисских радиостанций получила по почте кассету магнитофонной пленки, адресованную Рандольфу Херсту. Родители сразу же опознали голос дочери. Она говорила медленно, с паузами, но спокойно. «Мама, отец. У меня все в порядке,— говорила Патриция.— Меня не бьют, не морят голодом и не пугают без нужды».

На другой стороне пленки был записан незнакомый мужской голос. Человек, назвавший себя «фельдмаршалом армии освобождения», сообщил, что Патриция Херст «арестована как дочь угнетателя и врага народа», однако она может быть освобождена после того, как Херст организует раздачу бесплатного продовольствия беднякам, проживающим в штате Калифорния, из расчета 70 долларов на человека. Если же Херст не примет ультиматума, Патриция будет казнена.

Вряд ли до этого Херст интересовался вопросом, сколько бедняков проживает в Калифорнии. Однако волей-неволей такой подсчет пришлось сделать. Выяснилось, что, если принять условие похитителей, Херсту придется закупить и раздать продовольствия на сумму от 400 до 600 миллионов долларов. Таков размер выкупа за родную дочь показался миллионеру чрезмерным. Начался торг. Сошлись на нескольких миллионах. Пункты раздачи продовольствия, где трудились добровольцы, осаждали огромные толпы неимущих. В своем втором звуковом письме Патриция горько упрекнула отца за то, что он мало сделал для ее освобождения, и намекнула на то, что ее могут убить. Тем временем калифорнийская полиция и агенты ФБР тщетно пытались напасть на след таинственной «армии освобождения».

С середины марта до начала апреля о судьбе Патриции не было слышно ничего. Кое-кто начал предполагать, что она убита, и эти предположения появились в газетах. И вот 3 апреля новая магнитофонная кассета: «Патриция Херст будет освобождена через 72 часа». Не прошло и суток — еще одна кассета. Когда начали слушать пленку, не поверили своим ушам. Патриция говорила: «Мне предоставили выбор — либо меня отпускают, либо я остаюсь вместе с ними, чтобы продолжать борьбу за мое истинное освобождение и за освобождение всех угнетенных. Я решила остаться и бороться».

Да, это был голос Патриции, родители подтвердили это. «За эти дни я выросла и изменилась,— продолжала дочь миллионера.— Я убедилась, что правящий класс готов на все, чтобы сохранить свои позиции и контроль над массами, даже если для этого потребуется принести в жертву одного из представителей их же класса. Люди, равнодушные к судьбе своих собственных детей, никогда не будут заботиться о чужих». Вместе с кассетой в почтовом пакете была фотография: Патриция Херст с автоматом в руках под знаменем «армии освобождения».

Ссылаясь на полицейские источники, газеты писали, что «армия освобождения» причудливо объединила в своих рядах обыкновенных уголовников с ультрареволюционерами — последователями Мао. Газета негритянской партии «Черные пантеры» в осторожной форме высказала предположение, что один из руководителей этой «армии», некий Дональд Дефриз, в конце шестидесятых годов был тайным полицейским осведомителем.

«Ее силой заставили наговорить эту пленку. Может быть, перед смертью» — таково было заключение калифорнийского полицейского начальства. Это мнение поддержала семья и вся печать Херста.

15 апреля было совершено дерзкое ограбление одного из сан-францисских банков. Причем налетчики почему-то не уничтожили кинокамеры, которые со стен банка во всех подробностях фиксировали сцену ограбления. За пять минут эти камеры накрутили 12 тысяч кадров, которые немедленно легли на стол калифорнийского оффиса ФБР. В сотнях кадров отчетливо видна Патриция Херст с автоматическим карабином в руках.

Прокурор Калифорнии выдал ордер на арест Патриции. Правда, с оговоркой, что она разыскивается в качестве «свидетельницы». Как бы там ни было, а в каждом почтовом отделении Соединенных Штатов рядом с портретами преступников, которых разыскивает ФБР, сейчас висит портрет Патриции Херст.

24 апреля родители девушки получили еще одну магнитофонную пленку. Ни у отца, ни у матери нет сомнения в том, что это голос их дочери. Совершенно спокойно и твердо Патриция рассказывает, что она приняла участие в налете на банк по своей собственной воле, что она не собирается вернуться в семью и порывает с женихом.

Охранник банка, которого налетчики разоружили, рассказывал: «Патриция была самым энергичным участником ограбления. Она громко ругалась неприличными словами и угрожала уложить из своего автомата каждого, кто пошевелится, и я чувствовал, что она готова в любую минуту выполнить свою угрозу».

Американцы ломают головы над загадкой Патриции Херст.

Вашингтон.

На снимке: сенсация журнала «Ньюсуик» — Патриция Херст с автоматом в руках.

СТРАСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

К наиболее весомым работам в новом литературно-критическом сборнике Бориса Соловьева, определяющим его истинное лицо и эстетическую ценность, относится блестящая статья «Блок и Достоевский», где всего на нескольких десятках страниц автор раскрывает всю сложность восприятия Блоком творчества этого художника, эволюцию отношения поэта к образам и философским обобщениям Достоевского; от восторженного приятия кажущихся вечными истин и символов, от утверждения духовного родства с Достоевским, через критическое, зрелое осмысление к внутреннему разладу с идеями писателя, к протесту и спору с проповедями «пострадать», к несогласию с оценкой человека как существа безвольного и пассивного. Опираясь на солидный фактический материал, литературовед показывает, как «Блок, многое беря у Достоевского, вместе с тем не шел слепо вслед за ним, проявлял с годами все большую самостоятельность в отношениях к своему великому учителю, и эта полная самостоятельность прослеживается в темах, особенно близких Блоку в творчестве Достоевского».

О Соловьеве можно сказать, что он всевед Блока, его жизни и творчества, а если шире — то всей эпохи Блока, всех его литературных современников. В статьях сборника (даже полемически заостренных, относящихся к современности) вновь и вновь звучит тема Блока — и не потому, что многое не вошло в известную книгу «Поэт и его подвиг», а скорее оттого, что эта неисчерпаемая, по признанию самого исследователя, тема, ставшая главным делом жизни автора на значительнейшем ее этапе, обращена в сегодняшний день, позволяет многое разглядеть, распознать в современных явлениях искусства и литературы.

Исследования Б. Соловьева отличает стремление к строгой объективности, истинная заинтересованность в воссоздании той многогранности, какая была свойственна творческому опыту таких сложных по своему мировоззрению литераторов, какими были близкие к Блоку В. Брюсов, А. Белый, К. Бальмонт. Это ярко проявилось в статье «Весы» или «Коран московских упадочников», впервые увидевшей свет работе Б. Соловьева, где опять-таки на малой площади дается картина деятельности основных представителей символизма, сплотившихся вокруг журнала «Весы», в котором сотрудничал и Блок.

К статье о «Весах» логично примыкает очерк «Вехи», или катехизис предательства», написанный в 1969 году к шестидесятилетию ленинской статьи «О «Вехах». Рисуя портреты авторов сборника «Вехи» — этой, по выражению Ленина, «энциклопедии либерального ренегатства»,— возглавивших поход либеральной буржуазии против демократически настроенной русской интеллигенции под лозунгами реакции и черносотенства (П. Струве, Н. Бердяева, С. Булгакова, М. Гершензона, С. Франка), Борис Соловьев наглядно характеризует реакционную суть их выступлений в «Вехах».

В этом очерке, как, впрочем, и во многих других работах, ярко проявился активный, наступательный дух исследовательской деятельности Б. Соловьева, когда литературовед уступает место критику, чтобы выявить какие-нибудь ложные, предвзятые или расплывчатые оценки заведомо отрицательных явлений в истории нашей литературы, появляющиеся в нынешней периодике (например, в упомянутом очерке автор убедительно опровергает попытки обеления такого черносотенного публициста, каким был В. Розанов, обнажает несостоятельность теории «неоформализма» и «деидеологизации» искусства).

Борис Соловьев как критик, ведущий принципиальные и нелицеприятные споры со своими литературными оппонентами, наиболее полно предстает в данном сборнике в большой статье «Поэзия и правда». В подзаголовке этой работы, появившейся в 1971 году, стоит: «Полемические заметки». Трудно возразить против убедительных аргументов критика, показывающего (правда, порой на несколько «устаревающих» примерах) невинные, а то и сознательные извращения некоторых вопросов истории и теории советской литературы, разделяешь всей душой протест его против модной в последнее время практики «смягчать» или «обходить стороной» противоречия и заблуждения литераторов прошлого и современности, против комплиментарных оценок и некритических суждений в литературном анализе.

Второй раздел сборника включает в себя, кроме впервые публикуемой статьи о М. Светлове, печатавшиеся в разное время статьи о творчестве, очерки биографий и рецензии на отдельные произведения Н. Тихонова, А. Прокофьева, В. Саянова, Я. Смелякова, Н. Рыленкова, А. Яшина, Н. Брауна, А. Барто. Для каждого в этой галерее творческих портретов у автора находятся свежие, неповторяющиеся слова, интересные наблюдения, запоминающиеся детали. Думается, что даже многие лично знающие Бориса Ивановича Соловьева впервые с интересом познакомятся с подробностями его собственной биографии (очерк «Не только о себе»). Одним словом, появление этой боевой, содержательной книжки, в которой, если вспомнить гоголевские слова, с большой силой запечатлелся портрет самого критика,— событие очень заметное в нашей литературной жизни. Заметное и радостное, несмотря на отдельные мелкие недочеты.

Так, думается, что открывающая сборник статья о Некрасове «Великий народный поэт», особенно в ее историко-биографической части, уступает остальным работам, включенным в книгу. Не ощущается здесь той подлинной страсти исследователя, когда чувством озарено каждое слово, какая свойственна другим очеркам Б. Соловьева,— от некоторых страниц исходит ощущение какой-то нерешительности автора, недомолвок.

Но все это не меняет лица сборника «От истории к современности», не снижает его принципиального значения для исследования истории литературы и решения проблем дальнейшего развития литературы современной.

Ученый и редактор, литературовед и критик, Борис Иванович Соловьев встречает свое 70-летие в расцвете творческих сил — об этом не в последнюю очередь говорит недавно вышедшая его книга.

Ю. НОВИКОВ

Борис Соловьев. От истории к современности. М., «Советский писатель», 1973 г., 632 стр.

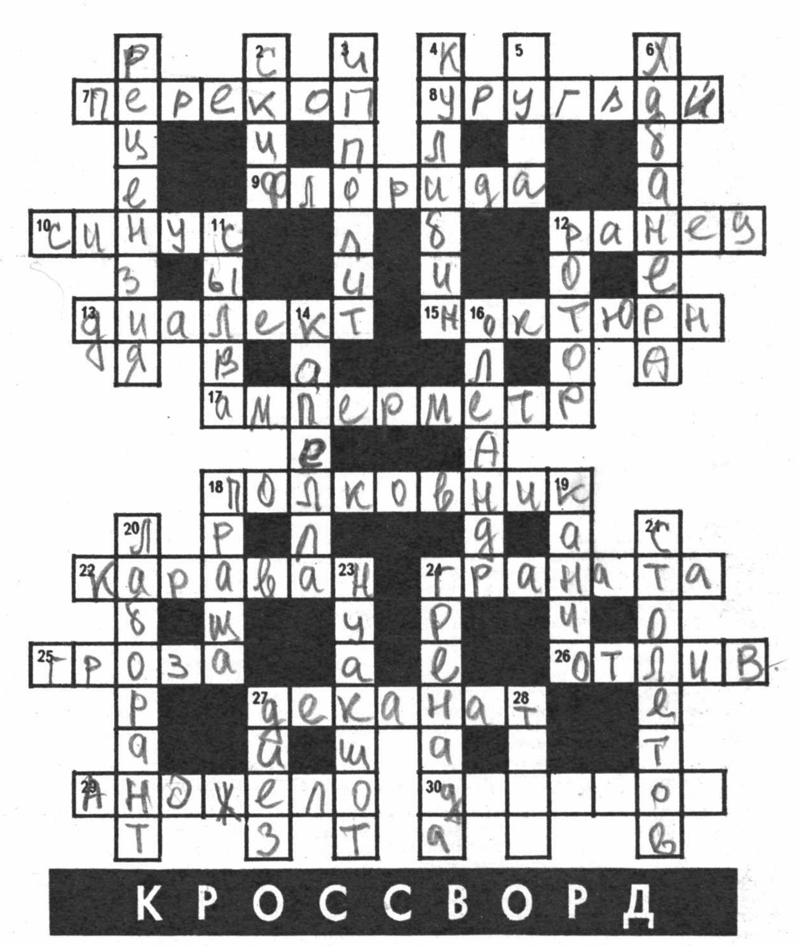
За тысячу верст

Стихи А. ТВАРДОВСКОГО.

Музыка Н. ПИСАРЕНКО.

За тысячу верст от родимого дома
Вдруг ветер повеет знакомо,
знакомо...
За тысячу верст от родного
порога
Проселочной, белой запахнет
дорогой;
Ольховой, лозовой листвой
запыленной,
Запаханным паром, отавой
зеленой;
И сеном, и старою крышей сарая...
За тысячу верст от отцовского
края...

За тысячу верст в стороне
приднепровской —
Нежаркое солнце поры
августовской...
Привет мой сыновний
родимому краю.
Поклон-пожеланье тебе посылаю;
Поклон мой лесам, и долинам,
и водам,
Местам незабвенным, откуда я
родом,
Где жизнь начиналась, береза
цвела,
Где самая первая юность
прошла...
За тысячу верст от любимого края
Я все мои думы ему поверяю.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Роман О. Гончара. 8. Река, впадающая в Атлантический океан. 9. Штат в США. 10. Тригонометрическая функция. 12. Ученическая сумка. 13. Местное наречие, говор. 15. Музыкальная пьеса. 17. Прибор для измерения силы электрического тока. 18. Воинское звание. 22. Вереница судов. 24. Разрывной снаряд. 25. Атмосферное явление. 26. Периодическое понижение уровня моря. 27. Руководство факультета в вузе. 29. Поэма А. С. Пушкина. 30. Певчая птица семейства вьюрковых.

По вертикали: 1. Разбор, оценка научного труда, художественного произведения. 2. Спортивная лодка. 3. Трагедия Еврипида. 4. Русский механик-изобретатель XVIII — XIX веков. 5. Земляной миндаль. 6. Испанский народный танец-песня. 11. Приток Чусовой. 12. Вращающаяся часть турбины. 14. Наиболее яркая звезда в созвездии Возничего. 16. Вечнозеленый кустарник или дерево. 18. Древнее метательное оружие. 19. Действующее лицо оперы Р. Леонкавалло «Паяцы». 20. Сотрудник научного учреждения. 21. Русский физик XIX века. 23. Столица Мавритании. 24. Стихотворение М. Светлова. 27. Нотный знак. 28. Морской порт и курорт в Японии на острове Хонсю.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали: 4. Цемент. 8. Бобрик. 9. Гарпун. 10. Ванкувер. 11. Институт. 12. Сироп. 14. Сандал. 16. Салон. 17. Балетмейстер. 20. «Монго». 22. Алупка. 25. Чагра. 27. «Гитарист». 28. Ласточка. 29. Тоника. 30. Фрегат. 31. Софокл.

По вертикали: 1. Петрарка. 2. Антонида. 3. Марокко. 5. Черника. 6. Росарио. 7. Кутузов. 13. Плато. 14. Стека. 15. Ласка. 16. Скетч. 18. Помидор. 19. Трактат. 21. Гиацинт. 23. Литвинов. 24. Кулебяка. 26. Апофема.

На первой странице обложки: Народная артистка СССР Нонна Мордюкова в роли Антонины Кашириной. (Фильм «Возврата нет».)

Фото В. Манешина.

На последней странице обложки: Социалистическая Республика Румыния. В детском парке г. Георге Георгиу-Деж.

Фото Ю. Кривоносова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 29/IV — 74 г. А 00568 Подп. к печ. 14/V — 74 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1207. Тираж 2 140 000 экз. Заказ № 2164.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП улица «Правды», 24.

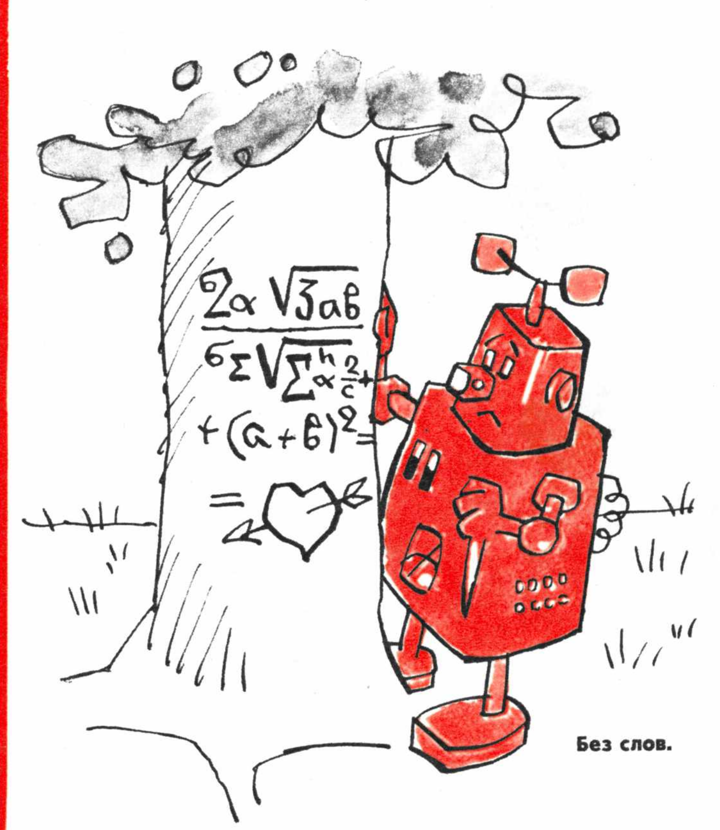

Без слов.

Рисунок Ю. Черепанова.

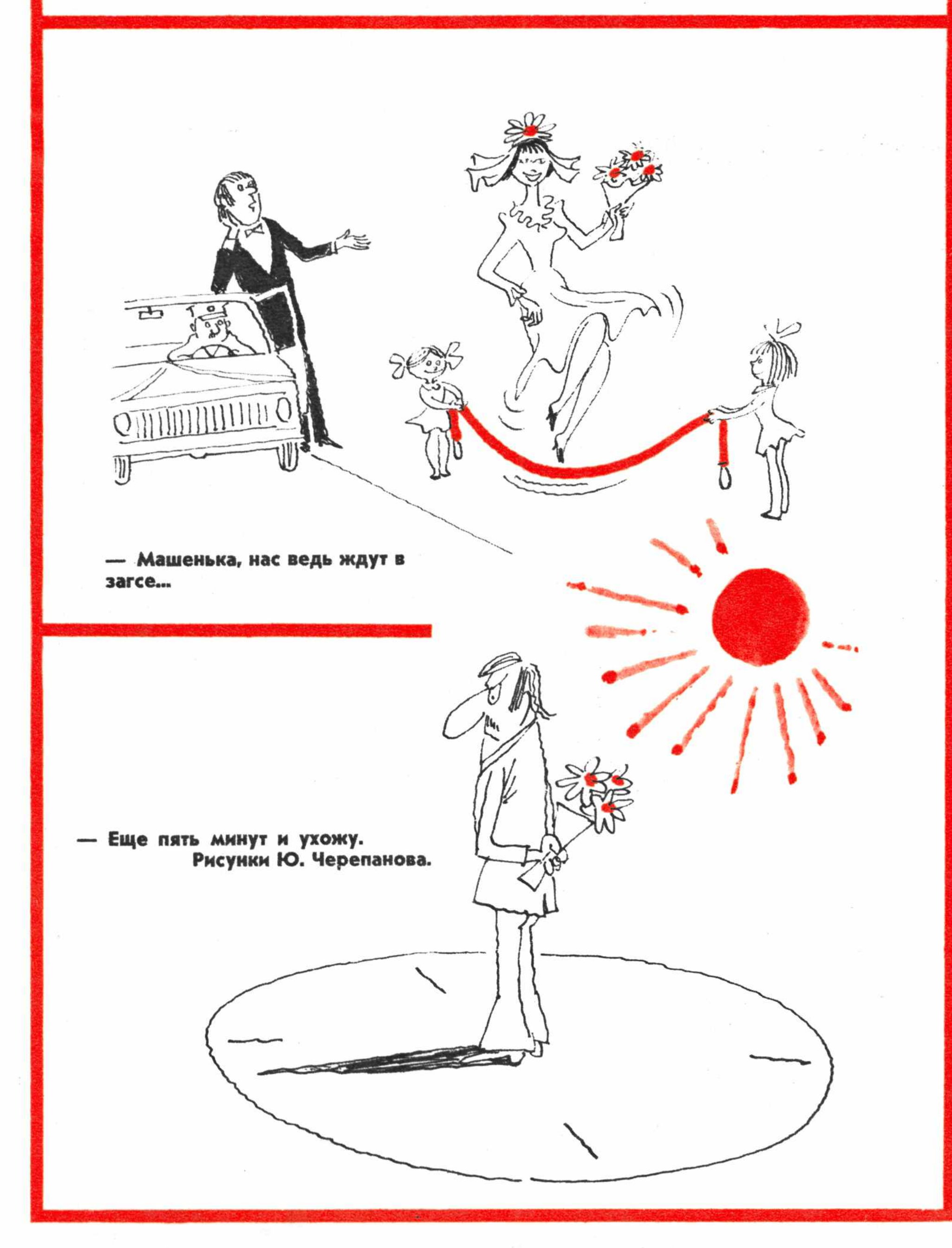
Перезимовал.
Рисунок В. Воеводина.

Без слов.

— У меня свой метод!

— Машенька, нас ведь ждут в загсе...

— Еще пять минут и ухожу.
Рисунки Ю. Черепанова.

— Где дом отдыха!

— А вот указатель...
Рисунки Б. Боссарта.

Индекс 70663

Цена номера 30 коп.